

Революционное студенческое движение в России

Революционное студенческое движение в России

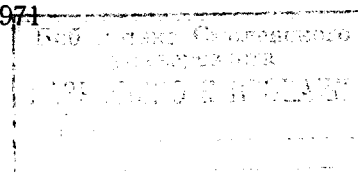
П. С. ГУСЯТНИКОВ

Революционное
студенческое
движение
в России
1899—1907

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Москва 1971

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гусятников П. С.

Г96 Революционное студенческое движение в России.
1899—1907. М., «Мысль», 1971.
264 с.

«Передовой отряд революционной демократии», «боевая сила революции» — так характеризовал осенью 1905 г. В. И. Ленин революционное студенчество в России, которое вписало немало волнующих страниц в летопись освободительной борьбы нашего народа. Грубый произвол и насилие царской администрации и полиции в отношении студенчества вызывали дружный протест тысяч юношей и девушек высших учебных заведений России.

О том, как передовая часть российского студенчества не только овладевала основами научных знаний, но и проходила школу революционной борьбы, как она шла вместе с рабочим классом на штурм абсолютистского режима, рассказывается в этой книге, написанной на большом фактическом материале.

Введение. Задачи исследования.
Историография. Источники

Проблема движущих сил социальных революций современной эпохи занимает особое место в марксистской историографии. Правильное освещение ее имеет первостепенное значение для разработки стратегии и тактики борьбы коммунистических и рабочих партий против реакционных сил империализма, за демократию и социальный прогресс. Вовлечение сегодня в мировой революционный процесс новых социальных слоев и групп населения капиталистических стран настоятельно требует всестороннего исследования и обобщения приемов и форм борьбы отдельных отрядов рабочего класса и его коммунистического авангарда за широкие непролетарские массы, конкретного содержания «левоблокистской» тактики большевиков.

Важнейшим аспектом марксистско-ленинской исторической науки является изучение диалектической взаимосвязи в решении демократических и социалистических задач революционной борьбы пролетариата. Для России начала XX столетия, когда в стране назревал острый кризис социально-экономических и политических устоев самодержавия, ленинская постановка вопроса — идти к социализму «единственно возможным способом по единственно верной дороге... по дороге демократической республики»¹ имела первостепенное значение при разработке правильной стратегии борьбы российского пролетариата и его авангарда — РСДРП.

Назревавшая в начале XX в. революция в России по своему общественно-экономическому содержанию была буржуазной², призванной ликвидировать пережитки феодально-крепостнической эпохи.

Период с 1901 по 1908 г. в истории России В. И. Ленин характеризовал как эпоху «буржуазно-демократического

и пролетарского движения»³, в которую пролетариат и буржуазная демократия (в основном крестьянство) составляли общественную силу этого движения⁴. Указывая, что рабочий класс в революции 1905—1907 гг. «был главной пружиной общего направления событий», Ленин подчеркивал, что «движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется...»⁵.

Борьба рабочих за ликвидацию всех пережитков крепостничества будет успешной лишь при условии, если социал-демократия возьмет в свои руки руководство общедемократическим движением, если к борьбе пролетариата присоединится масса крестьянства, «все революционные и республиканские элементы народа»⁶.

Одним из сравнительно небольших в тот период, но важных отрядов революционной демократии и выступало радикально настроенное студенчество России.

Лучшая, демократически настроенная часть русского студенчества всегда была враждебна царскому режиму и вела с ним борьбу. С конца прошлого столетия движение демократического студенчества испытывало благотворное влияние рабочего движения, теоретической и практической деятельности революционных социал-демократов, приобрело широкий размах; студенты стали применять пролетарские средства борьбы — забастовку и уличную демонстрацию.

К сожалению, в историко-партийной литературе пока еще весьма слабо отражена теоретическая и практическая деятельность В. И. Ленина, большевиков в борьбе за непролетарские массы, в частности — демократическое студенчество, за расширение и углубление его движения. До сих пор нет монографических работ по истории студенческого движения в масштабе всей страны. Задача данной работы — в какой-то мере восполнить этот пробел.

Автор не ставит задачу рассмотрения всего круга вопросов, относящихся к студенческому движению вообще, в котором, как известно, принимали участие не только демократически настроенная молодежь, но и откровенно монархические, националистические и всякого рода академические прутья и организации. Наша цель — проследить основные этапы и характер движения революционного и революционно-демократического студенчества в

период с 1899 по 1907 г.* и деятельность РСДРП по руководству этим общественным движением.

Расширение документальной базы исторической науки, вовлечение в научный оборот новых фактов позволяет в соответствии с действительностью определить место движения русского студенчества в решении демократических и социалистических задач русского пролетариата. При этом нельзя игнорировать роль непролетарских слоев населения в борьбе за победу буржуазно-демократической революции, ибо это ведет к неоправданному сужению ее социальной базы, к умалению возможности рабочего класса возглавить борьбу народных масс за демократию, за общественный прогресс.

Изученные нами документы и материалы, относящиеся к студенческому движению накануне и в период первой русской революции, приводят к выводу о неверной оценке (утвердившейся в историографии второй половины 30-х годов⁷) характера этого движения как движения оппозиционного. Необходимо в полной мере восстановить и раскрыть ленинскую характеристику студенческого движения как движения «передового отряда революционной демократии», сформировавшегося осенью 1905 г. «в боевую силу революции»⁸.

Поскольку студенческое движение в рассматриваемый период было органически связано с освободительной борьбой народов России, а размах и сила выступлений учащейся молодежи в значительной мере определялись состоянием революционной борьбы всех отрядов трудящихся, автор не видит оснований для особой периодизации этого общественного движения.

* В понятие «революционное студенчество» мы включаем ту часть молодежи, которая состояла в марксистских кружках, в рядах РСДРП или разделяла ее основные программные и тактические лозунги борьбы.

К революционно-демократическому крылу студенчества мы относим ту часть молодежи, которая принимала непосредственное участие в движении за демократизацию высшего и среднего образования в стране, в антиправительственных выступлениях (забастовках, уличных демонстрациях), а в 1905—1907 гг. боролась за победу буржуазно-демократической революции. «Кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность, тот может быть причислен к революционным демократам» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. III, стр. 342). В дальнейшем (для краткости и придания нужных смысловых оттенков) мы будем употреблять выражения «радикальное», «демократическое», «борющееся» студенчество.

Работа делится на две части: первая — студенческое движение в годы назревания революционного кризиса (1899—1904 гг.); вторая — участие студенческой молодежи в революции 1905—1907 гг. В книге впервые делается попытка ввести в историографию такие понятия, как всеобщие (всероссийские) студенческие забастовки, рабоче-студенческие демонстрации протеста.

Важным аспектом работы является исследование условий возникновения и первых шагов деятельности студенческих социал-демократических групп и организаций, борьбы искровцев, большевиков с меньшевиками и эсерами за влияние на учащуюся молодежь.

При рассмотрении конкретных событий движения учащейся молодежи в работе показываются выступления студенчества из либерально-монархического лагеря, акции царских властей и профессорской коллегии.

Участие демократического студенчества в освободительном движении — сложная и большая проблема, и понятно, что в рамках одной работы трудно в одинаковой мере осветить все ее аспекты, соблюсти соответствующие пропорции в отборе материалов, иллюстрирующих движение в учебных заведениях страны. При этом автор учитывал наличие диссертационных и других работ по отдельным вузам страны. Предпочтение материалам и фактам, иллюстрирующим студенческое движение в столичных высших учебных заведениях, объясняется, во-первых, тем, что студенчество Петербурга и Москвы шло в авангарде движения учащейся молодежи страны, во-вторых, типичностью явлений в общественной жизни высшей школы.

Исследование указанного выше круга вопросов имеет не только большое научное, политическое, но и воспитательное значение.

XXIV съезд КПСС подчеркнул огромное значение воспитания трудящихся, прежде всего молодежи, на революционных, трудовых и боевых традициях советского народа, Коммунистической партии. В. И. Ленин говорил, что молодежи «нужен опыт старых борцов... умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором», «нам дорого бережное отношение к революционным традициям», которые «должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов»⁹.

Если в целом по исследуемой нами проблеме до сего

времени нет монографических работ, то по отдельным вопросам и периодам студенческого движения написан и опубликован ряд книг, брошюр и статей*.

В. И. Ленин, пристально следивший за развитием студенческого движения в России, был и первым его историком-марксистом. Только с 1901 по 1903 г. В. И. Лениным было написано и опубликовано четыре статьи, посвященные анализу студенческого движения и работе РСДРП среди учащейся молодежи: «Отдача в солдаты 183-х студентов», «Начало демонстраций», «Признаки банкротства», «Задачи революционной молодежи». В. И. Лениным был написан также проект резолюции II съезда РСДРП «Об отношении к учащейся молодежи», определивший задачи партии по идейному воспитанию и организаторской деятельности в студенческой среде.

Немало ценных сведений об участии демократического студенчества в революции 1905—1907 гг. содержится в таких произведениях В. И. Ленина, как «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», «Уроки московских событий», «Ультиматум революционной Риги», «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете», и других работах¹⁰.

Ленинские работы служат не только методологической основой по исследуемой проблеме, но и прекрасным источником при изучении этого общественного движения.

В указанных произведениях В. И. Ленина содержится глубокий анализ событий, связанных со студенческим движением, раскрыто общественно-политическое значение его, определена программа борьбы пролетарской партии по идейно-политическому воспитанию молодежи, за руководство демократическим движением учащейся молодежи.

Известный вклад в историографию студенческого движения внесли его активные участники и публицисты, опубликовавшие в конце XIX—начале XX в. ряд статей и брошюр, в которых дается не только хроника, но и делается попытка анализа этого общественного явления.

Важные сведения и наблюдения по истории первой всеобщей студенческой забастовки 1899 г. содержатся в

* Объем книги позволяет автору дать лишь весьма краткий историографический и источниковедческий очерк.

брошюрах Сибири, Р. Выдрин, Д. (А. А. Дьяконова), Г. Энгеля и В. Горохова¹¹. Авторы нарисовали правдивую картину событий, имевших место в высших учебных заведениях Петербурга и Москвы накануне и в период революции. Но в методологическом отношении работы Выдрин, Энгеля и Горохова содержат серьезные ошибки. Так, Р. Выдрин всю историю студенческого движения делит на три стадии: «лояльного академизма», «боевого академизма» и «политиков». Г. Энгель и В. Горохов рассматривают студенческое движение изолированно от единого революционного процесса, обходят руководящую роль РСДРП в этом движении. Историю студенческого движения они искусственно делят на четыре периода: академический (до 1899 г.), переходный от академизма к радикальному (1900—1901 гг.), период радикализма (1902 г.), период сознательного радикализма и сознательного политического движения (1903—1906 гг.).

Что касается работ публицистов и историков из либерально-монархического лагеря, то нечего и говорить, что студенческое движение не могло получить в них объективного освещения. При известном различии политических взглядов общим для этих авторов являлось одно: открытое осуждение студенческих волнений, бесконечные призывы к молодежи — «внять голосу разума», перестать «бунтовать», «заниматься политикой»¹².

В 20-х и начале 30-х годов велась работа по созданию научной истории ряда старейших университетов страны (Московского, Казанского, Одесского), но, к сожалению, она была прервана и не возобновлялась по существу до 50-х годов.

С середины 50-х годов наблюдается заметный подъем исследовательской работы. За последние 15 лет вышло несколько крупных работ по истории высших учебных заведений¹³. За эти же годы защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных истории общественных движений в отдельных вузах страны¹⁴. В указанных работах, а также статьях по истории вузов* содержится известный материал, отражающий те или иные события и периоды общественной жизни до-революционной высшей школы. И хотя авторы этих работ не ставили цель исследования проблемы в це-

* См. Библиографический список на стр. 252—258 данной книги.

лом, в масштабе всей страны, каждый из них внес свою лепту в создание истории высшей школы.

Вопрос о необходимости создания научной истории высшей школы был поднят группой ленинградских ученых в 1958 г. в открытом письме, опубликованном на страницах журнала «Вестник высшей школы»¹⁵. К сожалению, за минувшие 12 лет сделано еще очень мало.

В двухтомной «Истории Московского университета», изданной в связи с 200-летием, общественно-политическая жизнь профессоров и студентов в период с 1897 по 1917 г. рассматривается в одной из глав первого тома. Авторы главы прослеживают важнейшие события студенческого движения старейшего университета страны, рассказывают о деятельности студентов-большевиков по политическому воспитанию и организации борющегося студенчества, об его участии в революции 1905—1907 гг.

Примерно в таком же плане написаны и очерки истории Ленинградского и Харьковского государственного университетов, вышедшие в связи с их 150-летием. Кроме краткого изложения истории студенческого движения в Петербургском университете авторы очерков профессор Н. Г. Сладкевич и доцент В. А. Овсянкин дают справку о возникновении и начале деятельности студенческой социал-демократической организации, а также знакомят читателя с биографией активных участников революционного движения в стране — питомцев университета.

Работа М. И. Матвеева «Студенты Сибири в революционном движении» является монографическим исследованием. На основе многочисленных источников автор рассказывает об участии социал-демократического студенчества в агитационной, пропагандистской, организаторской и боевой деятельности среди рабочих, крестьян и солдат Сибири накануне и в годы первой русской революции. Нельзя не согласиться с выводом автора о значительной роли революционно-демократического студенчества Сибири в борьбе с самодержавием и в «деле раскачивания, политического прозрения и активности рабочих г. Томска»¹⁶.

Однако вряд ли можно считать удачным название некоторых глав и параграфов, особенно главы первой («Сибирские вузы и их студенчество») и второго параграфа

той же главы («Студенческое движение к началу XX в. Победа в студенческом движении революционной социал-демократии»). Приведенные в параграфе материалы и факты свидетельствуют о победе в движении демократического студенчества Томска лишь тактической линии (стачки и демонстрации), пропагандируемой ленинской «Искрой». Выражение «победа революционной социал-демократии» (правильнее было бы сказать — революционных социал-демократов) вряд ли правомерно по отношению к студенческому движению в целом.

В сборник «Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы» наряду с интересными статьями, посвященными учебной и научной деятельности профессорско-преподавательского коллектива, включены две статьи, характеризующие отдельные этапы общественно-политической жизни курсисток. К сожалению, помещенные в сборнике статьи не дают сколько-нибудь целостного представления об участии бестужевок в революционном движении*, не раскрывают деятельность курсисток — членов РСДРП в общественно-политической жизни.

Исследованию студенческого движения посвящено несколько работ автора настоящей книги¹⁷.

Методологической основой данного исследования являются труды В. И. Ленина, решения РСДРП по программным и тактическим вопросам. Они позволяют осмыслить проблему движущих сил в буржуазно-демократической революции, место и роль отдельных классов и социальных групп, политических партий в революционном процессе.

О содержании и направлении социал-демократической пропаганды среди учащейся молодежи можно судить по прокламациям и листовкам Центрального и местных комитетов РСДРП, опубликованным в сборниках документов, посвященных истории нашей партии, а также выявленным нами в архивных фондах Москвы и Ленинграда.

Чрезвычайно ценным источником при изучении студенческого движения, деятельности РСДРП является газета «Искра» (№ 1—51), систематически и широко освещавшая это движение*, а также большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др.

* Более подробно об этом сборнике см. нашу рецензию «Первый в России женский университет». — «История СССР», 1966, № 5.

щавшая это движение*, а также большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др.

В работе использованы многочисленные документы, хранящиеся в государственных архивах Москвы и Ленинграда: Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), Центральном государственном архиве высших органов государственной власти и государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА), Партийном архиве Института истории КПСС при Ленинградском ОК КПСС (ЛПА), Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА), в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В ЦПА ИМЛ (фонды «Искры» и «Пролетария») хранятся переписка агентов центральных органов партии в России с редакциями, корреспонденции о студенческом движении, отклики на него за рубежом. В фонде архивного хранения (ФАХ) библиотеки ИМЛ находится богатейшая коллекция листовок, бюллетеней студенческих социал-демократических и других партийных и общественных организаций молодежи. Они являются ценнейшим и подчас единственным источником для изучения общественного движения в высшей школе, но, к сожалению, до сего времени почти не используются исследователями.

В ЦГАОР (фонды департамента полиции и министерства юстиции) отложились тысячи докладных записок агентов царской охранки, градоначальников, директоров департаментов, в которых отражено участие студенчества в революционном движении.

В ЦГИА (фонды департамента министерства просвещения, высочайших указов и рескриптов и др.) хранятся многочисленные документы, отражающие события студенческого движения с 1861 по 1917 г. Помимо донесений учебного начальства о «беспорядках» в высшей школе

* По нашим подсчетам, в 51 номере «Искры» было опубликовано 88 корреспонденций, статей и заметок, посвященных студенческому движению в России (3 статьи В. И. Ленина, 8 прокламаций социал-демократических организаций, 44 корреспонденции, 33 заметки).

нами просмотрены инструкции министерства просвещения на случай возникновения студенческих волнений, уставы общественных и научных кружков учащихся, протоколы правительственных комиссий «по выработке мер борьбы с беспорядками», сведения о репрессиях и пр.

В ЛГИА (фонды попечителя петербургского учебного округа высших учебных заведений Петербурга) нами изучено много дел, в которых отражено корпоративное и персональное участие студентов в общественном движении.

В ряде случаев, когда не удавалось найти документов в архивах и опубликованных источниках, автор использовал в качестве источника мемуарную литературу и записи воспоминаний участников описываемых событий. Ценные сведения о студенческом движении автор получил от старых большевиков — современников и участников исследуемых событий — П. С. Араратова, В. А. Радус-Зеньковича, Е. Д. Стасовой, И. Д. Удальцова, М. М. Эссен.

Необходимо, однако, заметить, что при исследовании проблемы автор встретил такие пробелы в источниках, восполнить которые почти не удалось. Это относится, в частности, к вопросам деятельности местных студенческих социал-демократических организаций, внутрипартийной и межпартийной борьбы в студенческой среде.

В работе не рассматривается студенческое движение в Польше, Финляндии, входивших тогда в состав Российской империи, поскольку движение учащейся молодежи в основном примыкало к борьбе польского и финского народов за национальную независимость. Несомненно, эта проблема является предметом специального исследования.

Участие революционно-демократического студенчества в освободительной борьбе народа — большая и сложная тема. Хочется верить, что со временем появится не одно исследование, посвященное общественному движению в дореволюционной высшей школе. И если эта книга в какой-то мере поможет исследователям в их труде по созданию научной истории высшей школы, то автор будет считать, что цель его работы достигнута.

Студенческое движение в годы назревания революционного кризиса (1899 — 1904 гг.)

Предпосылки демократического движения российского студенчества

Движение передовой учащейся молодежи, получившее широкий размах на рубеже XIX—XX вв., имеет ряд причин и предпосылок общего и корпоративного характера. Студенческое, как и всякое общественное, движение можно правильно понять, лишь рассматривая его в организационной связи с социально-экономическими и политическими условиями развития страны.

В первые годы XX в. — годы глубокого социального и политического кризиса абсолютистского режима, дворянско-буржуазных моральных ценностей особенно обострилось чувство недовольства учащейся молодежи — выходцев из мелкобуржуазных слоев населения — своим настоящим и будущим положением в обществе.

Как и везде в периоды кризиса старого общественного строя, в России быстро росло неверие в «незыблемые устои» царского режима, росла политическая армия его могильщиков.

В авангарде этой армии шел российский пролетариат, аккумулировавший в себе огромный заряд революционной энергии, питавшей социалистическое и демократическое движение в стране.

Значительного размаха и силы демократическое движение российского студенчества достигло в начале XX в., в годы подъема революционной борьбы рабочего класса. И это закономерно: в общенародной борьбе во главе с рабочим классом студенчество черпало силу, а его выступления приобретали боевой, упорный характер. Указывая на тесную связь студенческого движения с революционной борьбой пролетариата, В. И. Ленин писал:

«...под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи...»¹. Эта борьба пролетариата привела «уже не только к небывалому подъему революционного духа в студенчестве, но и к начинающемуся пробуждению деревни...»².

Обострение социальных противоречий в стране, народного недовольства полицейским режимом самодержавия — главная предпосылка движения учащейся молодежи — самой отзывчивой части интеллигенции³. В движении студенчества, как в призме, преломлялись, находили свое отражение социально-политические интересы классов, политических течений и партий, поскольку в высших учебных заведениях обучались дети почти всех классов и социальных слоев тогдашнего общества (разумеется, далеко не в одинаковых пропорциях).

В этой связи важно выяснить классовую (сословную) структуру российского студенчества.

В целом дореволюционное студенчество России являлось многоклассовой, производной (т. е. не основной) социальной группой населения. Как известно, классовая принадлежность студента определяется социальным положением родителей или происхождением доходов взрослых членов семьи.

Значительное большинство учащихся в университетах и институтах составляли дети средней и мелкой буржуазии, чиновников, духовенства, разночинной интеллигенции. Отмечая тесную связь движения учащейся молодежи с социально-политическими задачами борьбы тех классов и сословий, к которым принадлежало большинство активного студенчества, В. И. Ленин указывал: «Тысячи и миллионы нитей связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д.»⁴.

Процесс демократизации социального состава учащихся высшей школы, начавшийся в 90-е годы XIX столетия, продолжался и в начале XX в. К сожалению, сословный принцип статистики не позволяет составить полную картину классовой принадлежности студенчества*. Приво-

* В статистических данных о социальном составе учащихся отсутствуют, например, графы: дети буржуазии, рабочих, хотя они и обучались в высших учебных заведениях. Правда, дети последних являлись «белыми воронами», составляли ничтожную долю процента от общего числа учащихся.

димые ниже данные по учебным заведениям дают лишь приблизительное представление о социальном составе учащихся в дореволюционной высшей школе.

Таблица 1

Социальный состав студентов
Московского университета в 1904 г.⁵

Социальное происхождение, звание или профессия	Студентов	%
Дети мелких и средних чиновников . . .	1126	20,6
» мещан	1027	18,8
» купцов и почетных граждан	923	16,9
» дворян	897	16,4
» крупных чиновников и офицеров	434	7,9
» крестьян*	312	5,7
» лиц духовного звания	268	4,9
» мелких и средних лавочников	94	1,7
» лиц свободных профессий	70	1,3
» народных учителей	22	0,4
» фельдшеров	27	0,4
» аптекарей и провизоров	19	0,4
» бывших дворян	9	0,2
» неизвестных	240	4,4
Итого	5 468	100,0

Таблица 2

Социальный состав студентов
Юрьевского университета в 1901 г.⁶

Социальное происхождение, звание или профессия	Студентов	%
Дети дворян и чиновников	271	17,0
» почетных граждан и купцов	178	11,2
» лиц духовного звания	704	44,6
» мещан и разночинцев	246	15,6
» крестьян	167	10,6
» иностранцев	14	0,9
Итого	1 580	≈ 100,0

* В эту рубрику включались и дети рабочих.

Социальный состав студентов Петербургского
технологического института на 1 января 1907 г.⁷

Таблица 3

Социальное происхождение, звание или профессия	Студентов	%
Дети мещан и цеховых	450	28,6
» личных дворян и чиновников	335	20,8
» почетных граждан и купцов	298	18,5
» потомственных дворян	225	14,0
» крестьян	166	10,3
» лиц духовного звания	32	2,0
» казаков	30	1,8
» иностранцев	27	1,7
» прочих	37	2,3
Итого	1 600	100,0

Из приведенных таблиц видно, что в Московском университете в 1904 г. дети дворян, крупных чиновников и офицеров составляли лишь 24,3%, в Юрьевском — 17, в Петербургском технологическом институте — 34,8% общего числа студентов. При этом необходимо отметить, что дети многих «личных дворян», «почетных граждан» по источникам и размерам дохода их родителей в большинстве стояли ближе к разночинцам, нежели к помещикам.

В Петербургском электротехническом институте в конце 90-х годов обучалось примерно 80% детей бедных чиновников, работников почтово-телеграфного ведомства, около 20% — сыновей учителей, врачей и лишь единицы — представители помещиков, крупных заводчиков и торговцев⁸.

В Томском технологическом институте в период с 1901 по 1909 г. большая часть студентов (57—60,5%) принадлежала к выходцам из мещан, зажиточных крестьян, казаков, из низшего духовенства, а дети потомственных дворян составляли всего лишь от 6,23 до 9,85%⁹.

Для нас важно установить, какая социальная группа выделяла максимальное число участников студенческого движения, кому принадлежала в нем руководящая роль.

Как уже говорилось, в студенческом движении принимала участие молодежь, принадлежавшая к различным классам и слоям тогдашнего общества. Но самую актив-

ную часть студенческого движения составляли в основном представители мелкой буржуазии, земской и разночинной интеллигенции. Об этом свидетельствуют, в частности, данные об участниках движения за 1902 г. в Московском университете. Первую скрипку в движении играли представители «третьего элемента»*, которому, указывал В. И. Ленин, не было места в сословной монархии¹⁰.

Из каждых трех студентов этого университета, принадлежавших к категории «третьего элемента», один принимал участие в движении (32,4%). Из других социальных групп населения процент участников студенческого движения в этом университете был: для крестьян — 15,7, мещан — 15,1, купцов — 12,8, духовенства — 10,7¹¹.

«Студенческий пролетариат», как тогда часто называли остро нуждавшихся студентов, составлял сравнительно небольшой слой в общей студенческой массе. Однако именно ему принадлежала руководящая роль в революционно-демократическом движении студенчества. Об этом свидетельствуют не только документы, отражающие социальный состав исключенных за участие в движении, но и сами участники студенческого движения: «Самую активную часть дореволюционной вузовской молодежи составляли студенты, волею судеб предоставленные сами себе... Дети рабочих, крестьян, городских мещан, мелких торговцев, учителей входили в эту категорию»¹².

Несмотря на разношерстный социальный состав, у дореволюционного студенчества были и общие политические причины, и корпоративные интересы, нередко служившие почвой для возникновения конфликтов молодежи с царской администрацией и правительством. Радикально настроенные студенты ясно сознавали, что при царском строе практически нельзя раскрыть свои творческие возможности, что полицейский режим — тяжелые оковы при исполнении гражданского долга.

Нельзя забывать и того, что студенты — один из отрядов молодежи и им свойственны все специфические черты этого особого этапа в жизни человека: оптимизм, острота восприятия социальной несправедливости, злобо-

* К этой социальной категории населения официальные органы печати относили так называемую земскую интеллигенцию — агрономов, врачей, техников, статистиков и других служащих.

дневных общественных проблем, революционная романтика, тяга к новому, развитое чувство человеческого достоинства, гражданственности, «бунтарский дух» и т. п.

Вопросы социально-экономического прогресса России, классовой борьбы, будущего своего поколения стояли в центре общественной жизни, волновали умы передовой, мыслящей молодежи. Обеспокоенное за судьбу своей родины, трудолюбивого и талантливое народа, революционное студенчество страстно хотело видеть угнетенный народ свободным, а Россию — передовой, могущественной, демократической державой. А эта Россия уже рождалась в острых классовых схватках на глазах молодежи, и она стремилась ускорить революционное обновление своей отчины.

Стремление радикально решить общественные проблемы было близко уму и сердцу юношей и девушек, жадно впитывавших революционные традиции старших поколений борцов против царского произвола.

Чувство гражданственности, ответственности за судьбу своей родины хорошо выразила группа ссыльных студентов в Сибири в открытом письме к товарищам осенью 1902 г.: «Бывают в жизни народа моменты, когда лишь одна наука — наука борьбы — обязательна для каждого. И такой-то момент переживает теперь наша родина... С каждым днем растет самосознание рабочего класса, с каждым днем близится гибель царизма. Наш долг, товарищи, наша святая обязанность пойти на помощь этому проснувшемуся великану-освободителю, к этому победоносному борцу и могильщику самодержавия»¹³.

Демократическое студенчество не могло также мириться с реакционной, антинародной политикой самодержавия в отношении высшей школы, с постановкой народного образования, не отвечавшей уровню и особенно потребностям экономического и политического развития страны. Царское правительство культивировало косность и рутину в системе высшего образования. Оно стремилось не допускать на кафедры профессоров и преподавателей — представителей передовых научных и общественных взглядов, ревностно охраняло университетский устав 1884 г., узаконивший грубый полицейский сыск и произвол чинов инспекции над учащейся молодежью. Основное содержание и главный смысл этого реакционного устава сводился к тому, чтобы рассматривать высшие

учебные заведения как казенные учреждения, а профессоров и преподавателей — чиновников министерства просвещения, науку — служанку реакционной политики самодержавия. Авторы и вдохновители этого устава задались целью воспрепятствовать проникновению в университеты освободительных идей, передовых научных теорий. Назначение профессоров всецело зависело от министра просвещения и попечителя учебного округа. Инспектора и их помощники выполняли по существу функции полицейских и агентов охранного отделения.

Один из столпов реакции, Катков, в своей газете «Московские ведомости» приветствовал введение этого устава многозначительным возгласом: «Встаньте, господа, правительство идет!» И правительству Александра III, а затем Николая II действительно двинулись в наступление, давя самодержавным сапогом все «неблагонамеренное», насаждая на университетских кафедрах дух мракобесия и угодничества.

Царское правительство чинило всяческие препятствия делу народного образования, действовало как «величайший враг народного просвещения в России»¹⁴.

Студенты находились под постоянным наблюдением агентов «властей предрержащих» (инспекции, царской охранки). В проекте речи «К вопросу о политике министерства народного просвещения», написанной для депутатов-большевиков IV Государственной думы, В. И. Ленин отмечал: «Да, наше министерство народного просвещения есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию»¹⁵.

Царская охранка нередко вербовала своих агентов из числа «благонамеренных студентов». На службе охраны фактически состояли старший инспектор студентов, субинспекторы, которых студенты называли пуделями. Последние вели постоянную слежку за студентами: в аудиториях, коридорах, гардеробах, в столовых, а также местах сосредоточения молодежи вне стен университета.

Согласно университетскому уставу, студент являлся лишь «отдельным посетителем», ему категорически запрещалось под угрозой исключения из учебного заведения участвовать в каких-либо обществах и организациях, в коллективных выступлениях.

Циркуляры министерства просвещения обязывали

ректоров предавать студентов, принимавших участие в «беспорядках», профессорскому дисциплинарному суду, а последние могли накладывать не только дисциплинарные взыскания, но и исключать из университета и обращаться «за содействием» к полицейским властям, просить о высылке исключенных студентов из города¹⁶.

Вечно гонимая, постоянно подозреваемая в «крамоле», учащаяся молодежь встречала на каждом шагу произвол и насилие со стороны чинов министерства просвещения и внутренних дел. Всякий невинный по своему характеру кружок самообразования, дружеская вечеринка студентов давали полицейским властям повод к составлению «особого дела», а заявление студентов о своих нуждах считалось чуть ли не «бунтом».

Отсутствие академических свобод, обыски, аресты, карцер, массовые исключения из учебных заведений, кулак и нагайка городского — все это в значительной мере способствовало революционизированию передовой учащейся молодежи, наталкивало ее «на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья»¹⁷.

В лекциях большинства профессоров студенты тщетно искали ответы на вопросы, поставленные самой жизнью. И молодежь в поисках ответа на волнующие ее вопросы, естественно, обращалась не к «дозволенным цензурой» книгам, а к запрещенной литературе, к окружающей действительности, восполняя таким образом пробелы университетского образования.

Студент — это завтрашний интеллигент. Поэтому его психология и интеллект формируются одновременно как условиями его учебы, так и перспективами его будущей деятельности. В тяжелых материальных и моральных условиях приходилось жить и работать трудовой интеллигенции до революции. Царская бюрократия и господствующие классы всячески третировали ее как «интеллигентных пролетариев», «наймитов». Неясность, а подчас бесперспективность завтрашнего дня для прогрессивно настроенных честных специалистов, не желавших быть покорными слугами царской бюрократии и «желтого дьявола», заставляли задумываться учащуюся молодежь над своим настоящим и будущим положением в обществе. Даже получив университетский диплом (дело само по себе нелегкое), молодой специалист не был уверен, что

найдет нужную работу. Выпускники, разумеется, не получали направления или рекомендации на работу.

С развитием капитализма, ростом удельного веса и роли интеллигенции в обществе последняя стремилась расширить узкие рамки для своей общественной и профессиональной деятельности, искала пути выхода из мрачной действительности.

Студенты понимали, что для ограждения человеческого достоинства от полицейско-чиновничьего произвола властей, для успешного исполнения в будущем своих функций (адвоката, агронома, врача, учителя, инженера и т. п.) необходимы демократические права и свободы, которых нет и не могло быть до тех пор, пока существует царский режим.

Весьма незавидным было не только правовое, но и материальное положение значительной части студенческой молодежи, трудовой интеллигенции. Студенты — выходцы из мелкобуржуазной среды постоянно испытывали острую материальную нужду.

Согласно статистическим данным, составленным на основании опросных анкет студентов Московского, Томского и Юрьевского университетов, среднемесячный бюджет большинства студентов указанных университетов (не будет большой погрешностью, если эти данные мы отнесем и к другим учебным заведениям страны) равнялся 20—25 рублям¹⁸.

Даже по официальным данным инспекции, нуждающиеся студенты в Петербургском университете в 1899 г. составляли 40%¹⁹, а в 1899/1900 учебном году — 53,2% от всего числа обучающихся²⁰, в Томском университете 58% студентов жили за счет личного заработка, пособий и стипендий²¹.

Если учесть дороговизну жизни в городах, особенно квартирную плату (в Москве и Петербурге плата за плохую комнату составляла от 10 до 15 рублей, а за сносную — 20—25 руб. в месяц), плату за обучение*, то станет понятным хронический дефицит бюджета большинства студентов. Недаром в дореволюционной России слово «студент» являлось синонимом «нищий», вечно нуждающийся человек.

* Университетский устав 1884 г. поднимал плату за обучение почти вдвое (до 70 рублей в год) и вводил дополнительно особый гонорар за слушание лекций в пользу профессоров.

Для того чтобы обеспечить полуголодный прожиточный минимум в 15—20 рублей, студентам приходилось уделять много времени и сил на подыскание себе заработка. «Жизнь моя проходит в заботах о куске хлеба»²², — писал студент Московского университета С. С. Спандарян своему отцу зимой 1903 г. Те же заботы о куске хлеба одолевали и студента Киевского университета сына рабочего Ф. Н. Петрова. Он давал грошовые уроки, ходил разгружать вагоны²³.

В газетах нередко можно было прочесть такое объявление: «Дайте, господа, какую-нибудь работу голодному человеку, дайте ему самый скромный заработок, хотя бы такой, чтобы голодный студент мог изредка обедать...»²⁴

Что касается средств, поступавших от благотворительных учреждений, то распределение их находилось в руках инспекции, которая превращала материальную помощь в награду за «благонадежность», угодничество и шпионство за товарищами; при этом степень нуждемости того или иного студента чаще всего игнорировалась. Так, несмотря на острую материальную нужду студента второго курса историко-филологического факультета Петербургского университета Д. З. Мануйльского, ему было отказано в стипендии «на основании» доносов инспекции²⁵.

Особенно тяжелыми были жилищные условия большинства учащихся дореволюционной России: «Санитарное состояние этих жилищ (комнат, снимаемых студентами в Москве. — П. Г.) прямо ужасное: более $\frac{1}{3}$ — холодных; $\frac{1}{5}$ — сырых; 16,2% — темных; 7,5% — «прохладных»»,²⁶ — свидетельствуют авторы обследования жилищно-бытовых условий студенчества.

Говоря о предпосылках и причинах студенческого движения, нельзя не отметить еще таких моментов, как развитое чувство корпоративной солидарности, высокая степень организованности студенчества, его стремления хранить и преумножать революционные традиции товарищей, своего учебного заведения.

В формировании чувства высокой гражданственности, научного мировоззрения молодежи огромная роль принадлежала демократической и марксистской литературе.

Большой популярностью у студенческой молодежи

пользовались произведения революционеров-демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова. Любимые герои «Что делать?» Чернышевского — Рахметов, Вера Павловна, Кирсанов помогали молодежи определять свое место в жизни. Образ Рахметова служил воспитанию не одного поколения революционной молодежи.

Особенно сильное воздействие на умы молодежи оказывали свободолобивые произведения А. М. Горького, революционная романтика его произведений — «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике». Популярность этих стихотворений была настолько велика, что эпиграфом ко многим студенческим листовкам служили строки из «Буревестника», а слушательницы Женского медицинского института «окрестили» свою революционную организацию этим названием.

Что касается той части революционно настроенной молодежи, которая в конце концов перешла на позиции пролетариата, то из всех предпосылок и благоприятных факторов, способствовавших формированию ее мировоззрения, следует указать прежде всего на произведения Маркса, Энгельса, Ленина.

Документы и материалы, относящиеся к истории зарождения и развития марксистского учения в России, убедительно свидетельствуют о том, что именно в университетах и институтах возникли первые марксистские кружки и группы (Д. Н. Благоева, Н. Е. Федосеева, М. И. Бруснева и др.), а лучшая часть революционной учащейся молодежи начала первой сеять его великие идеи в среде рабочих и крестьян.

Можно смело утверждать, что ни одно из общественных учений так сильно не захватывало и не становилось властителем дум учащейся молодежи, как теория Маркса в конце XIX в. «...Это учение, — указывал В. И. Ленин, — не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России»²⁷.

Проходя учебную практику в заводских мастерских и лабораториях, студенты политехнических институтов нередко были свидетелями борьбы рабочих с хозяевами и правительством. «Несомненно, что и соприкосновение с рабочей средой во время практических занятий в ма-

стерских, на фабриках и заводах пробуждало у технологов интерес к рабочему движению»²⁸, — вспоминает Л. Б. Красин — студент Петербургского технологического института.

Об огромном интересе к борьбе пролетариата, теории Маркса со стороны революционного студенчества свидетельствует и другой видный деятель большевистской партии — С. Г. Шаумян. В письме из Риги к родным в 1901 г. он писал: «Я, кроме занятий в политехническом, занимаюсь и другими предметами. Основательно ознакомился с рабочим движением, с тем общественным движением, которое носит название социализм»²⁹.

О популярности трудов К. Маркса среди радикального студенчества мы можем судить по некоторым статистическим данным. Так, в статье С. Кирпичникова «Что читает и чем интересуется наше студенчество», написанной в 1904 г. на основе анкетных данных — ответов студентов Петербургского технологического института, приводятся интересные сведения по этому вопросу. «В отделе политической экономии, — пишет автор, — далеко впереди стоит имя Маркса, и к нему непосредственно примыкает литература марксизма. Характерно, что в этом отделе мы встречаемся с удивительно установившимся вкусом: половина всех приведенных книг принадлежит перу Маркса и его последователей»³⁰.

Таким образом, сама жизнь, российская действительность, глубокое раздумье над причинами социально-экономической отсталости страны, политического бесправия народа, понимание того, что история не простит студенту, если он не исполнит долг гражданина-борца, — основные мотивы студенческого движения. Большинство дореволюционной студенческой молодежи имело глубокие основания быть недовольным существующим самодержавным строем, при котором она не могла обеспечить себе удовлетворительных условий жизни и учебы ни в политическом, ни в материальном, ни в моральном отношении.

В среде радикально настроенной молодежи росло убеждение в порочности царского режима, моральных ценностей помещичье-буржуазного общества. И она все упорнее искала ответ на вопрос: «Что делать? По какому пути следует идти, чтобы достойно выполнить свой гражданский долг?»

Найти верные ответы на эти и другие вопросы, выдвигаемые самой жизнью, помогли молодежи В. И. Ленин, русские марксисты.

Наличие объективных причин и предпосылок студенческого движения выдвигало задачу всемерной поддержки и помощи этому общественному движению со стороны РСДРП. Многогранная деятельность В. И. Ленина, революционных социал-демократов является важнейшей субъективной предпосылкой студенческого движения*, фактором, в значительной степени ускорившим переход его к политическим, антиправительственным целям и средствам борьбы.

Первая всероссийская студенческая забастовка

История студенческого движения — составная часть истории освободительной борьбы народов России. Студенческое движение выдвинулось на передний край общественно-политической жизни страны еще в разночинский период освободительной борьбы (1861—1895 гг.). Важнейшими моментами движения демократического студенчества в этот период являются: организация студентами Петербургского, Московского и Киевского университетов панихиды по убитым царскими войсками полякам-демонстрантам в Варшаве (март 1861 г.); демонстрация во время публичной панихиды по расстрелянным крестьянам села Бездны Казанской губернии, организованная студентами Казанского университета и Духовной академии; серьезные студенческие беспорядки осенью 1861 г. во всех высших учебных заведениях страны в связи с введением так называемых путятинских правил**; участие столичного студенчества в первой, по определению В. И. Ленина, «социально-революционной демонстрации» на Казанской площади 6 декабря 1876 г.***; студенческие сходки осенью 1878 г., связанные с агитацией революционных народников; студенческие

* Об этом речь пойдет ниже при рассмотрении конкретных событий студенческого движения.

** «Правила для университетов» были утверждены в мае 1861 г. вновь назначенным министром просвещения Путятиным. Новыми правилами запрещались студенческие сходки, всякие публичные выступления молодежи и предписывалось немедленно увольнять нарушителей этих «правил».

*** Здесь и далее даты даются по старому стилю.

волнения осенью 1879 г. в знак протеста против передачи функций выборного профессорского дисциплинарного суда суду правления университета и нового порядка распределения стипендий (с участием инспектора студентов); публичные «оскорбления действием» (пощечина) представителей учебного начальства в Петербургском, Московском, Варшавском и Казанском университетах в знак протеста против полицейских актов насилия с их стороны (начало 80-х годов); антиправительственная демонстрация радикальной части студенчества столичного университета в ознаменование 25-летия со дня смерти Н. А. Добролюбова; брожение среди столичного студенчества весной 1887 г. в связи с деятельностью и арестом группы народолюбцев во главе с А. Ульяновым; волнения студентов Московского университета осенью 1887 г. в знак протеста против введения реакционного университетского устава; сходка студентов Казанского университета 4 декабря 1887 г., в которой активное участие принял В. И. Ленин; демонстрация 300 студентов Московского университета по случаю кончины Н. Г. Чернышевского 19 октября 1889 г.; движение московского студенчества осенью 1890 г. в знак протеста против введения реакционного университетского устава в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии; манифестация более 200 петербургских студентов совместно с передовыми рабочими и интеллигентами в день похорон писателя-демократа Н. В. Шелгунова; движение студенчества 1891—1892 гг., связанное с массовым участием передовой молодежи в борьбе с голодом.

В разночинский период освободительной борьбы студенческое движение принимало различные формы: коллективный бойкот лекций профессоров-реакционеров и мракобесов, кратковременные забастовки, неподчинение распоряжениям учебного начальства, участие в нелегальных сходках, уличных манифестациях и т. п.

В период, когда реакция давила все живое и мыслящее, а рабочее движение делало только первые шаги, крестьянство безмолствовало, студенческие волнения играли важную роль в общественно-политической жизни страны, были своего рода предгрозовой молнией, вносящей живительный разряд в удушливую атмосферу абсолютистского режима самодержавия. Они способствовали пробуждению и росту политического самосознания

народных масс, видевших в этих выступлениях симптомы общего недовольства самодержавно-полицейскими порядками в стране. Большое значение студенческих волнений состояло и в том, что лучшая часть их руководителей пополняла революционно-демократические организации, из них в дальнейшем вырастали последовательные марксисты (Д. Н. Благоев, М. И. Бруснев, Н. Э. Бауман, В. В. Воровский, М. Ф. Владимирский, П. К. Запорожец, Л. Б. Красин, П. А. Красиков, Г. М. Кржижановский, В. К. Курнатовский, М. А. Сильвин, С. И. Радченко, Н. А. Семашко и многие другие).

В течение первого пятилетия пролетарского этапа освободительного движения произошли четыре крупных выступления демократического студенчества: в конце 1895—начале 1896 г. несколько сотен студентов учебных заведений страны отказались присягнуть вступившему на престол Николаю II, за что были исключены из университета и высланы на родину; демонстрация более 500 московских студентов в полугодовщину «ходьинской катастрофы» 18 ноября 1896 г.; демонстрация протеста студентов Петербурга, Москвы, Киева и Харькова в связи с трагической смертью слушательницы Высших женских курсов М. Ф. Ветровой (март 1897 г.); первая все-российская студенческая забастовка в феврале—марте 1899 г. Общественно-политические мотивы этих выступлений—протест передовой молодежи против полицейского произвола самодержавия—очевидны.

Руководящими органами студенческого движения с момента его возникновения и до завершения политической (партийной) дифференциации учащихся являлись землячества.

Землячества—полулегальные организации студентов—объединяли учащихся по месту их рождения и обучения в гимназиях и семинариях. Первоначальной целью землячеств была материальная помощь и моральная поддержка товарищей-земляков. С развитием общественных учений и движений при землячествах стали создаваться кружки самообразования (политической экономики, философии, литературы и т. п.), библиотеки.

Со второй половины 80-х годов XIX в. земляческие кружки данного учебного заведения (города) начинают объединяться в союзы, а последние—вырабатывать свои уставы, определять цели движения учащейся молодежи.

Так, Московский союзный совет в одной из прокламаций 1896 г. следующим образом определял главную цель своей организации: «Подготовка борцов к политической деятельности... Борясь против произвола и насилия университетского начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом»¹.

Свою организующую роль в масштабе не только учебного заведения и города, но и всей страны землячества впервые показали в 1897 г. в связи с «ветровской демонстрацией». В конце февраля 1897 г. в одной из камер Трубецкого бастиона Петропавловской крепости трагически оборвалась жизнь революционерки, слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов (далее ВЖК). М. Ф. Ветрова не вынесла физических и нравственных оскорблений прокурора Кичина и иже с ним «блюстителей правосудия», облила на себе одежду керосином и подожгла ее. Умерла М. Ф. Ветрова на третий день в страшных мучениях.

Весть о трагической смерти курсистки-революционерки М. Ф. Ветровой вызвала сильное возбуждение в среде демократического студенчества столицы и других городов страны. Занятия в высших учебных заведениях Петербурга стихийно прекратились. В аудиториях и залах происходили бурные сходки.

По инициативе «Делегатского собрания» Союза землячества и группы «Борьба», созданной из революционно настроенных студентов университета, Технологического, Электротехнического институтов и ВЖК, было решено открыто выразить протест против пыток и издевательств над политическими заключенными². Формой протеста была избрана публичная панихида «по убиенной М. Ф. Ветровой». Такая форма позволяла привлечь к протесту не только учащуюся молодежь, но интеллигенцию и «сочувствующие элементы из общества»³.

Активное участие в подготовке и проведении уличной демонстрации приняли студенты-технологи Мешади Азизбеков, Яков Дабкин (С. И. Гусев), Борис Кнуныц, Александр Порай-Кошиц, а также бестужевки Нина Бах и Конкордия Самойлова*.

* М. Ф. Азизбеков, С. И. Гусев, Б. М. Кнуныц, К. Н. Самойлова были членами петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

С горячим призывом выйти всем на улицу и протестовать выступил на сходке в актовом зале Технологического института С. И. Гусев. За активное участие в подготовке и проведении демонстрации он вскоре был арестован и заключен в тюрьму, где просидел до конца 1897 г., а затем был выслан под надзор полиции в Оренбург.

На собрании слушательниц ВЖК страстную, взволнованную речь произнесла Конкордия Самойлова: «Речь ее произвела сильное впечатление. Курсистки решили устроить демонстрацию»⁴.

Накануне демонстрации, назначенной на воскресенье 4 марта, по городу были распространены листовки и прокламации, изданные нелегальными студенческими организациями. Они разъясняли смысл и значение предстоящей демонстрации и призывали студентов, всех сознательных граждан к участию в ней.

В воскресенье к Казанскому собору собралось около 5 тысяч человек — главным образом студенты и курсистки. После того как священник отказался служить панихиду по «убиенной Ветровой», студенты пропели «Вечную память». С паперти собора были произнесены краткие речи об обстоятельствах трагической смерти Ветровой, затем все находившиеся в соборе и на площади во главе с организаторами демонстрации направились по Невскому проспекту.

Яркую картину демонстрации нарисовал один из активных ее участников, тогда студент Электротехнического института, ныне академик, С. Г. Струмилин: «Чей-то юношеский, чуть вибрирующий от волнения голос звонко затянул торжественно-печальный напев:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Сотни голосов и тысячи сердец дружно подхватили этот всегда волнующий революционный гимн, и, нарастая все мощнее и шире, он скоро безраздельно овладел всей площадью... На Невском, перед площадью, моментально запрудила проспект во всю его необъятную ширину привлеченная нашим гимном несметная толпа зевак. Движение экипажей остановилось... Тонкая цепочка городских, всего в два ряда, тщетно пыталась в ожидании подкреплений, крепко схватившись за руки, сдерживать в своем кругу многотысячную массу демонстрантов... Демонстранты слились на Невском со всей толпой зевак в одну нераз-

дельную массу, и теперь казалось, что и вся эта толпа вместе с нами допевала прощальные строки гимна:

— Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь, благородный»⁵.

Демонстранты были остановлены лишь усиленными строями городских, жандармов и казаков и загнаны во дворы домов, где было переписано около 1200 человек.

На следующий день, 5 марта, комитет министров вынес постановление: всех переписанных участников демонстрации заключить на три дня в тюрьму. Кроме того, министр просвещения отдал распоряжение о лишении стипендий студентов*, участвовавших в демонстрации, и предложил ректорам объявить всем студентам строгое предупреждение, что впредь за участие в демонстрациях они будут немедленно исключены из учебного заведения и удалены из столицы.

Демонстрация на Казанской площади столицы явилась внушительным протестом демократического студенчества против жестоких преследований революционеров. Характерными чертами демонстрации были хорошая организация и яркая политическая окраска. Цель демонстрации была достигнута: если до 4 марта об обстоятельствах трагической гибели М. Ф. Ветровой знали тысячи граждан, то после демонстрации об этом с возмущением узнали миллионы⁶. В этот день сотни студентов получили первое боевое крещение, почувствовали себя гражданами.

Спустя пять лет газета «Искра» дала высокую оценку «ветровской демонстрации»: «Демонстрация эта, произведшая громадное впечатление повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенцией. Рабочие организации считали себя еще слишком слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочие массы. Но что последние не опнеслись равнодушно к протесту учащейся молодежи — это видно из того, например, факта, что в Киеве власти приняли ряд энергичных мер, чтобы помешать рабочим идти на подобную же демонстрацию, устроенную местными студентами вслед за петербургскими»⁷.

Началом первой всеобщей студенческой забастовки послужили события, разыгравшиеся 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете. Ежегодно 8 февраля —

* Стипендии получали очень немногие студенты.

годовщину основания университета — происходили торжественные собрания профессоров и студентов. После торжественного акта студенты (по факультетам и курсам) обычно устраивали банкеты, вечеринки в честь «дня Татьяны». Учитывая опыт празднования университетского юбилея в предыдущем году*, министр внутренних дел отдал распоряжение петербургскому градоначальнику: принять меры к недопущению «беспорядков» на улицах столицы. В соответствии с этим распоряжением правительства, в коридорах Петербургского университета 1 февраля появилось объявление градоначальника за подписью ректора профессора В. В. Сергеевича. В грубой форме власти угрожали молодежи применить суровые меры наказания к «нарушителям порядка» вплоть до тюремного заключения или высылки из города⁸. Бестактное, унижающее человеческое достоинство объявление вызвало сильное возмущение у подавляющего большинства студентов и переполнило чашу общего недовольства административно-полицейскими стеснениями, усилившимися в период ректорства Сергеевича.

За день до юбилея на лестничной площадке главного входа в университет состоялась студенческая сходка, на которой было решено протестовать демонстративным уходом из актового зала в момент появления на трибуне ректора.

Готовились к юбилею университета и полицейские власти столицы. С одобрения правительства градоначальник генерал Клейгельс детально разработал «план мероприятий» на 8 февраля. По приказу Клейгельса в район университета утром 8 февраля были направлены наряды конной и пешей полиции⁹.

И вот наступил час торжественного акта. Когда на кафедру поднялся ректор университета, в зале послышались свистки, глухой шум и крики: «Долой!», «Выходи!» Сергеевич тщетно пытался произнести речь, бледный и растерянный, он вынужден был покинуть кафедру.

С пением «Марсельезы» и «Gaudemus igitur» студенты покинули актовый зал и двинулись к центру города. Дважды на демонстрантов нападали конная поли-

* 8 февраля 1898 г. студенты университета (около 700 человек) после торжественного акта, прорвав полицейский кордон у Дворцового моста, направилась по Невскому проспекту с пением «Дубинушки».

ция. У Румянцевского сквера городские врезались в группу студентов и начали зверски избивать их нагайками. Несколько студентов были арестованы, другие получили побои и увечья.

Бесчинства царской полиции в отношении студентов университета вызвали дружный протест со стороны передовой части учащейся молодежи и интеллигенции столицы. Лишь представители «легального марксизма» и «экономизма» не поддержали выступления студентов. Вечером 8 февраля в Петербурге состоялась так называемая марксистская вечеринка, на которую пришло около 500 «марксистов» и их поклонников. Выступившие на вечеринке столпы «легального марксизма» Струве, Туган-Барановский, Свешников, Поссе ни одним словом не обмолвились о том, что произошло насильно полиции над студентами¹⁰.

9 февраля более 2 тысяч студентов Петербургского университета собрались на сходку для обсуждения вопроса о формах протеста. Большинство собравшихся было отвергнуто предложение о подаче петиции министру внутренних дел. Студенты-ораторы под крики одобрения товарищей заявили, что для «студенчества университета просить насильников, надо открыто протестовать и требовать»¹¹.

Для руководства движением в университете, установления связи с другими высшими учебными заведениями сходка избрала Организационный комитет, в который вошли представители землячеств.

Для координации действий забастовщиков в городе был создан Коалиционный совет, состоящий из представителей оргкомитетов всех высших учебных заведений столицы.

10 февраля в университете состоялась вторая сходка, на которую пришло 2,5 тысячи студентов (в том числе несколько представителей студенческих организаций других учебных заведений столицы). Сходка единодушно приняла резолюцию, в которой говорилось: «Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство. Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский университет закрытым... Мы не откроем университета до тех пор, пока нам не будут даны га-

рантии личной неприкосновенности»¹². Собравшиеся обратились к профессорам с предложением прекратить чтение лекций, предупредив их, что к неподчинившимся этому решению будет применена обструкция. В те годы студенты применяли главным образом «химическую обструкцию» (оставляли в аудиториях склянки с раздражающими органы дыхания химическими веществами).

С утра 11 февраля в университете началась забастовка. Студенты-забастовщики группами входили в аудиторию, где еще читались лекции старшим курсам, и, обращаясь к профессорам и студентам, просили уважать волю большинства, прекратить занятия.

В тот же день в коридорах университета было вывешено правительственное объявление: «По соглашению министра просвещения и внутренних дел... дальнейшие сходки и действия скопом... допущены не будут. Студенты, упорствующие в продолжении беспорядков, будут уволены из числа студентов и высланы из столицы»¹³. Но угроза занести в «проскрипционный список» протестующих студентов не только не привела к прекращению забастовки, но еще больше «подлила масла в огонь».

Движение солидарности с забастовавшими студентами Петербургского университета уже 12 февраля охватило 17 высших учебных заведений столицы. Во второй половине февраля забастовка распространилась почти на все высшие учебные заведения страны. Впервые к движению протеста примкнули студенты специальных (закрытого типа) учебных заведений — Артиллерийской, Духовной академий, Морского инженерного училища¹⁴. Всего на борьбу за свои права и достоинство, против произвола и насилия со стороны царской администрации поднялось 25 тысяч юношей и девушек 30 высших учебных заведений России (к началу XX в. насчитывалось 38 вузов, не считая закрытых высших учебных заведений)¹⁵.

Примечательным в этом движении были не только небывалый до этого размах, но и организованность, стойкость и упорство забастовавших студентов.

Для руководства движением по примеру петербуржцев всюду создавались организационные комитеты. Между оргкомитетами учебных заведений города устанавливались тесные связи, вырабатывались план и тактика совместной борьбы; налаживались контакты с оргкоми-

татами высших учебных заведений других городов страны. Оргкомитеты регулярно издавали отпечатанные на mimeографе или гектографе прокламации и бюллетени, в которых разъяснялись смысл и цель забастовки, освещался ход студенческого движения.

В листовках и речах на сходках студенты требовали свободы слова и собраний, ослабления инспекторского надзора, неприкосновенности личности и наказания полицейских чинов за избиение учащихся 8 февраля.

«Особенно вредное влияние на учащуюся молодежь», по мнению правительства¹⁶, оказало воззвание Киевского союзного совета объединенных землячеств и организаций, в котором студенчество призывалось к сознательному и стойкому протесту «против общего режима, против мертвящего устава 1884 года, против полицейского духа наших «наставников»¹⁷.

Авангардная роль в движении принадлежала инициаторам стачки — студентам Петербургского университета, к их голосу прислушивалась учащаяся молодежь других учебных заведений страны. Делегаты столичного студенчества выезжали в Москву, Киев, Харьков, Одессу с целью агитации за всеобщую стачку.

Единодушие, организованность и стойкость забастовавших студентов вынудили правительство прибегнуть к маневру: 20 февраля 1899 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение о назначении генерала Ванновского (бывшего военного министра) главой комиссии для «всестороннего расследования причин и обстоятельств» событий 8 февраля. Назначая специальную комиссию, правительство стремилось внести раскол в ряды бьющейся молодежи, погасить бурю общественного возмущения.

Назначение комиссии Ванновского было воспринято большинством учащейся молодежи как первая победа забастовавших студентов. Только имевшие политический опыт понимали, что назначение комиссии лишь маневр, что для действительной победы необходима длительная, упорная борьба и не одного студенчества. Радикально настроенная часть студенчества сумела парализовать агитацию либерально-монархических групп учащихся и профессуры и повести основную массу молодежи за собой на продолжение забастовки.

20 февраля подавляющая часть студентов петербург-

ских и московских учебных заведений на своих сходках после обсуждения вопроса о генеральской комиссии решила продолжать забастовку до тех пор, пока не будут полностью удовлетворены их требования и возвращены в университет все уволенные товарищи¹⁸.

Большая роль в организации забастовки в столице принадлежала членам петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» студентам Г. И. Бокую (Горный институт), Н. Н. Замятину (Батурину) (университет), технологам Б. М. Кнунянцу и Н. А. Скрипкину (Н. А. Скрыпник), впоследствии видным деятелем нашей партии¹⁹. Особенно энергичным организатором забастовки студентов-технологов зарекомендовал себя Богдан Кнунянец, исключенный за это из института.

Активное участие в забастовке в столичном университете принимали студенты С. В. Андропов, А. А. Архангельский, В. П. Войков, А. Габуния, К. Горбунов, Н. Дубровский, И. П. Каляев, А. Е. Карякин, В. Клименков, А. Кулишер, И. Лихачев, М. Мыязов, Н. Орлов, Е. П. Первухин, Ф. Ушаков, П. Е. Щеголев, В. Смирнов, С. С. Семенов, Я. Тадеуш, Н. Иорданский и др.²⁰ Им деятельно помогали слушательницы Бестужевских курсов В. Беклемишева, Н. Бибилова, Н. Волынская, Н. Бах, О. Добронравова, В. Дубяго, Н. Косякина, М. Неустроева, К. Игнатович, Н. Полянская, Е. Пясковская, С. Познер, М. Полубояринова²¹.

С каждым днем разгоралась борьба между сторонниками продолжения забастовки и ее противниками. На помощь последним спешили царские власти: уже после 20 февраля из Киева были высланы 255 «главных агитаторов» забастовки, из Томского университета было исключено 45 студентов, «замеченных в подстрекательстве», а 24 февраля все студенты Харьковского университета были уволены²². В ответ на репрессии студенты усилили борьбу. Сложнее было положение в столицах. Сторонникам продолжения забастовки было труднее противостоять «партии порядка» (так в листовках называли консервативную, равнодушную часть студентов — противников забастовки), маневрам властей, сочетавших репрессии с определенными уступками (освобождение из-под ареста и возвращение в учебные заведения многих студентов, разрешение сходов).

Опираясь на «разностороннюю» поддержку властей

(от инспекции до охранки включительно), «партия порядка» в Петербургском университете развернула агитацию за отмену решения сходки от 10 февраля. Ее союзниками и помощниками в этом оказалась «группа единения» — легальная организация студентов-либералов. Усматривая в факте назначения комиссии генерала Ванновского «стремление идти навстречу желаниям студенчества», либералы в листовке, изданной накануне сходки, предлагали студентам университета возобновить занятия²³. И сходка 1 марта, получив заверения ректора о «смягчении участи всех пострадавших», незначительным большинством (наиболее активные обструкционисты были уже исключены из университета и высланы из города и поэтому не могли присутствовать на собрании) приняла решение приступить к занятиям²⁴.

Сторонники забастовки, однако, по-прежнему не посещали занятия и принимали всевозможные меры к срыву лекций. И хотя с 4 марта лекции в университете «для желающих» возобновились, но, говоря словами рапорта ректора, «проходили при малом числе слушателей» (от 10 до 25% списочного состава студентов).

Становилось очевидным, что вскоре наступит новый взрыв движения, возобновится забастовка в столичных учебных заведениях.

Правительство не собиралось всерьез удовлетворять требования студенчества: оставались на своих постах безнаказанными Клейгельс и другие чины столичной полиции; провинциальные учебные заведения подвергались разгрому со стороны полицейских властей. Судьба сотен исключенных и высланных товарищей не могла не волновать студенческую молодежь. При таких обстоятельствах сторонники продолжения борьбы одержали верх и в учебных заведениях Петербурга и Москвы.

Снова закипела деятельность оргкомитетов, созывались сходки, принимавшие решения о возобновлении забастовки. 13 и 16 марта возобновилась забастовка в Петербургском и Московском университетах, а с 19 марта — в других учебных заведениях столицы²⁵.

На студенческих сходках и в бюллетенях все отчетливее и полнее формулировались требования бастовавшей учащейся молодежи: отмена реакционного университетского устава 1884 г. и разработка нового устава, основанного на предоставлении автономии высшим

учебным заведениям, издание правительством законов, гарантирующих неприкосновенность личности и судебную ответственность административных лиц за их неправильные действия, расследование и открытый суд над виновниками избиения студентов 8 февраля, возвращение в университеты и институты всех исключенных товарищей²⁶.

Либерально-монархические круги учащейся молодежи призывали бороться за «лучшие законы», однако демократически настроенное студенчество с каждым днем все яснее сознавало всю беспочвенность требований «лучших законов», «академической свободы» при сохранении абсолютистского режима в стране. «В первый раз в актовом зале Петербургского университета, — вспоминает один из участников забастовки, — зазвучали несомненно революционные ноты при полном сочувствии многочисленной аудитории. Все ораторы говорили о необходимости протеста против политического гнета, о произволе и насилии, отравляющих русскую жизнь. Это были речи общедемократического характера, но в них веял дух приближающейся революционной грозы»²⁷.

Царское правительство усилило репрессии. Наряды полиции вторгались в здания учебных заведений, разгоняли сходки. Шли многочисленные аресты, студенты-агитаторы были высланы. Распоряжением министра просвещения от 17 марта были исключены все студенты столичных университетов, участвовавшие в забастовке²⁸.

Громадных размеров достиг произвол полиции и администрации в отношении московского студенчества: к концу марта из города было выслано 2160 студентов²⁹. На втором месте после Москвы по количеству исключенных и высланных в административном порядке был Петербург. Только по постановлению правлений из Технологического института за время забастовки было уволено 347 студентов, с Высших женских курсов — 218 слушательниц³⁰. Если учесть, что к началу 1898/99 учебного года в списках студентов Технологического института числилось 1016 человек, на ВЖК — 900 слушательниц, то процент исключенных составлял соответственно 34,15 и 24,2³¹. Наиболее высокий процент исключенных был среди студентов младших курсов.

Активное участие в студенческом движении конца

90-х годов принимали: М. И. Васильев-Южин, М. Ф. Владимирский, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. П. Брюханов, А. Н. Винокуров, Н. А. Семашко, А. В. Соколов, М. С. Кедров, С. И. Мицкевич, А. Л. Джапаридзе, А. А. Окуньков, Н. В. Руднев, Л. А. Сенявин (Московский университет); В. В. Воровский, Л. Я. Карпов (Техническое училище); А. В. Винтер, В. В. Вакар (В. Правдин) (Киевский университет); М. В. Серебряков, В. А. Карпинский (Харьковский университет); М. Ф. Ветрова, М. И. Водозова, М. И. Ульянова, К. Н. Самойлова (ВЖК); М. М. Пришвин (Рижский политехнический институт); П. А. Джапаридзе (Тифлисский учительский институт) и другие³²; большинство из указанных лиц впоследствии стали видными деятелями нашей партии, учеными, писателями.

Массовыми репрессиями полицейских властей и учебного начальства, стараниями «партии порядка» первая общероссийская студенческая забастовка в конце апреля 1899 г. была свернута. Правда, было немало студентов, которые в знак солидарности с исключенными и арестованными товарищами отказались сдавать весной переходные экзамены.

Общероссийская студенческая забастовка 1899 г. явилась важным событием в общественно-политической жизни страны, внушительным выступлением учащейся молодежи против самодержавно-полицейского режима. И хотя по целям борьбы (отмена университетского устава 1884 г. и т. п.) студенческое движение 1899 г. не выходило за рамки академических требований, однако по своим средствам (забастовка), стремлению привлечь общественное мнение страны к конфликту молодежи с царским правительством всеобщая забастовка объективно получила политическую окраску.

Впервые в истории революционного освободительного движения России была применена *всеобщая стачка* как средство публичного протеста против полицейского произвола царских властей.

Верная оценка этому событию была дана в прокламации Организационного комитета Петербургского университета: «Мы придали движению широкий общественный характер и действительное политическое значение»³³.

Забастовка сыграла заметную роль в политическом

воспитании радикально настроенной студенческой молодежи. Если раньше она в основной своей массе не связывала борьбу за академические (университетские) свободы с борьбой за общеполитические цели, не ставила задачей подчинить свое движение интересам демократической борьбы народа против самодержавия, то в ходе забастовки и на основе анализа ее уроков политическое воспитание студентов шагнуло так далеко, что через два-три года вопрос о ликвидации абсолютистского режима стал занимать уже центральное место в движении. Результаты забастовки рассеяли иллюзии, будто в рамках монархического режима можно добиться принятия «хороших», «справедливых» законов. Политически наиболее опытная, революционно настроенная молодежь сделала правильный вывод: протест против отдельных актов полицейского произвола необходимо подчинить борьбе за ликвидацию государственного строя, при котором возможны произвол и насилие над человеком.

Почти трехмесячная борьба 25 тысяч учащейся молодежи привела в замешательство царское правительство (назначение комиссии Ванновского, применение массовых репрессий и т. п.), что, несомненно, подрывало его престиж в глазах народа. Стойкая борьба учащейся молодежи получила широкий отклик и поддержку в среде прогрессивно настроенной интеллигенции и, что особенно важно, среди передовых рабочих. Она способствовала пробуждению и росту политического самосознания пролетариата. Передовые рабочие на этом примере воочию убеждались, что их борьба против царского режима встретит поддержку не только со стороны задавленного и голодного крестьянства, но также и прогрессивной интеллигенции, учащейся молодежи.

В отчете о работе Харьковского комитета РСДРП за 1899 г. дана объективная оценка движения учащейся молодежи: «Рабочая масса, — говорилось в отчете, — довольно верно понимала смысл и значение студенческого движения как борьбу за свободу, борьбу против административного и полицейского произвола. Демонстрации студентов, взбудоражившие весь город и вызвавшие общее сочувствие харьковского населения, нашли особенно живой отклик в рабочей среде. Аресты сотен демонстрантов и направление их под конвоем в тюрьмы, проводы высланных студентов, дышавшие бодростью и

призывом к борьбе, речи, произносимые студентами на вокзале, захватывали рабочих, а среди 2-х тысячной толпы всегда были многие сотни рабочих, открыто выражавших свое сочувствие студентам... Среди рабочих поговаривали о необходимости освободить арестованных, о необходимости со своей стороны поддержать движение, поднятое студентами»³⁴.

О стремлении рабочих поддержать борьбу студентов свидетельствует, в частности, телеграмма харьковского губернатора министру внутренних дел от 15 апреля 1899 г., в которой сообщалось, что на стенах Паровозостроительного завода были расклеены прокламации, призывавшие рабочих поддержать студентов и выйти 19 апреля на демонстрацию³⁵.

О живом интересе рабочих к студенческому движению свидетельствует такой эпизод. Вскоре после начала забастовки в столовую Петербургского университета пришел рабочий Балтийского судостроительного завода и, вызвав ответственного дежурного, передал ему записку. От имени группы рабочих этого завода студентам был высказан упрек: почему они не издают листовок с разъяснением мотивов и целей забастовки. «Мы, — говорилось в этой записке, — очень интересуемся, из-за чего вы бунтуете, а понять не можем»³⁶.

И хотя часть рабочих и не могла правильно понять, «отчего господа студенты бунтуют» (монархисты и церковники распускали среди рабочих слухи, будто студенты не хотят учиться, «сеют смуту в народе» и т. п.), но стойкость и упорство, проявленные учащейся молодежью, служили убедительным примером значения великой силы коллективизма, солидарности в борьбе, а репрессии полицейских властей вызвали гневный протест.

Уроки забастовки помогли правильно определить свое место в освободительной борьбе не одному десятку лучших представителей студенческой молодежи. Так, группа членов Оргкомитета высших учебных заведений Петербурга, выпущенных 25 мая 1899 г. из тюрьмы, немедленно примкнула к рабочему движению и основала с этой целью социал-демократическую «Группу двадцати», которая выдвинула на первый план политические задачи рабочего движения в России³⁷. Позднее из остатков «Группы двадцати» оформилась социал-демократи-

ческая группа «Социалист», объединившаяся с группой «Рабочее знамя» (Петербург).

Всероссийская студенческая забастовка оказала влияние на движение «третьего элемента». Упорная борьба демократически настроенной учащейся молодежи явилась для многих из них примером высокой гражданственности и стойкости.

От академических целей и средств борьбы к политическим, антиправительственным

Разразившийся в начале нынешнего столетия мировой экономический кризис захватил и царскую Россию. Кризис привел к застою многих отраслей хозяйства, резко сократились промышленное производство, торговля, кредиты на строительство. Он еще больше усугубил и без того тяжелое материальное положение народных масс. Массовая безработица, острая нужда трудящихся вызвали усиление классовой борьбы в стране.

В эти годы заметно возросло влияние революционных социал-демократов на рабочее и крестьянское движение. Революционное движение росло вширь и вглубь, втягивая самые отсталые слои рабочих. Уже первые бои, проведенные пролетариатом России против капитала и царско-полицейского режима в начале XX в., показали, какая неиссякаемая революционная энергия аккумулируется в этом передовом отряде великой армии труда. Достаточно напомнить о таких выдающихся событиях в хронике революционного движения, как стачка рабочих казенного Обуховского завода, переросшая в вооруженное столкновение бастующих с полицией и войсками (май 1901 г.), стачка и демонстрации рабочих Ростова-на-Дону в ноябре 1902 г., всеобщая политическая стачка рабочих юга России летом 1903 г.¹, чтобы понять определяющее воздействие борьбы пролетариата на развитие революционной ситуации в стране в начале XX в.

В эти годы рабочее движение России порождает новые формы борьбы — политическую стачку и уличную демонстрацию, которые являлись тогда наиболее действенными средствами защиты классовых интересов пролетариата, школой сплочения и политического воспитания трудящихся масс. Во время грандиозной маевки рабочих Харькова в 1900 г. было впервые испытано

такое могучее средство пролетарской борьбы, как политическая демонстрация. Свое дальнейшее развитие оно получило в совместных выступлениях рабочих и демократического студенчества на улицах Петербурга, Москвы, Харькова и Киева в феврале—марте 1901, 1902 гг. Героическая борьба пролетариата послужила толчком к усилению аграрного движения в деревнях Полтавской, Харьковской, Кутаисской губерний весной 1902 г., оказала благотворное влияние на развитие и углубление демократического движения студенчества.

29 июля 1899 г. царское правительство опубликовало «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков». Многие считали эти «правила» лишь угрозой учащейся молодежи. Но не прошло и полутора лет, как студенты воочию убедились, что «правила» от 29 июля 1899 г. не просто угроза, а реальная возможность попасть в солдатские казармы.

Из хроники студенческого движения за 1899/1900 учебный год следует указать на два события, получившие известный отклик в общественной жизни страны.

В феврале 1900 г. «Исполнительный комитет землячеств и организаций» Московского университета обратился с открытым письмом ко всем студенческим организациям страны собраться на общестуденческий съезд для создания центрального органа по руководству движением учащейся молодежи, выработки программы борьбы, издания печатного органа и других вопросов².

Летом 1900 г. в Одессе собрался первый студенческий съезд. Он поставил задачу «организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни»³. Одесский съезд положил начало постоянным контактам между руководящими студенческими организациями учебных заведений страны, наметил тактику предстоящего движения учащейся молодежи. К сожалению, арест охранкой всех делегатов съезда за «преступные политические цели»⁴ осложнил реализацию указанных решений.

Революционные студенческие кружки готовились организовать в годовщину всеобщей забастовки одноднев-

ную всероссийскую забастовку, но «предупредительные» аресты охранкой «лиц, замеченных в агитации», помешали этому. Правда, студентам Петербургского университета все же удалось 8 февраля 1900 г. сорвать торжественный акт и организовать шествие с пением «Дубинушки» и «Нагаечки» по набережной Невы. На «всеподданнейшем докладе» о срыве торжественного акта царь «изволил собственноручно начертать»: «Из этого видно, насколько необходимо действительно усилить, а главное улучшить инспекцию в университете»⁵. И требуемые министром просвещения дотации на увеличение штата инспекции были немедленно разрешены правительством Николая II.

И хотя 1899/1900 учебный год в высшей школе страны прошел сравнительно спокойно, но по отдельным вспышкам студенческих волнений можно было заключить, что в среде учащейся молодежи накопилось много горячего материала и достаточно искры, чтобы снова загорелся пожар в общероссийском масштабе. И эту искру бросили студенты Киевского университета.

Инцидент, разыгравшийся на лекции профессора Эйхельмана 30 октября 1900 г. в Киевском университете, послужил началом движения, приведшего ко второй всероссийской студенческой забастовке (январь—апрель 1901 г.).

Неоднократные обращения студентов к учебному начальству с просьбой не допускать дилетанта, невежественного в науке профессора к чтению курса римского права оставались без последствий. Тогда студенты второго курса юридического факультета устроили Эйхельману шумную обструкцию, требуя покинуть кафедру.

13 и 15 ноября в Киевском университете вновь состоялись сходки. На первую сходку студенты собрались, чтобы обсудить неэтичные поступки двух товарищей, вызвавшие резкое порицание местной печати (два загулявших студента—«белоподкладочника» не уплатили извозчику и избили полицейского). Но грубое вмешательство инспектора помешало закончить обсуждение вопроса. Вторая сходка была собрана для того, чтобы выразить решительный протест против действий инспектора⁶. На этой сходке выступило 37 студентов, из числа которых в докладной записке попечителя упоминаются как «главные агитаторы» А. Д. Покотилев (два месяца спустя, по

приезде в Петербург, он сыграл там видную роль в агитации за забастовку), А. Н. Зарубин, С. И. Загорский, Л. А. Херхеулидзе и др.⁷ Выступавшие ораторы решительно осудили полицейский режим в университете, при котором они не могут собраться и обсудить свои дела. В принятой резолюции гневно осуждалась политика правительства в отношении высшей школы и студенчества: «Вся политика правительства направлена к тому, чтобы уничтожить, подавить «студенческий дух», подавить всякие проявления свободной мысли... Университет обращен в тюрьму, где за каждым шагом студента следят десятки глаз пуделей-шпионов... где профессора обращены в чиновников...»⁸

Правление университета приговорило «главных виновников» — четырех студентов к заключению в карцер, а когда двое из них отказались подчиниться, то были исключены из университета и высланы из города. Этот полицейский акт университетской администрации вызвал волну возмущения и протеста. 5 декабря в университете состоялась сходка, на которой собравшиеся устроили демонстративные проводы исключенным и высылаемым из города товарищам⁹.

Киевский Союзный совет объединенных землячеств и организаций, руководивший движением в университете, развернул интенсивную печатную и устную агитацию среди студентов и населения города, разъяснял причины волнения учащейся молодежи и призывал к совместным действиям¹⁰.

7 декабря с утра и до позднего вечера в актовом зале университета проходила вторая многолюдная сходка, на которой было решено потребовать возвращения в университет уволенных товарищей и отмены наказания карцером вообще, а до выполнения этих требований начать «сидячую забастовку»; если этой формы протеста окажется недостаточно, то с января 1901 г. объявить всеобщую забастовку¹¹.

По распоряжению генерал-губернатора университет был в тот же вечер окружен четырьмя ротами солдат и двумя эскадронами казаков, часть из которых вошли в актовый зал, где проходила сходка, и по указанию начальника губернского жандармского управления все 406 участников сходки были переписаны, а затем удалены из помещения.

Правительство решило в «назидание строптивой молодежи» «примерно проучить» киевлян, применить к ним «правила» 29 июля 1899 г. об отдаче студентов в солдаты.

Для суда над студентами Киевского университета было образовано «особое совещание» из представителей местной администрации¹².

В канун нового 1901 г. телеграфное сообщение из Киева потрясло гражданскую совесть России: царский суд на основании «временных правил» 29 июля 1899 г. приговорил 183 студентов к отдаче в солдаты сроком от одного до трех лет, а в отношении 217 человек был применен карцер и другие административные взыскания¹³.

«...Отдавать студентов в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов»¹⁴ — так гневно устами писателя-демократа и борца А. М. Горького было выражено общественное мнение передовой русской интеллигенции.

Правительство Николая II, «посеяв ветер, пожинало бурю». Отдача 183 студентов в солдаты послужила сигналом ко второй всероссийской забастовке учащейся молодежи.

Во всех университетских городах развернулась агитационная и организационная работа по подготовке забастовки и уличных демонстраций.

Первыми с протестом против отдачи товарищей в солдаты, с требованием отмены пресловутых «временных правил» выступили студенты Киевского университета. 15 января 1901 г. Киевский союзный совет объединенных землячеств и организаций распространил в аудиториях и общежитиях университета и Политехнического института листовки с призывом начать всеобщую забастовку в соответствии с решением сходки 7 декабря 1900 г.¹⁵

23 января общестуденческая сходка Киевского университета решила начать общую забастовку с применением обструкции, потребовала возвращения товарищей и отмены «временных правил». Активные сторонники забастовки заходили в аудитории, где еще читались лекции, и организовывали обструкции.

Киевский Союзный совет направил в Петербург,

Москву и Харьков своих делегатов для установления контакта с местными студенческими организациями, для выработки совместных форм борьбы.

Первым откликнулось столичное студенчество. Вечером 25 января на собрании представителей студенческих организаций десяти высших учебных заведений Петербурга было принято решение начать забастовку¹⁶.

Этому предшествовало постановление студенческой сходки в университете, состоявшейся днем 25 января. На сходке председательствовал студент социал-демократ Виктор Познер, который информировал собравшихся о решении киевлян бастовать и призвал сегодня же определить форму протеста, так как этого ждут студенты других учебных заведений столицы. Студент Борис Райков предложил начать забастовку с применением обструкции. В результате всестороннего обсуждения вопроса абсолютным большинством было принято решение: начать с 26 января забастовку с обструкцией; потребовать отмены «временных правил» 29 июля 1899 г. и возвращения всех исключенных из Киевского и Петербургского университетов товарищей¹⁷.

Активное участие в подготовке сходки и обсуждении вопросов приняли также студенты университета А. В. Васильев, А. В. Бобров, С. А. Варыпаев, К. А. Горбунов, К. А. Домбровский, В. В. Задлер, В. Ф. Ковригин, И. Н. Максимов, Н. И. Соболев, Е. С. Шехтер, В. Ю. Фридолин и другие (всего 19 человек). Все они через несколько дней были арестованы агентами охраны¹⁸.

С тревогой наблюдало царское правительство за развитием событий в стенах высших учебных заведений. На «всепопданнейшем докладе» министра просвещения 22 января 1901 г., в котором речь шла о распространении в столичном университете прокламаций, царь написал: «Лишь бы дальше этого не пошло!»¹⁹ Но не помогли заклинания царя: студенческое движение бурно развивалось во всех учебных заведениях страны.

29 января в актовом зале Московского университета состоялась студенческая сходка, обсудившая вопрос о формах протеста против репрессий правительства: 312 голосами против 6 было решено начать забастовку с обструкцией²⁰.

Анализ уроков и логика борьбы убеждали радикально настроенную молодежь, что завоевание академических

свобод упирается в решение первоочередной общедемократической задачи — завоевания политических прав для народа. Демократическое студенчество, отмечала газета «Искра», уже начало сознавать, что царское правительство не удовлетворит требований учащейся молодежи, что самодержавию необходимо противопоставить силу, а эта сила — пролетариат; он растет, пробуждается и поднимается на борьбу. И лучшим залогом для решения университетского вопроса является содействие пробуждению политического самосознания трудящихся масс посредством, в частности, вынесения протеста молодежи на улицу²¹.

Отмечая стремление революционно-демократического студенчества к совместным с рабочими открытым протестам, редакция «Искры» указывала на предпосылки этого нового знаменательного явления: «Вся революционная работа последних лет, шедшая под знаком социал-демократии, естественно, толкала мысль передовой учащейся молодежи на план *уличной демонстрации*, привлечения к протесту (путем его расширения) всех классов общества вообще и рабочих в частности»²².

Ленинская «Искра» была единственным печатным органом, который еще до начала уличных демонстраций учащейся молодежи зимой 1901 г., прямо звал «рабочего идти на помощь студенту»²³, открыто протестовать против отдачи студентов в солдаты. Как только до редакции газеты дошло правительственное сообщение об отдаче в солдаты киевских студентов, В. И. Ленин сразу же выступил в «Искре» с яркой публицистической статьей — «Отдача в солдаты 183-х студентов»²⁴.

В этой программной статье В. И. Ленин четко определил конкретные задачи и средства борьбы передовых рабочих и студенчества, всех прогрессивно настроенных слоев общества против полицейского произвола правительства. Достойным ответом на произвол правительства, писал В. И. Ленин, обращаясь к передовому студенчеству России, «было бы исполнение угрозы киевлян, устроившее выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899-года»²⁵. Но ответить правительству на его наглый вызов общественному мнению, указывал Ленин, обязано не только студенчество: это долг всех сознательных элементов всех

слоев народа во главе с передовыми рабочими и социал-демократическими организациями.

Страстным призывом прозвучали слова В. И. Ленина, обращенные к организованному рабочим России: «И тот рабочий недостойн названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту»²⁶.

Формы протеста должны определять местные социал-демократические организации и рабочие кружки. Там, где существуют крепкие местные организации РСДРП, следовало бы переходить от устной и печатной агитации, от устройства собраний и распространения листовок к открытым и более действенным формам протеста — к публичным демонстрациям. «Всякое проявление правительственного произвола и насилия, — подчеркивал Ленин, — есть законный повод для такой демонстрации»²⁷.

Экземпляры второго номера газеты «Искра» были доставлены в некоторые города России уже в феврале — в самый разгар студенческой забастовки²⁸. В статье В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» учащаяся молодежь находила ясный ответ на вопросы: «Что делать?», «Как вести дальше борьбу с правительством?»

Боевой лозунг Ленина — протестовать открыто, на улицах университетских городов! — захватил умы и сердца передовой студенческой молодежи.

Как только студенты возвратились с зимних каникул, начались сходки, на которых выработывался план борьбы с правительством. Никто из выступавших не возражал (точнее, не посмел открыто возражать, дабы не быть осужденным и изгнанным с трибуны) против предложения начать борьбу за отмену «временных правил» и возвращение студентов из казарм в университеты. Но по вопросу о формах протеста повсюду разгоралась острая борьба между сторонниками решительных действий — забастовки и «партией порядка», предлагавшей начать петиционную кампанию. «Борьба между радикальным студенчеством и «благоразумными», — сообщалось в корреспонденции из Петербурга, — обострялась иногда до того, что грозили облить друг друга кислотой»²⁹. Разумеется, немало было и равнодушных студентов, занимавших пассивную позицию.

Уже в конце января — начале февраля 1901 г. решение бастовать с применением обструкции к профессорам и студентам, которые не захотят подчиниться воле большинства, было принято почти во всех высших учебных заведениях страны³⁰. Лишь студенты Томского университета и Технологического института, Юрьевского университета и Екатеринославского высшего горного училища, Демидовского лицея прекратили занятия позже — в начале марта³¹.

Прекратили посещение лекций и лабораторных занятий 30 тысяч студентов 35 высших учебных заведений страны³². В единой, дружной семье бастовало демократическое студенчество разных национальностей, их объединяла одна цель борьбы, общий враг — царское самодержавие.

Забастовавшие студенты единодушно требовали отмены «временных правил» 1899 г., неприкосновенности личности, возвращения в университет всех исключенных за «беспорядки» студентов, самоуправления высших учебных заведений страны, свободы сходок, организации и деятельности общественных и научных студенческих обществ, отмены платы за лекции, отмены форменной одежды³³.

Большинство руководителей бастующих студентов, и прежде всего те, кто примыкал к РСДРП, понимали, что правительство не согласится удовлетворить их требования. Однако необходимо было выставить эти требования, так как они были близки основной массе студенчества и помогали мобилизовать ее на борьбу с правительством.

Среди студенчества и жителей университетских городов зимой 1901 г. распространялись многочисленные листовки и прокламации, издаваемые местными социал-демократическими комитетами и нелегальными студенческими организациями, в которых разъяснялись причины и цели борьбы студенчества.

В листовке «Киевским студентам-солдатам», выпущенной 18 января 1901 г. Центральным рабочим комитетом социал-демократической группы «Рабочее знамя», с глубоким возмущением говорилось о том, что самодержавное правительство превращает университеты в казармы. В листовке подчеркивалось, что открытая борьба против правительства «научит и остальных ваших това-

рищей понимать истинный характер самодержавия. Идите в наши ряды! Нам дороги интеллигентные товарищи». Перепечатывая и распространяя эту прокламацию, Оргкомитет студентов Харьковского технологического института выражал уверенность, что «рабочий класс понимает и сочувствует нашим стремлениям, поддерживает нас»³⁴.

Демократическое студенчество, видя сочувствие народа, готовность передовых рабочих и их авангарда — РСДРП поддержать его открытый протест, обрело смелость в выборе лозунгов и средств протеста.

Сторонники искровской тактики — протестовать на улице вместе с народом с каждым днем усиливали агитацию среди учащейся молодежи столицы. Вопреки хвостистской тактике «экономистов» из петербургского «Союза борьбы», позиции «Кассы взаимопомощи студентов университета», несмотря на сопротивление большей группы студентов из «партии порядка» — противников забастовки, во всех учебных заведениях столицы шла интенсивная подготовка к демонстрации.

Первое политическое выступление демократического студенчества Петербурга в 1901 г. состоялось 8 февраля. Столичные власти, учитывая опыт празднования юбилея университета в 1899 г., запретили устройство торжественного вечера в актовом зале университета. Тогда студенты решили по-особому отметить юбилей своей alma mater. Во время второго антракта спектакля в Народном доме, на котором присутствовало около 500 студентов высших учебных заведений, с балкона была сброшена пачка революционных прокламаций с призывом к борьбе за политические свободы. После окончания спектакля к зрителям обратился один из студентов с речью политического характера. Полиция арестовала около половины участников этого митинга-протеста³⁵.

В тот же вечер состоялось еще одно важное событие в общественной жизни столицы: в зале Виноградова собрались представители студенческих организаций города с участием делегата от Киевского университета, обсудившие вопрос о тактике дальнейшей борьбы демократического студенчества³⁶. Единодушно было принято предложение делегата Киевского университета Алексея Покотилова: организовать 19 февраля — в 40-ю годовщину отмены крепостного права — уличную демонстра-

цию протеста. Участники демонстрации должны были прийти в Казанский собор, отслужить молебен за здравие отданных товарищей в солдаты, хором пропеть «многoletие», затем всем пройти с пением революционных песен по Невскому. Это решение было поддержано на студенческих сходках высших учебных заведений столицы, которые происходили в последующие дни в столовых и на квартирах, а 16 февраля «Делегатское собрание представителей студенческих нелегальных организаций высших учебных заведений Петербурга» (создано в январе 1901 г.) утвердило план проведения демонстрации и оповестило о ней особым листком³⁷. Однако в ночь с 17 на 18 февраля агенты столичной охранки произвели аресты членов оргкомитетов и «Делегатского собрания». В числе 22 арестованных были студенты и слушательницы: Б. Н. Дмитриев (Военно-медицинская академия), К. Н. Самойлова-Громова (ВЖК), Е. А. Познер, Е. С. Кон (курсы профессора Лесгафта), Е. Д. Ракова (ЖМИ), В. Ю. Фридолин (университет), К. Е. Рерих (Технологический), В. В. Филатов (Горный), Н. И. Скворцов (Институт гражданских инженеров), Г. А. Зайончковский и М. Новицкий (Лесной), А. Покотилев (Киевский университет) и др.³⁸

По расчетам руководителей движения в демонстрации 19 февраля должно было участвовать более 2 тысяч студентов и курсисток. Арест вожakov движения, изъятие у них листовок с призывом на демонстрацию посеяли уныние и неуверенность в успехе выступления, и оно накануне было отменено. И тем не менее 19 февраля к 12 часам к Казанскому собору собралось около 300 студентов и курсисток³⁹. Сюда пришли и рабочие некоторых предприятий столицы⁴⁰.

Подняв флаг с надписью «Долой «временные правила»», демонстранты направились по Невскому к зданию городской думы, но вскоре отряды конных городских и казаков врезались в колонну и стали разгонять и избивать демонстрантов нагайками. Жестоко избив студентов и курсисток, полиция загнала демонстрантов во дворы домов, где были переписаны 244 человека, и под конвоем отправила их в полицейские участки⁴¹.

Анализируя уроки первой уличной демонстрации в первом году XX в., «Искра» писала, что главной причиной того что «демонстрация не могла получить харак-

тера народной схватки с полицией», было отсутствие революционной организации в столице. Рабочие не были заранее оповещены о ней. «Никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования». И тем не менее: «Первый опыт манифестации показал, что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола самодержавия»⁴².

19 февраля в другом университетском городе — Харькове также произошла уличная демонстрация протеста. Рабочие проявили живой интерес к мотивам студенческих волнений, а местные искровские организации РСДРП стремились довести до сознания рабочих смысл и значение их протеста. «Дело студентов, которые протестуют против отдачи их в солдаты и против насилий полиции, — говорилось в прокламации местного комитета РСДРП «Ко всем харьковским рабочим», — дело всего русского рабочего люда. Студенты... борются против нашего общего врага — царского самодержавия, и нам надо их поддержать!»⁴³

Весть об избииении и аресте студентов-демонстрантов (организаторы демонстрации допустили серьезную ошибку, назначив уличное шествие на полдень, когда рабочие не могли принять в ней участие) быстро облетела все кварталы города: у полицейского участка, где содержались арестованные демонстранты, собралась многочисленная толпа рабочих, студентов и интеллигентов. Один из очевидцев так описывает повторную демонстрацию в тот день: «Вечером небольшая группа студентов с пением «Дубинушки» двинулась на Сумскую улицу. Образовалась многотысячная толпа (тысяч 4—5), пение было подхвачено возвращающимися с работы рабочими, и грозное море голосов зашумело. Это было шествие народа»⁴⁴.

Важным событием в общественно-политической жизни страны явились уличные демонстрации учащейся молодежи и жителей второй столицы империи — Москвы. Под влиянием полученных из Петербурга и Харькова известий о состоявшихся там 19 февраля демонстрациях началось сильное движение среди передового студенчества и рабочих Москвы за организацию уличных выступлений.

Значительную помощь в подготовке политической

сходки оказал студентам Московский комитет РСДРП, и в частности С. Н. Смилович⁴⁵.

К тому времени Московский комитет РСДРП установил прочные связи с радикально настроенной учащейся молодежью. В состав МК РСДРП входили тогда пять студентов университета. При обысках у студентов в феврале 1901 г. агенты охраны находили большое количество прокламаций МК РСДРП, что свидетельствует об активной работе социал-демократов среди студенчества.

Учитывая опыт не вполне удавшейся демонстрации 19 февраля в Петербурге, вожаки студенческого движения в Москве стали искать связи с рабочими: «Студенты и курсистки, — доносил агент охраны, — ходят по разным московским фабрикам и заводам, вступая в тесное общение с рабочими с целью наwerbовать в свои ряды участников демонстрации»⁴⁶.

В корреспонденциях, помещенных в «Искре», нарисована картина событий, развернувшихся на улицах Москвы 23—25 февраля 1901 г.⁴⁷

К 12 часам 23 февраля на Моховой улице собралось много народу: студенты, курсистки, мастеровые и обыватели, полицейские и дворники. «Со всех сторон летят прокламации»,⁴⁸ — пишет очевидец.

В актовом зале Московского университета кроме студентов университета пришли делегаты студенческих организаций Петровской сельскохозяйственной академии, Межевого института, Технического училища, Высших женских курсов профессора Герье.

На этом представительном собрании московского студенчества разгорелись ожесточенные споры по вопросам тактики борьбы с правительством за отмену «временных правил». Сторонники легальных форм борьбы выступали против организации открытого протеста, предлагали послать петицию правительству с просьбой отменить «временные правила». Ораторы — сторонники революционной тактики агитировали за вынесение протеста на улицу, где он будет поддержан народом. «Студенчество должно добиваться свободы и прав не для себя, а для всего народа, на средства которого оно воспитывается и на служение которому потом понесет свои знания»⁴⁹, — заявляли они.

Во время прений в актовом зале университета ворвались полиция и жандармы. На требование пристава «ра-

зойтись», подавляющее большинство присутствовавших на сходке отказалось покинуть зал. Тогда жандармский офицер приказал наряду полиции «очистить зал» и перевести всех «ослушников» в манеж.

Когда студентов начали переводить в манеж, собравшиеся на площади жители Москвы, среди которых были и рабочие, стали бурно выражать свои симпатии и сочувствие молодежи. В знак солидарности с арестованными в манеж пошли более 100 гимназистов и курсисток, находившихся возле университета и манежа. «Тысячная толпа народа не расходилась до самого позднего вечера... В толпе слышались требования выпустить заключенных, и солдаты должны были взять ружья наперевес, чтобы удержать бушующую массу».

24 февраля, когда весть о массовых арестах студентов облетела всю Москву, жители с раннего утра начали собираться на площади, прилегающей к университету; по свидетельству корреспондента «Искры», среди них «была масса фабричных и мастеровых», которые пытались взломать двери манежа и освободить арестованных студентов⁵⁰.

Московские власти, опасаясь повторных демонстраций у манежа, в ночь на 25 февраля под сильным конвоем перевели студентов в Бутырскую тюрьму.

В воскресенье, 25 февраля, возбуждение москвичей достигло высшей точки. «Десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях», среди них были и рабочие Прохоровской мануфактуры. «Массовым проявлением народного протеста» назвала «Искра» демонстрацию рабочих, студентов и интеллигенции на Тверской, Моховой, Мясницкой улицах, на Манежной и Покровской площадях.

Между демонстрантами, полицией и казаками происходили стычки; чтобы оградить себя от нападения казаков, демонстранты на Тверском бульваре устроили баррикаду из скамеек.

Демонстранты проявляли организованность и дисциплину, выполняли распоряжения своих руководителей и в случае превосходства сил противника меняли направление движения⁵¹.

Вечером студенты и рабочие устроили манифестацию солидарности у дома великого русского писателя Л. Н. Толстого, отлученного накануне синодом от церкви. «Ис-

полнительный комитет объединенных землячеств и организаций» Московского университета, большинство которого состояло из либерально настроенных студентов, напуганный широким участием рабочих и студентов в демонстрации, 25 февраля призвал студентов не принимать в дальнейшем участия в уличных шествиях, мотивируя это тем, что «надо приберечь силы для obstruction в университете»⁵².

Царские власти, однако, опередили события: за участие в сходках и уличных демонстрациях правление Московского университета исключило из университета около 500 студентов, часть из которых была выслана из Москвы⁵³.

Последовавший 1 марта арест членов МК РСДРП (М. И. Ульяновой, М. Т. Елизарова, А. В. и С. Н. Луначарских) и 16 членов московской организации привел к ослаблению руководства и спаду движения во второй столице империи⁵⁴.

Несмотря на репрессии властей и увещевания, студенчество других городов России стойко и солидарно продолжало забастовку. «Студенты Горного института будут продолжать движение до тех пор, пока к ним не будут применены «временные правила», то есть пока силы их всех не будут исчерпаны», — заявил Оргкомитет в своей прокламации от 26 февраля⁵⁵.

На сходках и в студенческих организациях горячо обсуждался вопрос о лозунгах и средствах дальнейшей борьбы, о связи с рабочими и привлечении их к участию в демонстрации протеста.

Характерными примерами связи академических лозунгов борьбы студенчества с политическими являются рабоче-студенческие демонстрации, состоявшиеся в начале марта 1901 г. на улицах Петербурга и Киева.

В конце февраля 1901 г. представители студенческих организаций в лице «Делегатского собрания»* обратились в комитет петербургского «Союза борьбы» с предложением организовать 4 марта совместную рабоче-студенческую демонстрацию на Невском проспекте. Но «экономисты» из комитета снова ответили отказом, мо-

* После ареста 17 февраля делегатов этого собрания оно пополнилось студентами, придерживавшимися революционной — искровой тактики.

тивирова тем, что демонстрация эта студенческая и лозунги ее «чужды рабочим»⁵⁶.

Однако слух о готовящейся демонстрации дошел до пролетарских кварталов столицы. Сторонники искровой тактики, в частности «Путиловская группа РСДРП», через голову руководства «Союза борьбы» развернули агитацию за устройство совместной рабоче-студенческой демонстрации. Министр внутренних дел докладывал царю 3 марта 1901 г.: «Агитаторы склоняют рабочих также принять участие в демонстрации: рабочие кружки ответили, что примут участие только лишь в том случае, если будут выставлены не только касающиеся студентов требования, а общеполитические. Кружки Шлиссельбургского и Нарвского трактов изъявили согласие придти к Казанскому собору»⁵⁷.

В те дни в учебных заведениях и на предприятиях столицы распространялись многочисленные листовки, разъяснявшие смысл и требования предстоящего уличного протеста с приглашением принять участие в демонстрации.

Власти прилагали все усилия, чтобы сорвать назначенную на 4 марта демонстрацию. «В видах предупреждения демонстрации» в ночь на 1 и 3 марта столичная охранка арестовала 121 человека — студентов, интеллигентов и рабочих — организаторов выступления⁵⁸. Из наиболее энергичных организаторов демонстрации власти называли студентов: социал-демократов Г. И. Бокия (Горный институт), Б. М. Кнунянца, В. П. Вологодина, Н. А. Скрипкина, С. А. Лихачева, А. А. Спонта, Д. А. Самойлова, Н. В. Чечевицына, Л. Д. Цюрупу (Технологический институт), Л. А. Фотиеву, М. Полубояринову, К. Н. Самойлову (ВЖК), Е. Д. Ракову (ЖМИ)⁵⁹.

В воскресенье, 4 марта, к 12 часам вся площадь у Казанского собора и примыкающие к ней магистральные были запружены народом. По свидетельству корреспондента «Искры», среди многотысячной толпы демонстрантов было немало рабочих⁶⁰. Несколько тысяч рабочих Нарвской и Невской застав, направлявшихся в центр города на демонстрацию, были задержаны у застав нарядами полиции и войсками, посланными туда еще вечером 3 марта⁶¹. И все же некоторые рабочие, обходя солдатские кордоны, пробивались к центру города. За колоннами Казанского собора «собирались рабочие-путиловцы,

семянниковцы, обуховцы и студенты. Постепенно они заполнили всю площадь»⁶².

Демонстранты подняли два красных знамени с надписью: «Долой «временные правила!»» Затем выступил студент-технолог, призвавший к борьбе с царским режимом. Публика выразила свою солидарность криками: «Долой самодержавие!», «Ура!», «Согласны!» Среди демонстрантов распространялись прокламации, которые тут же и читались вслух. По знаку градоначальника из прилегающих дворов и переулков на площадь ринулись казаки и конные городовые, на помощь им поспешили завербованные полицией дворники и началось зверское избиение демонстрантов. Сотня казаков под командованием градоначальника Клейгельса пошла в атаку на демонстрантов: казаки обрушили град ударов нагайками на людей, отступавших к собору, они «наезжали на сбитых полицией студентов и курсисток». Кровавый разгул полицейских и дворников не прекратился даже в соборе, куда укрылись курсистки: «городовые хватили курсисток за волосы и били их о стены головами»⁶³. Несомненно, что эта бойня была заранее подготовлена властями: за час до демонстрации Клейгельс распорядился собрать в районе собора полсотни карет Красного Креста.

Первыми опомнились рабочие. Они, а за ними и студенты, разломав деревянную лестницу собора, вооружившись дровками хоругвий, табуретками и подсвечниками, захваченными в соборе, начали отбивать атаки казаков и городовых. Как сообщал корреспондент «Искры», «рабочие на площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу и кусками дерева дрались из последних сил... Студенты дрались как львы, защищали женщин»⁶⁴.

Царские власти жестоко расправились с участниками демонстрации: несколько человек было убито, более 100 избито и изувечено, 1050 человек арестовано⁶⁵. Из арестованных 53 студента отсидели в тюрьме от 3 до 5 месяцев, а 26 руководителям демонстрации постановлением «особого совещания» была назначена ссылка в Восточную Сибирь и Степной край⁶⁶. В числе арестованных и высланных из столицы студентов Технологического института были энергичные вожаки молодежи — В. П. Вологдин, Б. М. Кнунянец, М. А. Костылев, Л. Д. Цюрупа,

С. А. Лихачев, Н. А. Скрыпник, А. А. Спonti, В. Л. Шиманский и др.⁶⁷

Жестокое побоище, учиненное казаками и полицией по приказу правительства, вызвало бурю негодования среди рабочих, учащейся молодежи и передовой интеллигенции. Если до демонстрации многие студенты институтов — Инженеров⁶⁸ путей сообщения, Гражданских инженеров, Лесного, Военно-медицинской академии — скептически относились к забастовке, то после, уже на следующий день, было единодушно решено прекратить посещение лекций во всех этих учебных заведениях. «И не только студенты, — говорилось в корреспонденции из Петербурга, — но и профессора отказываются читать лекции»⁶⁸.

Передовые рабочие Петербурга и студенчество готовились провести новую политическую демонстрацию в знак протеста против произвола царских властей. Такая демонстрация по призыву объединенной социал-демократической организации «Рабочее знамя» и «Социалист» состоялась 11 марта на Невском, хотя и прошла из-за саботажа «экономистов» менее удачно, чем 4 марта.

Под непосредственным влиянием московской и петербургской демонстраций 11 марта произошло крупное выступление рабочих и студентов Киева. Инициатива подготовки и проведения уличной демонстрации принадлежала местному комитету РСДРП. Еще 31 января Киевский комитет РСДРП распространил прокламацию «Ко всем рабочим. По поводу студенческих беспорядков», в которой разъяснял смысл и значение протеста молодежи. А 10 марта местный комитет РСДРП специальной листовкой призвал рабочих участвовать в демонстрации на Крещатике⁶⁹.

«Демонстрация, в которой участвовали и студенты, прошла блистательно, — сообщал корреспондент «Искры» из Киева. — Колоссальная толпа рабочих (говорят, до 15 тыс.) стройно двигалась по Крещатику с красным знаменем и пением «Марсельезы»⁷⁰. Поздравляя киевских социал-демократов с успехом, «Искра» писала: «Пожелаем, чтобы организованные товарищи в других местах в ближайшем будущем проявили такую же революционную энергию и понимание тактики, соответствующей действительным интересам русского пролетариата»⁷¹.

В тот же день при участии местного комитета РСДРП

состоялась демонстрация на улицах Казани. Проводилась агитация за демонстрацию среди рабочих, но полиция оцепила крупные заводы и воспрепятствовала соединению рабочих со студентами⁷².

А через неделю, 18 марта, по призыву местного комитета РСДРП состоялась весьма внушительная демонстрация молодежи в Харькове, продолжавшаяся почти весь день. Здесь на помощь студентам-демонстрантам, избиваемым казаками, пришли рабочие Паровозостроительного завода⁷³.

Попытка провести демонстрацию лицейстов имела место 10 марта в Ярославле, но была сорвана батальоном солдат-фаногорийцев⁷⁴.

Царское правительство, напуганное широким размахом уличного движения студенчества, поддержанного рабочими, 12 марта 1901 г. предписало губернаторам и градоначальникам «в случае возникновения беспорядков... предоставлять учебному начальству содействие войск, и в случае необходимости силою и строгостью прекращать их»⁷⁵.

Убедившись, однако, что «политика кнута» не приносит желаемого успокоения в высшую школу, правительство Николая II, чтобы внести раскол в ряды протестующей молодежи, свести на нет ее движение, решило прибегнуть к «политике пряника», лавирования, обещания реформы высшей школы.

24 марта 1901 г. царь опубликовал рескрипт на имя вновь назначенного министра народного просвещения генерала Ванновского*.

Перепуганный бурей протеста, царь предлагал министру «безотлагательно приступить к пересмотру и ис-

* 14 февраля 1901 г. министр просвещения махровый реакционер Боголепов был смертельно ранен выстрелом из нагана бывшим студентом Московского университета Петром Карповичем в отместку за товарищей, отданных в солдаты. На это событие студенты отозвались песенкой:

Боголепову влепили, кто же виноват?
Сами к пулям приучили —
Вот вам и солдат!
В министерскую траншею влетел снаряд —
Да попал, к несчастью, в шею, кто же виноват?
Наша сказка лучше были, я ужасно рад,
Боголепову влепили — это за «солдат».
Ордена, чины и ленты — целый воз наград.
И награда от студентов: я ужасно рад...

правлению учебного порядка», лицемерно заявлял о необходимости «внести в дело воспитания юношества сердечное о нем попечение»⁷⁶.

На помощь «генералу-просветителю» вводить «сердечное попечение» в систему воспитания учащейся молодежи царь назначил сенатора И. Мещанинова, бывшего до того главным начальником тюремного управления империи. «Это как нельзя более целесообразно, — не без сарказма заметила «Искра», — если водворять в просвещении «порядок» призван боевой генерал, то в помощи ему всего более годится тюремщик»⁷⁷.

В начале апреля 1901 г. было составлено для печати заявление министра просвещения, в котором правительство обещало пересмотреть университетский устав 1884 г., приостановить действие «временных правил»*, а отданных в солдаты студентов возвратить в университеты⁷⁸.

В конце марта — начале апреля 1901 г. правительством было проведено два секретных совещания министров, в ведении которых находились учебные заведения, с участием ректоров и директоров по вопросу возобновления учебных занятий и проведения экзаменов.

В газетах было объявлено о начале учебных занятий в университетах и институтах с 9 апреля 1901 г. Однако во многих высших учебных заведениях страны лекции и весенние экзамены почти не проводились из-за бойкота их студентами.

Правда, сторонники «партии порядка», а также часть «равнодушных», поддавшаяся уговариванию и запугиванию начальства, явились 9 апреля на занятия и экзамены. Но таких было меньшинство. Бюллетень оргкомитета Горного института от 23 апреля сообщал: «*Университет*. В первый день по открытии экзаменовалось 30 человек, во второй — 15. Всего в университете — 3600 человек. *Технологический институт*: вчера держал экзамен один студент. *Институт путей сообщения и Бестужевские женские курсы* — большинством решено продолжать забастовку»⁷⁹.

* Действительно «временные правила» хотя и не были формально отменены правительством, но фактически они больше не применялись. В августе 1901 г., когда представился благоприятный предлог для «милосердия» — рождение четвертой дочери у царя, были освобождены из казарм более 200 киевских и петербургских студентов.

В ряде высших учебных заведений столицы в начале апреля были приняты резолюции, аналогичные решению студенческой сходки университета: «Чтобы дать возможность спокойно провести предполагаемые реформы, студенты решили не возобновлять занятия и отложить экзамены до осени, когда они будут держать экзамены вместе с возвращенными товарищами»⁸⁰.

12 апреля студенческие сходки в Юрьевском университете и Рижском политехническом институте решили не приступать к занятиям и экзаменам до осени⁸¹.

Но в большинстве высших учебных заведений страны на апрельские сходках были приняты компромиссные решения: разрешить держать экзамен тем студентам, которые академические занятия ставят превыше гражданского долга.

Волна студенческого движения весной 1901 г. пошла на убыль: значительная часть учащейся молодежи заняла теперь выжидательную позицию, поверив «благим начинаниям» правительства. Другая — «борцы до конца», как она себя называла, решила отложить начало занятий до осени, чтобы собраться с силами, лучше организовать и возобновить борьбу в новом учебном году, добиваясь полного удовлетворения своих требований⁸².

Массовыми репрессиями, разгромом руководящих органов борющегося студенчества правительству удалось свернуть забастовку: только в восьми университетах страны в период забастовки было исключено и уволено 796 студентов⁸³. На абсолютное большинство студентов, принимавших участие в забастовке, были наложены те или иные взыскания (карцер, строгий выговор, выговор и т. п.).

Были и такие учебные заведения, как, например, Лесной институт, где исключенные и арестованные составляли более трети всего списочного состава учащихся⁸⁴.

В ходе стачечного движения выделилась большая группа вожаков молодежи, среди них будущие большевики: В. В. Адоратский, Н. П. Брюханов (Казанский университет); В. П. Антонов (А. Саратовский); Н. С. Атабеков (Тумас), С. Г. Шаумян (Рижский политехнический); Н. Н. Баранский (Томский университет); А. А. Бекзаянц, В. И. Богомолос (Киевский политехнический институт); М. С. Кедров (Демидовский лицей); С. П. Вайнштейн, М. Д. Орахелашвили (Харьковский университет);

А. Н. Вертячих (Горный институт); О. И. Виноградова, К. Н. Самойлова-Громова (Бестужевские курсы); М. А. Азизбеков, Б. М. Кнууянц, Н. А. Скрыпник (Петербургский технологический); В. А. Десницкий (Юрьевский университет) и др.⁸⁵

В обстановке ожидания обещанных правительством университетских реформ и возвращения исключенных студентов начался 1901/02 учебный год. Сотни юношей не могли продолжить занятия в университетах и институтах: одни, высланные в административном порядке по месту жительства родителей, находились под надзором полиции, другие были заперты в тюрьмы и ссылки.

«Искра» разъясняла студенчеству фальшь объявленного царем курса на проведение университетских реформ. В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» писал, что царское правительство не согласится на расширение прав студенческих организаций, ибо такой шаг с его стороны «означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданым»⁸⁶.

С каждым днем радикальное студенчество на опыте убеждалось в необходимости продолжения борьбы с правительством «господ Обмановых»⁸⁷. Уже с первых дней занятий началась интенсивная подготовка (агитационная и организационная) к возобновлению движения.

На нелегальных вечеринках и сходках, в издаваемых прокламациях анализировались уроки забастовки, намечалась программа и тактика дальнейшей борьбы с правительством. Так, на собрании студентов высших учебных заведений Харькова, проходившем 13 октября в Коммерческом клубе, абсолютным большинством голосов было решено «признать за студенчеством безусловную обязанность продолжать начатое в 1899 и 1901 годах дело»⁸⁸.

Непосредственным поводом вспышки студенческого движения осенью 1901 г. послужило опубликование газетой «Гражданин» 11 октября 1901 г. грязного пасквиля князя Мещерского. Этот махровый реакционер пытался убедить читателей, что требование демократического студенчества о приеме в университеты женщин продиктовано соображением «удобства... для полового разврата».

В ответ на эту злобную клевету учащаяся молодежь университетских городов страны организовала кампанию протеста. Студенты-ораторы на сходках правильно ука-

зывали, что за князем-мракобесом и циником стоят правящие круги, что статья Мещерского — стремление этих кругов оправдать «вето» правительства на прием женщин* в университеты.

Благотворное влияние на развитие и углубление демократического движения учащейся молодежи, на переход от академических лозунгов борьбы к политическим оказала героическая борьба российского пролетариата весной 1901 г. (Обуховская оборона, первомайские стачки и демонстрации в ряде городов страны). В эти годы массовое рабочее движение, руководимое революционными социал-демократами, поднималось на новую ступень — «к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям»⁸⁹. Боевой лозунг пролетариата «Долой самодержавие!» был подхвачен революционным студенчеством.

Мысль о необходимости перехода от академических требований к политическим все отчетливее выступает в студенческих листовках, изданных осенью 1901 г. Так, харьковский Союзный совет объединенных землячеств и организаций свою прокламацию от 16 октября посвятил выяснению политических мотивов студенческого движения. Анализируя уроки двух прошедших забастовок, Союзный совет приходит к выводу, что «для успеха движения необходимо не только единодушие и организованность, но и поддержка других слоев населения, и прежде всего рабочего класса. Но такую поддержку студенчество будет получать лишь тогда, когда целью борьбы для него будет не только академическая... свобода, а прямо и резко поставленное требование *полной политической свободы*»⁹⁰. Аналогичные взгляды на характер лозунгов движения высказывались в прокламациях нелегальной организации студентов Московского университета «Протест», в постановлениях сходок студентов Киевского политехнического института от 24 октября, Петербургского университета от 13 ноября⁹¹.

* По царским законам женщинам воспрещалось поступление в университеты и институты. Под давлением общественного мнения, на средства, собранные по подписке, для женщин в конце XIX в. было открыто несколько специальных учебных заведений: Высшие женские курсы в Петербурге и Москве, Женский медицинский институт и др. Лишь благодаря революции 1905—1907 гг. женщинам было разрешено поступать в университеты в качестве вольнослушательниц.

Предгрозовая атмосфера накалялась, и, казалось, достаточно искры, чтобы разгорелось пламя. Об этом свидетельствует, в частности, и инцидент в Электротехническом институте 8 ноября 1901 г., когда агент царской охранки появился в стенах этого института и пытался задержать студента, которому посыльный передавал письмо. Возмущенные наглостью агента охранки, студенты немедленно собрались на сходку, пригласили директора и решили большинством в 120 голосов против 8 прекратить посещение лекций, потребовать публичного подтверждения от властей, что полиция не имеет права показываться в высшем учебном заведении, довести до сведения студентов всех учебных заведений о случившемся и просить обсудить данный факт на сходках⁹².

В яркую демонстрацию любви молодежи и рабочих к «буревестнику революции», писателю-гражданину вылились проводы А. М. Горького из Нижнего Новгорода 7 ноября 1901 г. По распоряжению министра внутренних дел А. М. Горький в административном порядке был выслан из Нижнего Новгорода за «дурное влияние на тамошнее общество и молодежь».

В адресе от признательной молодежи Нижнего Новгорода подчеркивалась огромная роль А. М. Горького в формировании свобододолюбивых идей юношества: «Мы, — говорилось в адресе, — высоко ставя Ваш огромный художественный талант, больше всего ценим Вас за идеи, красной нитью проходящие через все Ваши произведения: мощное прославление свободной, смелой личности... могучий призыв к открытой и смелой борьбе за свободу... Мы благодарны Вам за Вашу песнь «Безумству храбрых», так как в ней мы черпаем силы, в ней мы видим оружие против тех, кто называет смелость безумной»⁹³.

С вокзала рабочие, интеллигенты, учащая молодежь двинулись по улицам с пением революционных песен и, остановившись у здания городской думы, организовали летучий митинг. Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «Падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»⁹⁴.

Попытки организовать демонстрации протеста против преследований царскими властями А. М. Горького были предприняты учащейся молодежью и во время следования писателя поездом через Москву и Харьков⁹⁵.

По инициативе социал-демократов, входивших в состав «Исполнительного комитета объединенных землячеств и организаций» Московского университета, 18 ноября 1901 г. было организовано открытое выступление московского студенчества в связи с 40-летием со дня смерти революционера-демократа Н. А. Добролюбова. Перед собравшимися студентами и горожанами было произнесено несколько кратких речей политического характера. После митинга свыше 500 студентов направились к дому московского генерал-губернатора, чтобы выразить протест в связи с запрещением властями празднования юбилея Н. А. Добролюбова.

Ленинская «Искра», внимательно следившая за растущим возбуждением учащейся молодежи, советовала местным организациям РСДРП возглавить борьбу студенчества с правительством. Сделав обзор студенческих выступлений осени 1901 г., газета заключала: «Комитетам нашей партии и всем революционным группам следует теперь же начать готовиться к тому, чтобы события вроде прошлогодних не застали нас врасплох»⁹⁶. В предвидении новых штормов и бурь В. И. Ленин в статье «Каторжные правила и каторжный приговор» призывал социал-демократов неустанно спланивать все революционные силы, объединять вокруг пролетариата всех недовольных, всех угнетенных, систематически готовить общенародное восстание⁹⁷.

Из решений общестуденческих сходок Петербургского, Киевского, Юрьевского и Харьковского университетов, Рижского политехнического института (ноябрь 1901 г.) видно, что учащаяся молодежь помимо прежних требований об отмене «временных правил» 29 июля 1899 г. и об автономии университетов выставила требования демократизации высшей школы и предоставления гражданам России политических свобод⁹⁸.

В воззваниях харьковской «Группы студентов-революционеров» авторы призывали начать борьбу с правительством, начертав на знамени: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»⁹⁹.

Правильно понять тесную связь борьбы за университетские свободы с борьбой политической студенчеству помогли «Искра» и искровские партийные организации, которые обращались к учащейся молодежи со специальными прокламациями¹⁰⁰. Так, «Сибирский социал-демо-

кратический союз» в открытом «Письме к студентам Томска» (ноябрь 1901 г.) призывал учащуюся молодежь объединиться вместе с рабочим классом для борьбы за политические свободы для народа. «Свобода университета, — говорилось в обращении, — возможна лишь при полной свободе всего народа... при изменении государственного строя»¹⁰¹.

Поводом, приведшим к активизации борьбы демократического студенчества в конце осени 1901 г., послужил инцидент, разразившийся в стенах Харьковского ветеринарного института. Студенты первого курса этого института 15 ноября подали заявление ректору, что они отказываются слушать лекции профессора Лагермарка за «его бессистемное и бессвязное чтение курса химии». За такую «неслыханную дерзость» по распоряжению министра просвещения студенты первого курса (188 человек) были исключены из института. В ответ на это поднялись на борьбу все студенты университета, Ветеринарного и Технологического институтов Харькова. На общих сходках было решено потребовать от властей возвращения в институт всех уволенных студентов Ветеринарного института, выполнения выставленных ранее требований о демократизации высшей школы, а в случае неудовлетворения этих требований объявить забастовку с обструкцией и организовать уличную демонстрацию¹⁰².

24 ноября около 500 студентов Рижского политехнического института, собравшись во дворе института, потребовали свободы слова, совести, печати. После митинга студенты с революционными песнями двинулись по улицам города. Видную роль в организации первой в Риге уличной демонстрации сыграл студент института член РСДРП Степан Шаумян¹⁰³.

А через несколько дней, 28 и 29 ноября, на улицах Харькова состоялась антиправительственная демонстрация, закончившаяся жестоким избиением молодежи казаками и полицией. В ответ на эти зверства царских башибузуков местный комитет РСДРП и Союзный совет землячеств решили организовать 2 декабря, в воскресенье, новую демонстрацию, «придать ей громадные размеры, чтобы знали враги, что против них стоит действительная сила, которая требует политических прав для всего народа»¹⁰⁴. 1 декабря в зале Драматического театра были разбросаны прокламации местного комитета

РСДРП «К харьковским гражданам» с приглашением на уличную демонстрацию»¹⁰⁵.

2 декабря на Сумской и других центральных улицах города в демонстрации приняли участие вместе со студентами рабочие и интеллигенты. Тысячные толпы демонстрантов на улицах пели «Дубинушку», «Варшавянку», выкрикивали антиправительственные лозунги, перед демонстрантами произносились краткие речи о целях борьбы, раздавались листовки. Демонстранты провозглашали общедемократические лозунги: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!», в ответ на демонстрантов посыпались удары шашками, нагайками. По распоряжению губернатора полицейские власти Харькова выслали из города 250 студентов, принимавших участие в демонстрации¹⁰⁶. В «целях пресечения уличных беспорядков» правительство объявило город на положении «усиленной охраны».

Сведения о демонстрациях на улицах Харькова, об увольнении студентов первого курса Ветеринарного института подняли боевой дух и усилили брожение среди студенческой молодежи других городов. Борьбу московского студенчества возглавил «Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций», в котором превалировало влияние социал-демократов: «Между Исполнительным комитетом и МК РСДРП поддерживалась постоянная связь. Некоторые члены Исполнительного комитета входили одновременно в состав МК. Были среди членов Исполнительного комитета и агенты «Искры», распространявшие ее среди студенчества»¹⁰⁷.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием студенческого движения, был в курсе событий¹⁰⁸, отмечал боевой характер студенческих выступлений осенью 1901 г. В декабрьском номере газеты «Искра» он публикует свою статью «Начало демонстраций». Отмечая взаимосвязь студенческого движения с революционной борьбой пролетариата, В. И. Ленин указывал, что радикальное студенчество, организуя протест, стремится войти в соглашение с рабочими и заручиться их поддержкой в уличных выступлениях: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую

(студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу... И студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бесмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа»¹⁰⁹.

Статья В. И. Ленина заканчивалась призывом к рабочему классу возглавить общенародную борьбу с самодержавием: «Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа»¹¹⁰.

Стремясь не допустить расширения и углубления движения учащейся молодежи, правительство Николая II, наконец, «разрешилось от реформаторских потуг». Отвергнув как совершенно неприемлемую для абсолютистского режима идею о реформе высшей школы на принципах автономии, департамент министерства просвещения разработал «Временные правила о студенческих учреждениях», которые были утверждены министром просвещения и опубликованы в печати 22 декабря 1901 г.

Согласно этим правилам, студентам формально разрешалось устройство собраний, столовых, касс взаимопомощи, библиотек и читален, научных кружков и пр. Но организация и деятельность их так регламентировались, что сводился на нет принцип студенческой самостоятельности. Так, курсовые и факультетские собрания могли быть созваны лишь с разрешения ректора (директора) при условии, если за собрание выскажутся $\frac{2}{3}$ всех студентов, и при обязательном присутствии на нем уполномоченного ректором профессора, инспектора, которые были «ушами и глазами» администрации и могли закрывать собрания, т. е. фактически полицейско-чиновничья опека и слежка за деятельностью студенческих организаций усилились.

«Временные правила» не отвечали чаяниям учащейся молодежи о свободном и широком развитии ее самостоятельных общественных и научных организаций и кружков. Демократическое студенчество хотело видеть

курсовые, научные и общественные организации независимыми от учебной администрации, без опеки со стороны инспекции, чтобы все студенческие дела свободно обсуждались и решались на курсовых и общих сходках.

Перед студентами стояла дилемма: «Или примириться с этим возможным для правительства максимумом, или усилить политический, революционный характер своего протеста... И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота»¹¹¹.

Санкционированные правительством «временные правила о студенческих учреждениях» не могли не вызвать протеста со стороны большинства учащейся молодежи России. Даже либеральная профессура открыто высказывала свое недовольство, не желала выполнять полицейские функции, возлагаемые на нее «правилами».

Бурные протесты молодежи против «правил» охватили все высшие учебные заведения страны и положили начало третьей всероссийской студенческой забастовке.

Обращаясь к революционным социал-демократам России, В. И. Ленин призывал их воспользоваться разгоравшимся конфликтом молодежи с правительством для политической мобилизации «всех общественных сил, враждебных самодержавию»¹¹².

Местные комитеты РСДРП — Петербургский, Московский, Киевский, Одесский, Рижский, Харьковский и Сибирский союз развернули широкую устную и печатную пропаганду и агитацию среди учащейся молодежи и других оппозиционных слоев общества, разъясняли непригодность, весь обскурантизм разрешенных правительством студенческих учреждений, необходимость расширять и углублять борьбу народа во главе с рабочим классом за политические свободы¹¹³.

Как же протекали события в период подготовки и проведения третьей всероссийской студенческой забастовки?

Осенью 1901 г. революционно-демократические организации учащейся молодежи развернули агитацию за бойкот разрабатываемых чиновниками министерства просвещения правил о студенческих организациях (основное содержание этих пресловутых правил было известно еще до опубликования их в печати), за проведение новой общероссийской забастовки.

Активное участие в организации забастовки приняли

студенты университетов: *Московского* — В. В. Богородский, М. А. Воскобойников, А. И. Колмогоров, Б. П. Поцерн, В. В. Руднев, А. С. Сыромятников, А. А. Ховрин, М. Э. Швейцер и др.; *Петербургского* — Н. В. Аполлонов, А. В. Веселовский, А. А. Вермишев, Н. Н. Воскресенский, К. А. Горбунов, В. А. Горохов, Д. В. Добровольский, Б. Е. Райков, С. Г. Сватиков, А. А. Сольц, Е. С. Шехтер и др.; *Киевского* — Р. И. Гальперин, А. В. Губарев, С. И. Загорский, Х. И. Рыбак, Е. Е. Слуцкий и др.; *Юрьевского* — Д. С. Белянкин, Ф. П. Доливо-Добровольский, В. А. Десницкий, С. К. Кручинин, А. Л. Полянский, А. Г. Сахаров, Г. И. Хундадзе, Н. Н. Чудновский; *петербургского Технологического института* — В. Э. Классен, А. В. Познер, Н. А. Скрипкин; *Демидовского юридического лицея* — А. П. Доливо-Добровольский, В. И. Покровский, К. А. Зайончковский, М. С. Кедров, Н. И. Подвойский; *рижского Политехнического института* — С. Г. Шаумян, Ю. Блох, П. Гречихин, А. Тиме, К. Печуркин и П. Каменский¹¹⁴.

Как доносил агент царской охраны, на нелегальных студенческих сходках высказывается мнение, что инициативу проведения всеобщей студенческой забастовки должно взять на себя столичное студенчество, «где имеются более тесные общения с рабочими... и многочислен и деятелен радикальный элемент. Если бы Петербург отказался, то инициативу движения должна взять на себя Москва»¹¹⁵.

Понятно, что идею забастовки поддерживало далеко не все студенчество страны. Открытыми противниками забастовки выступали сторонники «партии порядка», проявляли колебания и «академисты». Но их лозунг «университет не фабрика, а храм науки, а не политики» не разделялся большинством учащейся молодежи. Так, в начале декабря среди студентов Московского университета сторонников «партии порядка» и «академистов» насчитывалось около 100 человек, в то время как студентов, разделявших тактику борьбы до полного удовлетворения всех демократических требований, было, по сведениям охраны, около 1000 человек¹¹⁶.

Но как и год назад, первыми выступили украинские студенты. 3 декабря 1901 г. сходка студентов (свыше 800 человек) Харьковского технологического института приняла резолюцию, в которой собравшиеся протестова-

ли «против реакционных мероприятий министерства и правительства» и объявляли «забастовку впредь до изменения характера его деятельности»¹¹⁷. 5 декабря студенты Киевского политехнического института предъявили ультиматум: если к 20 января 1902 г. правительство «не примет мер к проведению реформ в духе наших требований (о демократизации высшей школы. — П. Г.) и не возвратит товарищей, то мы начинаем забастовку»¹¹⁸.

Вслед за харьковчанами и киевлянами в борьбу вступили студенты Екатеринославского высшего горного училища. После речей ораторов, горячо и убежденно говоривших о политическом значении студенческого движения, сходка 12 декабря единодушно объявила забастовку, предъявив требования: полной академической свободы, доступности образования для всех (без различия национальности, вероисповедания, пола, сословия) и неприкосновенности личности¹¹⁹. Большинством 96 против 52 голосов сходка постановила организовать 15 и 16 декабря уличную демонстрацию политического характера, пригласив к участию в ней рабочих¹²⁰.

14 декабря по городу были разбросаны прокламации местного комитета РСДРП и Оргкомитета студентов Горного училища с призывом к рабочим организовать вместе со студентами демонстрацию протеста против самодержавного гнета¹²¹.

15 декабря вечером учащиеся Горного училища вместе с прибывшими сюда для участия в политических демонстрациях студентами других городов вышли на улицу, провозглашая политические лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!» Наряды войска и полиции, знавшие заранее о готовящейся демонстрации, окружили демонстрантов: 46 человек были арестованы и брошены в тюрьму (в их числе 23 студента), 4 — избиты¹²².

16 декабря демонстрация, несмотря на строгие меры, принятые по приказу губернатора, повторилась в рабочей слободе Чечелевке.

Как только 22 декабря 1901 г. были опубликованы «временные правила о студенческих учреждениях», советы ряда университетов и институтов назначили студенческие сходки, на которых предполагалось провести выборы старост курсов и факультетов, а заодно и официально сформулировать отношение студенчества к этим

«правилам». На январских 1902 г. сходках абсолютным большинством голосов студенчество отвергло министерские «правила».

Характерной реакцией радикально настроенной молодежи на «сердечное попечение» правительства было решение сходки студентов Киевского университета 24 января: «Выразить свое презрение МН просвещения, бросившему студенчеству гнусную подачку в форме «временных правил» от 22 декабря... «Правила» не только не вносят в студенческую жизнь никаких улучшений, но отнимают все то, что студенчеству удалось уже добиться путем долгой и упорной борьбы. Поэтому мы отказываемся принять «временные правила»».

Студенты требовали широкой автономии университетам, возвращения в университет всех пострадавших товарищей. Подчеркнув, что «сама жизнь указывает единственно возможный путь для достижения наших целей — путь борьбы», студенты объявили забастовку, «которая будет продолжаться, пока все наши требования не будут удовлетворены»¹²³. Еще раньше, 21 января, приняли решение о забастовке с обструкцией студенты Киевского политехнического института¹²⁴.

Инициатива студентов учебных заведений Украины облегчала задачу организации общероссийской забастовки. Деятельная подготовка к ней развернулась в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Томска, Риги и других городов России.

В конце января — начале февраля 1902 г. во многих учебных заведениях страны проходили нелегальные собрания и политические вечеринки студенческого актива, на которых обсуждались вопросы о программе и тактике развертывавшегося движения.

Движение студентов Петербургского университета возглавила «Касса радикалов», которая образовалась в конце 1901 г. из наиболее активных, революционно настроенных членов «Кассы взаимопомощи», не разделявших хвостистскую тактику руководства. «Радикалы» рассматривали студенческое движение «как движение общественное, во главе которого стоит пролетариат»¹²⁵. На общей сходке 5 февраля 1902 г. 1063 голосами против 5 студенты университета отвергли «временные правила», потребовали «свободы слова, личной неприкосновенности и полной свободы студенческих организаций». В под-

тверждение своей решимости бороться за указанные требования сходка 648 голосами (против 118, 72 воздержавшихся) постановила: начать немедленно забастовку с обструкцией, а в случае успеха забастовки и поддержки ее другими высшими учебными заведениями столицы «устроить уличную демонстрацию с участием рабочих»¹²⁶.

Аналогичные решения были приняты на студенческих сходках Горного, Лесного, Технологического, Инженеров путей сообщения, Электротехнического институтов, Военно-медицинской академии, Высших женских курсов, а также студентами высших учебных заведений Москвы, Риги, Казани, Тарту, Одессы, Томска¹²⁷.

В течение двух-трех недель начиная с 21 января 1901 г. забастовочное движение охватило 36 высших учебных заведений страны, прекратили посещать занятия более 30 тысяч студентов¹²⁸, причем за забастовку голосовало абсолютное большинство присутствовавших на сходках студентов¹²⁹.

Боевое настроение забастовавших отразила группа слушательниц Бестужевских курсов в своей листовке от 7 февраля 1902 г.: «Пока в России будет существовать нагайка и кулачная расправа, нет иной борьбы, кроме забастовок и демонстраций»¹³⁰.

Учебная администрация принимала все меры к тому, чтобы создать хотя бы видимость продолжения академических занятий, а реакционная печать стремилась изобразить забастовщиков «хулиганствующими обструкционистами», «не желающими учиться». Но отчаянные попытки поддержать престиж правительства нередко ставили учебную администрацию в смешное, а порой и тяжелое положение. Так случилось в Киевском университете 4 февраля. В этот день была назначена лекция ректора профессора Фортинского, на которую были приглашены товарищ министра просвещения Зенгер и попечитель округа Вельяминов-Зернов. В ответ на призыв ректора к «благоразумию» в аудитории поднялись шум и свист. А когда на кафедру взошел Зенгер и тоже попытался увещевать студентов, то в зале начались такой шум и крики «долой!», что «высокому гостю» пришлось быстро ретироваться с трибуны.

За обструкцию речи Зенгера 80 студентов были в тот же день исключены из университета и удалены из города. Экстренное заседание Совета профессоров с участием

Зенгера «пришло к выводу, что дальнейшее чтение лекций невозможно», и с 5 февраля оно было прекращено¹³¹.

Содержание ряда прокламаций, изданных студенческими организациями, свидетельствует, что революционно-демократическое студенчество России все отчетливее понимало политический характер и цель своей борьбы, а некоторые руководящие органы движения правильно определяли и ту общественную силу, во главе которой трудящиеся массы смогут свергнуть абсолютистской строй. Верное понимание руководящей роли пролетариата и его партии содержалось в прокламации «Делегатского собрания студенческих организаций С.-Петербурга», изданной в феврале 1902 г.: «Сознательное студенчество должно в настоящее время участвовать в непосредственной революционной борьбе против существующего политического и социального строя, причем борьба эта особенно продуктивна в том случае, если студенчество примыкает к партиям, опирающимся на наиболее революционный класс — пролетариат»¹³². О стремлении заручиться поддержкой рабочих свидетельствует и прокламация москвичей «Русским рабочим от студентов-пролетариев»: «Мы не преувеличиваем своих сил. Мы понимаем, что *настоящая сила* — вы, товарищи, и что правительство так боится нас только потому, что, когда начинают бунтовать студенты, к ним присоединяетесь вы, рабочие»¹³³.

Все чаще в агитационных листовках и бюллетенях студенческих демократических органов помещалась хроника рабочего движения, перепечатывались прокламации местных комитетов РСДРП¹³⁴.

В период подготовки общероссийской студенческой забастовки помимо статей и материалов, помещаемых на страницах «Искры», Петербургский, Московский, Киевский, Харьковский и другие местные комитеты РСДРП распространяли среди учащейся молодежи специальные прокламации, в которых разоблачалась фальшь правительственной политики «сердечного попечения», определялись задачи студенческого движения. Так, в прокламации «Студенты и рабочие», изданной Петербургским комитетом РСДРП 8 февраля 1902 г., говорилось: «Требование студентов — часть наших требований, и мы можем только радоваться тому, что необходимость политической свободы сознается теперь не только нами, но и самой честной и боевой частью русского общества — учащейся

молодежью. Будем же оказывать поддержку студентам в их борьбе с полицейским произволом... Будем же участвовать в их демонстрациях, и пусть вместе с их возгласами сольются и наши возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!»¹³⁵

Влияние пропаганды и агитации «Искры», революционных социал-демократов на радикально настроенную часть студенческой молодежи были вынуждены констатировать даже царские чиновники. Так, в донесении московского обер-полицеймейстера от 21 января 1902 г. министру внутренних дел указывается: «Чисто политическая точка зрения, усвоенная Исполнительным комитетом (московских земляческих студенческих организаций. — П. Г.), находилась в полной связи с переменой (? — П. Г.) в программе РСДРП, отодвинувшей на задний план стремление к экономическим целям и поставившей впереди всего задачи чисто политические, противоположительные»¹³⁶.

Открытое заявление о политическом, антиправительственном характере движения молодежи содержится в решениях II всероссийского съезда студенческих организаций, состоявшегося нелегально в середине февраля 1902 г. в Риге. На съезде присутствовало 40 делегатов, представлявших почти все высшие учебные заведения России¹³⁷.

В своем выступлении на съезде делегат от студенчества Рижского политехнического института Степан Шаумян выразил мнение большинства борющегося студенчества России: «Все наши стремления останутся неосуществленными, пока не будет свергнуто основное политическое препятствие — царизм»¹³⁸.

После всестороннего обсуждения вопроса о причинах и целях студенческого движения Всероссийский съезд представителей демократических студенческих организаций принял манифест, в котором указывалось, что студенческое движение «есть движение политическое, оно корнями своими глубоко лежит в современном строе России... Конечная цель движения — политическая свобода, и идти к ней надо твердыми шагами».

Констатируя и приветствуя факт совместных выступлений рабочих и студентов на улицах, съезд выразил надежду, что эти связи еще больше укрепятся на почве борьбы за политические свободы, и счел «желательным

возможно более широкую пропаганду социалистических идей среди студенчества». Для достижения этих целей съезд высказался за создание «при всех учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными комитетами Российской Социал-Демократической партии, к которым съезд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям».

Что касается тактики студенческого движения, то «съезд, оставляя в силе применение забастовок и обструкций во всех их видах, выдвигает на первый план демонстрацию, как наиболее действенное средство...»¹³⁹.

Решения съезда по тактическим вопросам борьбы, о создании организационных комитетов и установлении прочных связей с местными комитетами РСДРП имели большое значение для успешного развития студенческого движения не только в период третьей всеобщей забастовки, но и в последующие годы.

Редакция газеты «Искра» приветствовала манифест и решения рижского студенческого съезда, рекомендовав всем революционным организациям молодежи устанавливать тесные контакты с местными комитетами РСДРП¹⁴⁰.

Решения II всероссийского студенческого съезда отражали главную тенденцию в движении, мысли и устремления большинства радикально настроенной учащейся молодежи, разделявшей тактические лозунги революционной социал-демократии. Многие студенческие руководящие органы (оргкомитеты, делегатские собрания) находились под сильным влиянием РСДРП, а некоторые из них в большинстве своем состояли из членов партии. Как явствует из «Отчета Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III съезду РСДРП», популярность идей «Искры» среди борющейся учащейся молодежи была настолько велика, что «почти всякий революционно настроенный студент называл себя социал-демократом»¹⁴¹.

Но представители «партии порядка» не собирались складывать оружие. Будучи не в силах выиграть сражение в открытом бою, на сходках, где решались вопросы о забастовке, они не брезгали никакими средствами (включая доносы на товарищей агентам царской охранки), чтобы внести разлад, сорвать забастовку. Сведения, получаемые «негласным путем» (выражение агентов ох-

ранки.— П. Г.), позволяли властям применять «своевременные меры по предупреждению беспорядков», т. е. производить исключения, аресты и высылки из города «неблагонадежных» студентов.

«Предупредительные» аресты вожжаков студенческого движения следовали один за другим. Так, в ночь на 30 января в Технологическом институте были произведены аресты (в третий раз за два месяца) активных участников движения — В. П. Вологодина, Н. И. Курского, Б. М. Кнунянца, Д. А. Самойлова, А. Е. Порай-Кошица, К. Е. Рериха, Л. Клейнборга и др.¹⁴²

В Горном и Лесном институтах в те дни были арестованы студенты Г. И. Бокий и С. Г. Струмилин, члены РСДРП, талантливые руководители революционного студенчества¹⁴³.

В этих труднейших условиях борьбы революционное студенчество, их руководящие органы стремились привлечь к протесту рабочих и городские слои населения. Вожжаки студенческих забастовок устанавливали контакты с местными комитетами РСДРП, вели с ними переговоры о совместных выступлениях на улицах.

Характерна для настроения радикального студенчества России этих дней концовка прокламации, изданной киевскими студентами накануне демонстрации 2 февраля 1902 г.:

Пойдем к рабочему народу,
В союзе с ним нас ждет успех,
Пойдем за счастье, за свободу,
Пойдем за равенство для всех¹⁴⁴.

Первым в 1902 г. совместным выступлением рабочих и студентов была демонстрация на улицах Киева.

За три дня до демонстрации Киевский комитет РСДРП распространил в городе прокламацию, в которой рабочие и студенты призывались выйти на Крещатик и пройти по улицам города.

2—3 февраля в демонстрации на центральных улицах Киева участвовало около 300 студентов и до 1000 рабочих¹⁴⁵. 2 февраля по сигналу, на глазах 15-тысячной толпы «любопытствующих» рабочие и студенты вышли на середину Прорезной улицы и подняли три красных знамени, на одном из них была надпись: «Свобода!»¹⁴⁶. На демонстрантов, кричавших «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!»¹⁴⁷, вскоре налетела

конная жандармерия и казаки, было арестовано более 100 человек. Разогнанные на Прорезной улице, демонстранты собрались на Фундуклеевской улице, возле Владимирского собора. Начавшаяся в полдень демонстрация (с перерывами) закончилась лишь вечером речами ораторов¹⁴⁸.

На второй день, 3 февраля, хотя с меньшим числом участников, но демонстрация продолжалась на улицах Киева. По свидетельству корреспондента «Искры», «демонстрация удалась. Особенно хвалят рабочих».

На докладе министра внутренних дел о киевской демонстрации 2—3 февраля Николай II наложил резолюцию: «Следует действовать решительно и однообразно по всем городам и в особенности предупреждать уличные демонстрации».

В соответствии с этим распоряжением царя министр Сипягин разослал губернаторам циркуляр, которым предписал немедленно арестовывать организаторов уличных выступлений, а «демонстраций ни в коем случае не допускать и прекращать при самом возникновении, не стесняясь мерами и силой»¹⁴⁹.

Полицейские власти действительно не стеснялись в применении насильственных мер для подавления открытых выступлений молодежи. Красноречивым свидетельством «решительных действий» являются февральские события, происшедшие в столицах империи Российской.

Сведения о забастовке и демонстрациях киевских студентов, дошедшие до Петербурга, подняли боевое настроение столичной студенческой молодежи. Несмотря на то что учебные занятия в Петербургском университете и ряде институтов продолжались до 5—8 февраля, настроение студентов, по замечанию одного из чиновников министерства просвещения, было «затишьем перед бурей»¹⁵⁰.

Эта буря разразилась 5 февраля, когда студенческая сходка в Петербургском университете постановила немедленно начать забастовку. В тот же день власти объявили о воспрещении студентам (из-за боязни «беспорядков») проведения обычных вечеринок и по случаю юбилея университета.

Собравшиеся в столовой студенты университета и других учебных заведений столицы решили опротестовать это распоряжение властей устройством 8 февраля демон-

страции: утром на Дворцовой площади, а вечером повторить ее в Народном доме с участием рабочих, к которым были разосланы агитаторы.

«В видах предупреждения беспорядков, — доносил чиновник особых поручений министерства просвещения, — в ночь на 8 февраля были произведены обыски и аресты 89 лиц, прикосновенных к деятельности петербургских революционных кружков»¹⁵¹.

Однако 8 февраля 1902 г. после окончания спектакля в Народном доме произошла антиправительственная манифестация студентов, закончившаяся зверским их избиением. По заранее разработанному полицейскими властями плану, как только послышалось троекратное студенческое «ура» в честь университета, по приказу пристава в фойе ворвались полицейские и дворники и пустили в ход шашки и кулаки. 67 студентов и курсисток были арестованы и через несколько дней судимы... «за сопротивление полиции»!¹⁵²

Особое место в хронике студенческого движения за 1902 г. занимает сходка-митинг студентов Москвы 9 февраля. Более месяца продолжалась подготовка этой сходки. Среди учащейся молодежи и жителей Москвы распространялись «Искра»¹⁵³, листовки и прокламации «Исполнительного комитета объединенных землячеств и организаций», студенческой революционной организации «Союз молодой России», в которых проводилась мысль о необходимости вести упорную борьбу за политические свободы совместно с рабочими и демократической интеллигенцией.

«Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций» Московского университета опубликовал «Письмо рабочим», в котором разъяснялась цель студенческого движения. «Письмо» заканчивалось призывом к рабочим московских предприятий: «Товарищи! Соединяйтесь с нами, и тогда мы, сильные, объединенные, развернем знамя с надписью: «Да здравствует свобода!»¹⁵⁴.

27 января 1902 г. в комнате студента университета А. Колмогорова состоялось заседание «Исполнительного комитета» с участием представителей от Технического и Инженерного училищ, на котором было извещено, что «рабочие согласны на совместные со студентами действия и ждут лишь указания о времени и месте демонстрации».

На этом же заседании было решено назначить общегородскую сходку учащейся молодежи на 9 февраля в актовом зале университета, а через полчаса «всем вместе устроить демонстрацию с участием рабочих, красными флагами и пением революционных песен»¹⁵⁵.

В письме, перлюстрированном охранкой, сообщалось: «В Киеве назначена уличная демонстрация на 3 февраля, в С.-Петербурге — на 5 февраля. Везде движение принимает открытый политический характер... На 9 февраля здесь (в Москве. — П. Г.) предполагается общая сходка и после нее уличная демонстрация... Представители здешних рабочих организаций вошли в сношения с комитетом (студенческих организаций. — П. Г.) и предлагают свои услуги к 9 числу в смысле общности действий... Вся Москва только и говорит о 9 февраля»¹⁵⁶.

Политический характер предстоящей демонстрации разъяснялся в прокламации «Ко всем московским жителям от московских студентов»¹⁵⁷.

Всего лишь за одну неделю (с 6 по 13 февраля) среди жителей Москвы, солдат и студентов были распространены листовки 19 студенческих организаций и Московского комитета РСДРП в связи с готовящейся демонстрацией¹⁵⁸. Такой небывалый поток агитационной литературы давал охранке основание заключить: «Студенческий Исполнительный комитет целиком попал в руки революционеров, под влиянием коих постарался создать аналогичные себе органы в других высших учебных заведениях, которые начали усиленную печатную агитацию среди рабочих, войска, общества, приглашая всех явиться 9 февраля к университету, откуда пойти с красными флагами по улицам Москвы»¹⁵⁹.

Готовились к 9 февраля и московские власти. Начиная с 27 января полиция и охранка каждую ночь проводили массовые обыски и аресты лиц, принимавших активное участие в подготовке сходки.

К 12 часам дня 9 февраля в актовом зале Московского университета собралось более 600 студентов и курсисток — представителей московских высших учебных заведений.

Председательствующий общегородской сходки член «Исполнительного комитета» А. Колмогоров предложил обсудить программу политических требований, выработанных комитетом. 102 «академиста» в знак протеста

против принятой большинством политической программы сходки покинули собрание.

В разгар прений на кафедре поднялась представительница объединенной организации всех женских курсов Москвы. Впервые в стенах университета раздался голос женщины, призывавшей подняться на борьбу за свободу: «Мы, женщины, принимаем *только политическую программу* и готовы на все, чтобы добиться ее осуществления...»¹⁶⁰

После горячих дебатов по вопросу о целях студенческого движения сходка единогласно (518 голосами) приняла следующую резолюцию: «Считая ненормальностью существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзии академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований... Мы требуем: 1) неприкосновенности личности; 2) свободы печати; 3) свободы совести; 4) свободы собраний и организаций; 5) непосредственной ответственности административных лиц; 6) общедоступности образования; 7) допущения женщин в университет; 8) уравнивания прав национальностей.

Вместе с рабочими мы требуем: 9) 8-часового рабочего дня; 10) права стачек.

Не признавая настоящее правительство способным к преобразованию общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созыва «Учредительного собрания». Общеполитическая программа заставляет нас вынести протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования»¹⁶¹.

Впервые за всю историю студенческого движения радикально настроенная учащаяся молодежь так ясно и определенно выставляла политическую программу своей борьбы, разделяла основные политические лозунги борьбы пролетариата (8-часовой рабочий день, право стачек, созыв Учредительного собрания и др.).

Редакция «Искры» высоко оценила эту резолюцию: «Собрание нескольких сот студентов вынесло резолюцию, совершенно определенно выражавшую солидарность студентов с политическими требованиями пролетариата»¹⁶².

После принятия указанной резолюции участники сходки перешли к обсуждению вопросов тактики. В это время

выставленный караул доложил, что университет оцепляется солдатами и полицией. Этот акт московских властей вызвал негодование присутствовавших на сходке. Бурные дебаты вспыхнули с новой силой. Отвергнув провокационное предложение некоторых ораторов — вступить в открытую борьбу с нарядами полиции и солдат, участники сходки решили добровольно не расходиться, остаться в здании университета. Из окон университетских аудиторий неслись слова «Варшавянки», «Марсельезы», «Дубинушки». Студенты вывесили красные флаги с надписью: «Свобода!»¹⁶³.

Чтобы предотвратить участие «мастерового люда» в демонстрации студентов, полицейские власти Москвы приняли ряд «предупредительных мер». Десять крупнейших предприятий были оцеплены войсками и полицией, не забыли и о «прянике»: по распоряжению градоначальника за выход на работу 9 и 10 февраля была назначена двойная плата¹⁶⁴. В результате полицейским властям Москвы удалось сорвать рабоче-студенческую антиправительственную демонстрацию.

Опасаясь возмущения жителей Москвы, власти не решились арестовать участников сходки днем; лишь глубокой ночью войска получили приказ «очистить» университет «от крамолы» и «водворить бунтовщиков» в Бутырскую тюрьму. Вечером 9 и в ночь на 10 февраля было арестовано около 900 человек, из них 470 человек в университете¹⁶⁵.

14 февраля приказом министра просвещения все участники сходки 9 февраля были исключены из университетов и институтов без права поступления в другие учебные заведения¹⁶⁶.

А несколько дней спустя по решению «особого совещания» 668 участников политической сходки были высланы из Москвы в административном порядке, 135 участников и «подготовителей» сходки сосланы в Восточную Сибирь на срок от 2 до 5 лет, 567 студентов и курсисток заключены в тюрьму от 3 до 6 месяцев, 6 отданы под надзор полиции¹⁶⁷.

Это сообщение правительства «Искра» поместила под заголовком, имевшим глубокий смысл: «Всех не сослать! Массовая фабрикация революционеров!»

Запрятать в Сибирь и посадить в тюрьму 702 человека — это ли не свидетельство громадного переполоха

правительства, серьезной оценки своего политического противника!

О политическом характере движения радикально настроенной молодежи вынуждено было заявить само правительство. В решении «особого совещания» говорилось «о тесной связи, в которую студенты вступили с существующими революционными кружками и с рабочими»¹⁶⁸.

В числе арестованных и высланных в Сибирь были студенты университета: Л. П. Александров, С. С. Амбарцумян, Н. Н. Архангельский, И. М. Баев, С. Н. Батурин, В. П. Волгин, С. С. Волосов, В. И. Крылов, К. Г. Котельников, Л. Залысин, Е. Загорский, В. И. Орлов, Е. П. Первухин, Б. П. Позерн, А. А. Потемкин, В. Руднев, В. А. Радус-Зенькович, С. А. Щербаков, М. Швейцер, А. А. Ховрин и др.¹⁶⁹ Сибирская ссылка для многих студентов явилась настоящим революционным университетом: отсюда они выходили закаленными бойцами, а самые лучшие — большевиками.

Репрессии правительства не сломили боевого настроения молодежи. 11 февраля состоялась многолюдная сходка студентов Рижского политехнического института, постановившая примкнуть к забастовке студентов других городов. Накануне сходки С. Г. Шаумян пишет листовку к населению города. «Мы, студенты Рижского политехнического института, будем действовать не только как студенты, но как граждане порабощенной страны... Вместе с массами трудящихся мы призываем вас участвовать в новой борьбе, не жалея своих сил»¹⁷⁰.

В знак солидарности с политической резолюцией, принятой 9 февраля в университете, 11 февраля состоялась сходка студентов Московского технического училища. На сходке с горячим призывом к забастовке и новой демонстрации выступил студент Федор Сергеев — впоследствии видный деятель нашей партии и государства¹⁷¹.

В 12 часов 17 февраля у памятника Пушкину собрались студенты-техники. Сюда же охранка с помощью своего агента «студента» Адикса направила несколько десятков городских, переодетых в платья рабочих. По замыслу полковника Зубатова «рабочие» должны были «проучить крамольных студентов, отбить у них охоту выступать против «царя-батюшки».

Студенты Сергеев, Сбитников, Нагурский, Добровышли в первую шеренгу, за ними построились осталь-

ные. Демонстранты двинулись по Тверскому бульвару к Никитским воротам. Но тут случилось совершенно неожиданное: демонстранты были окружены плотным кольцом «рабочих», и началось дикое избивание студентов.

В списках студентов-демонстрантов, направленных в департамент полиции, первой стояла фамилия Ф. Сергеева, который, по словам охранки, «с назойливой пылкостью» призывал товарищей к беспорядкам. Все они были приговорены к ссылке в Сибирь и заключены в тюрьму¹⁷².

Большим событием в общественно-политической жизни страны явилась рабоче-студенческая демонстрация 3 марта 1902 г. в Петербурге.

Вопрос об организации уличной демонстрации в столице начал обсуждаться на заседаниях Делегатского собрания и петербургского комитета «Союза борьбы» еще в конце декабря 1901 г. Уроки февральско-мартовских и майских 1901 г. уличных демонстраций в столице и других городах убедительно свидетельствовали о росте политической сознательности и активности рабочего класса. И все же «экономисты» при обсуждении вопроса об организации демонстрации вначале занимали негативную позицию, и лишь под давлением рабочих кружков и революционной молодежи, придерживавшихся искровской тактики, местный комитет «Союза борьбы» на своем заседании 9 февраля принял решение организовать 3 марта совместно с учащейся молодежью политическую демонстрацию на улицах столицы¹⁷³.

За несколько дней до демонстрации по почте рассылались листки, в которых разъяснялись цель студенческого движения, политические лозунги предстоящей демонстрации¹⁷⁴. Только за две недели, предшествующие демонстрации, в Петербурге было издано и распространялось 66 различных листовок и прокламаций, отпечатанных в тысячах экземпляров¹⁷⁵.

Непосредственное участие в подготовке уличной демонстрации приняли студенты социал-демократы. Так, в донесениях охранки называются фамилии активистов-технологов: В. Э. Классен, «близко стоящего к революционной группе «Искры», оратора на сходе 17 января», Н. А. Скрипкина и И. М. Труба, «близко стоящих к революционной организации «Союза борьбы»¹⁷⁶, и др.

Опасаясь участия рабочих в демонстрации студентов,

министр внутренних дел отдал распоряжение петербургскому градоначальнику выставить воинские и полицейские кордоны у Нарвской и Невской застав. Однако, несмотря на принятые властями меры (накануне демонстрации было арестовано около 200 вожаков молодежи)¹⁷⁷, 3 марта, в воскресенье, к 11 часам Невский проспект (от Аничкова до Полицейского моста) стал заполняться не совсем обычной публикой: «По тротуарам медленно двигались рабочие, студенты, курсистки, интеллигенция», — сообщал корреспондент «Искры»¹⁷⁸. Фабрично-заводская молодежь составляла большинство прибывших на демонстрацию.

По плану демонстрация должна была начаться одновременно в нескольких местах Невского, чтобы затруднить действия полиции и жандармерии. Наибольшее скопление народа было в районе Казанской площади. Воспользовавшись тем, что основные силы полиции были сосредоточены там, собравшаяся у здания городской думы группа рабочих и студентов первой подала сигнал к началу демонстрации. В 12 часов над головами сотен людей были подняты два красных знамени с надписями: «Долой самодержавие!», «8-часовой рабочий день!», «Политическая свобода», «Свобода стачек»¹⁷⁹. Раздалось многоголосое «ура», кто-то крикнул: «долой самодержавие!», запел революционную песню... Но вскоре навстречу демонстрантам на всем скаку, с обнаженными шашками ринулся отряд конной жандармерии. Они стали теснить и избивать демонстрантов. Рабочие и студенты оборонялись мужественно, но в их руках было всего несколько десятков палок и тростей... Во время стычки с жандармами был тяжело ранен студент университета Лев Плюснин — один из вожаков движения. В тот день на улицах было арестовано около 500 демонстрантов¹⁸⁰.

За участие в подготовке демонстрации постановлением «особого совещания» 15 студентов были сосланы в Иркутскую губернию сроком от 2 до 3 лет; более 50 — в Восточную Сибирь, а 53 студента были заключены в тюрьму сроком от 3 до 5 месяцев¹⁸¹.

Организаторы «шемякина суда» руководствовались тем, что «примерное наказание может охладить революционный пыл и повлиять на то, что в будущих демонстрациях студенты не так охотно станут принимать уча-

стие»¹⁸². Однако и на сей раз просчиталось правительство Николая II.

Сообщения о полицейских репрессиях вызвали новую волну студенческих сходок. Даже студенты Демидовского юридического лица в Ярославле, призванные стать «блюстителем законов Российской империи», на сходке 7 марта отвергли «Временные правила о студенческих учреждениях» и обсуждали вопрос об организации уличной демонстрации. Появившиеся внезапно директор и инспектор сорвали принятие этого решения. Однако после сходки Н. И. Подвойский, М. С. Кедров, Вл. Покровский пытались организовать обструкцию лекций¹⁸³.

С каждым днем забастовки, с новой демонстрацией редели шеренги борющейся молодежи. Царское правительство, опираясь на жандармский корпус и полицию, бросало в тюрьму, высылало в административном порядке из университетских городов десятки, сотни студентов — вожаков движения.

Достаточно привести данные лишь по трем учебным заведениям, чтобы представить себе картину массовых репрессий, обрушившихся на бастующих студентов. Так, в бюллетене Оргкомитета от 26 февраля 1902 г. приводятся сведения о потерях в лагере бастующих студентов Петербургского университета на 21-й день забастовки: 70 студентов были отправлены на поселение в Сибирь, 36 исключены и уволены без права обратного поступления, 51 уволен на 1—2 года, 408 получили выговоры¹⁸⁴. Правление Киевского университета только за три первых недели забастовки исключило 130 студентов с правом и без права обратного поступления в университет¹⁸⁵. В начале марта 1902 г. из Петербургского горного института было исключено 332 студента, т. е. более половины списочного состава¹⁸⁶.

Полицейский террор крайне осложнял агитацию за продолжение забастовки. Сторонникам продолжения забастовки, понесшим огромные потери, с каждым днем становилось все труднее отражать натиск сторонников «партии порядка», обходить рогатки учебной администрации (специальные входные билеты и т. п.)¹⁸⁷.

После неоднократных арестов членов организационных комитетов к руководству движением в ряде учебных заведений пришли «умеренные», либерально настроен-

ные студенты, которые стали отходить от политических лозунгов борьбы, отдавали предпочтение академической программе движения.

В конце марта — начале апреля 1902 г. забастовка студентов почти во всех высших учебных заведениях страны закончилась, хотя учебный процесс некоторое время еще не мог протекать нормально. В ряде учебных заведений студенты, сторонники продолжения забастовки, организовывали обструкцию лекций и лабораторных занятий¹⁸⁸.

В докладной записке министра просвещения царю за апрель 1902 г. с тревогой отмечалось, что известия о беспорядках в Финляндии, крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях, слухи о готовящейся грандиозной первомайской демонстрации рабочих «будоражат умы молодежи» и что в целях «пресечения» новых выступлений студенчества полиция производит обыски и аресты «среди беспокойных элементов»¹⁸⁹.

Последними крупными выступлениями демократического студенчества Петербурга весной 1902 г. были манифестация на похоронах писателя-демократа Глеба Успенского 27 марта, в которой приняло участие около 800 человек, и участие молодежи в подготовке к первомайской уличной демонстрации рабочих¹⁹⁰.

* * *

Вторая и третья всеобщие студенческие забастовки 1901—1902 гг. и вызванные ими уличные демонстрации в университетских городах страны — важные события в истории революционной борьбы трудящихся России в первые годы нынешнего столетия.

Исторический смысл и значение этих забастовок состоит прежде всего в том, что впервые в истории студенческого движения протест учащейся молодежи был вынесен на улицу, где он был поддержан передовыми рабочими. Уже в начале второй всероссийской забастовки (февраль—март 1901 г.) радикальное студенчество широко применяло пролетарское средство борьбы — стачку и демонстрацию. Как известно, в стачках российский пролетариат участвовал уже в 70-е годы XIX в., а массовые политические выступления на улицах городов начались с майской демонстрации харьковских рабочих в 1900 г.

Как сама форма протеста учащейся молодежи —

стачка и демонстрация, так и участие в демонстрациях рабочих Петербурга, Москвы, Киева и Харькова свидетельствовали о происходившей эволюции студенческого движения, о переходе от академических целей и форм борьбы к политическим, антиправительственным.

В этом и заключается принципиальное отличие второй студенческой забастовки от первой (1899 г.), когда подавляющее большинство ее участников выставляло в основном академические требования и стремилось использовать забастовку как средство для достижения этих требований. Переход от академических целей и форм борьбы к политическим, антиправительственным завершился в период третьей всеобщей забастовки, о чем красноречиво свидетельствуют резолюции большинства студенческих сходок (особенно Московского университета от 9 февраля 1902 г.).

Непосредственным результатом стойкой борьбы десятков тысяч передовой молодежи в ходе второй всеобщей забастовки явилась приостановка правительством (фактически отмена) «Временных правил 29 июля 1899 г.» об отдаче студентов в солдаты. Третья всероссийская студенческая забастовка похоронила также пресловутые «Временные правила о студенческих организациях». Несколько месяцев спустя, 27 августа 1902 г., циркуляром министра просвещения они были отменены.

Почти не прекращающиеся в течение трех лет студенческие волнения являлись красноречивым свидетельством того, что царское правительство не способно «навести порядок в собственном доме», это подрывало его престиж даже среди правящей верхушки общества.

Говоря об итогах третьей всероссийской забастовки, следует сказать, что волнение учащейся молодежи как самостоятельное общественное движение достигает своей кульминации (не только по размаху, но и глубине) в 1901/02 учебном году. Впервые в истории русского освободительного движения 30 тысяч забастовавших студентов дружно и самоотверженно, невзирая на большие потери, боролись за свои требования.

Их натиск на правительство казался столь внушительным, что В. И. Ленин в статье «Внутреннее обозрение»¹⁹¹ сделал весьма примечательную сноску в связи с сообщениями о новой волне студенческих беспорядков в Киеве, Петербурге и других городах империи: «Может

быть, история возложит на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке?»¹⁹² Но чтобы эта схватка была победоносной, подчеркивал Ленин, необходим подъем борьбы пролетарских масс, высокая их сознательность и организованность¹⁹³.

Борясь за отмену полицейских правил для университетов, молодежь приходила к выводу, что нельзя добиться академических свобод без завоевания политических свобод для народа.

Выставленные студенчеством в период третьей забастовки политические требования — результат не только усвоения молодежью собственного опыта борьбы с правительством, а прежде всего благотворного влияния революционной борьбы российского пролетариата, участия его передового слоя в уличных демонстрациях молодежи. «Активное участие рабочих в политических демонстрациях бурного месяца (февраля 1901 г. — П. Г.), — говорилось в передовой статье газеты «Искра», — придало им (демонстрациям. — П. Г.) совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории»¹⁹⁴. Особое значение этих демонстраций состояло прежде всего в том, что участие в них передовых рабочих побудило студентов «к более решительным и революционным действиям»¹⁹⁵.

В совместных рабоче-студенческих демонстрациях зимой 1901—1902 гг. на улицах Петербурга, Харькова, Киева и Екатеринослава революционно настроенная учащаяся молодежь впервые открыто провозглашала пролетарские лозунги борьбы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» Это свидетельствует о том, что студенческое движение вступило в новый этап своего развития: «...Народная масса поддержала студентов, — отмечала «Искра», — и придала их движению политическое значение»¹⁹⁶.

Уличные демонстрации, состоявшиеся в 1901—1902 гг. в университетских городах России, в свою очередь ускорили переход пролетариата от экономических стачек к политическим, к открытым выступлениям против самодержавия: «Многие путиловцы получили первое политическое крещение именно здесь, на демонстрациях у Казанского собора»¹⁹⁷.

Для русских социал-демократов, говорилось в редакционной статье «Искры», особое значение уличных де-

монстраций с участием в них рабочих состояло в том, что «ими, надо надеяться, окончательно решен спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу...»¹⁹⁸. Своим активным участием уже в майских стачках и демонстрациях 1901 г. рабочие Петербурга и других городов страны еще раз доказали свою способность и готовность вести политическую борьбу, идти в первых рядах борцов за демократические права и свободу для народа. Этим был нанесен серьезный удар по хвостистской тактике «экономистов», подтверждена верность взглядов В. И. Ленина, искровцев на ближайшие политические задачи рабочего движения.

Мысль рабочих, разбуженная открытым протестом против полицейского произвола, теперь упорно работала в политическом направлении. «После этой демонстрации (демонстрации 4 марта 1901 г. в Петербурге. — П. Г.), — вспоминает рабочий Обуховского завода, — у нас в заводе только и говорили о событиях на Невском...

Нужно ли говорить, что настроение у рабочих поднялось и многими овладел воинственный дух. Стало гораздо легче вести революционную пропаганду, и многие поддавались агитации за празднование 1-го мая»¹⁹⁹.

Совместные массовые рабоче-студенческие уличные демонстрации протеста стали возможны прежде всего благодаря систематической пропаганде и агитации В. И. Ленина, газеты «Искра»²⁰⁰.

Статьи В. И. Ленина, примечания редакции о студенческом движении содержали глубокий анализ причин, предпосылок, особенностей этого движения, указывали недостатки и верный путь для его успеха. Различные источники свидетельствуют о том, что демократическое студенчество читало ленинскую «Искру», хорошо знало содержание материалов, публикуемых в ней²⁰¹.

Идейная и организаторская деятельность революционных социал-демократов во главе с В. И. Лениным среди радикально настроенной учащейся молодежи помогла ей вывести движение из рамок академизма и поставить его на политические рельсы борьбы — борьбы против самодержавия.

Редакция «Искры» настоятельно рекомендовала демократическому студенчеству объединять свои усилия

с рабочим классом и под его руководством и при его участии смелее выставлять политические требования. «...Мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой...»²⁰²

Факты со всей очевидностью свидетельствуют, что искровская тактика расширения и углубления студенческого протеста (с вынесением его на улицу и привлечением рабочих) одержала убедительную победу над сторонниками петиционных, мирных форм борьбы. Причем уличные выступления зимы 1901—1902 гг. отличались большей (в сравнении с зимне-весенними 1901 г.) организованностью, руководящей ролью в них социал-демократов, отдельных искровских организаций РСДРП.

Поняв силу и значение совместных с рабочим классом политических демонстраций на улицах городов, революционное студенчество отныне стремилось использовать представлявшиеся случаи для открытых выступлений. Так, в день 1 мая 1901 г. студенты Харькова, пригласив к колонне демонстрантов-рабочих, прошли с ними весь город под боевым лозунгом: «Долой самодержавие!»²⁰³ В первомайских демонстрациях и в последующие годы участвовала учащаяся молодежь Нижнего Новгорода, Баку, Тифлиса, Екатеринослава, Томска и других городов страны²⁰⁴.

Уличные демонстрации, боевой дух, сила коллектива, готовность к самопожертвованию оставили неизгладимый след в умах учащейся молодежи. Немало студентов, принимавших активное участие в первых демонстрациях, исключенные из учебных заведений и отправленные в тюрьму или ссылку, стали профессиональными революционерами, бойцами ленинской партии коммунистов.

Под влиянием пропаганды «Искры», революционных социал-демократов в сознание рабочих все глубже проникала истина, что они должны помогать протестующему студенчеству бороться против общего врага, совместно открыто требовать политических свобод и прав для народа. В статье «Первые уроки» В. И. Ленин, излагая краткую историю освободительного движения российского пролетариата, так определил эту примечательную тенденцию: «1901-ый год. Рабочий идет на помощь студенту. Начинается демонстрационное движение»²⁰⁵.

Проанализировав уроки февральско-мартовских уличных демонстраций 1901 г., стихийное стремление рабочих заступиться за избиваемых полицией студентов, В. И. Ленин приходит к выводу, что у революционных сил не оказалось тогда штаба организаторов и руководителей в лице боевой партии пролетариата, что стихийное движение масс «обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!»²⁰⁶.

Учитывая, в частности, опыт и этих выступлений, В. И. Ленин пишет в конце 1901 — начале 1902 г. свою знаменитую работу «Что делать?», в которой убедительно доказывает необходимость быстрее создания боевой марксистской партии в России, способной возглавить борьбу масс за демократический переворот, повести рабочий класс к победе социалистической революции.

Анализируя внутреннее положение в царской России (подъем борьбы рабочего класса, студенческие волнения, объявление на положении «усиленной охраны» одной трети губерний империи), В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» сделал важный вывод об углубляющемся общенациональном политическом кризисе самодержавия: «...возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя (курсив наш. — П. Г.). В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать.»²⁰⁷

В совместной борьбе против царизма росли и закалялись силы революционно-демократического студенчества, молодежь все более сближалась с источником своей революционной энергии — с рабочим классом. В свою очередь рабочие отдавали должное стойкой борьбе демократического студенчества против полицейского деспотизма самодержавия. В этом, в частности, убеждаешься, когда читаешь свидетельства очевидцев об отправке студентов в Сибирь весной 1902 г. Демонстрации глубокого уважения к борцам за свободу со стороны простых людей происходили во время остановок эшелона ссыльных студентов буквально на всем пути от Москвы до Иркутска. А когда жандармы и полицейские чинили препятствия этим демонстрациям, то рабочие-железнодорожники некоторых крупных станций придумали такой способ приветствия ссыльных студентов: изготовив красные флаги, они размещались в пустых вагонах, стоявших вдали от станции. Когда замечали приближение поезда со ссыльными студентами, «рабочие моментально раздвигали двери вагонов, и радостное, промогласное «ура» из одного вагона перебрасывалось в другой, и тут же масса красных значков мелькала в воздухе... Возгласы «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода», крики «ура» и пение оглашали воздух»²⁰⁸.

Всеобщие студенческие забастовки, уличные демонстрации нашли живой отклик у передовой русской и западноевропейской интеллигенции.

На страницах «Искры» было опубликовано письмо «Союза взаимопомощи русских писателей» по поводу избивания демонстрантов 4 марта 1901 г. на Казанской площади. Видные писатели, деятели культуры и науки А. М. Горький, В. В. Вересаев, С. А. Венгеров, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. Н. Бекетов, П. Ф. Лесгафт, Д. В. Стасов, А. А. Шахматов (всего 79 подписей) открыто протестовали против зверского избивания демонстрантов и требовали строгого наказания виновных²⁰⁹.

В редакцию «Искры» поступили (через корреспондентские группы содействия газете) десятки писем от видных ученых и передовой интеллигенции Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии, Ирландии, в которых они выражали свое возмущение по поводу отдачи студентам в солдаты, «введения в русские университеты солдат и полицейских агентов для действия против студентов»²¹⁰.

Парижский «Комитет солидарности с русскими студентами» выражал восхищение «тому твердому мужеству», с которым «русские студенты и профессора» «защищают свободу учения и мысли»²¹¹.

Виднейшие писатели Франции Ромен Роллан и Эмиль Золя в своих письмах в редакцию «Искры» приветствовали «славную борьбу студентов за эмансипацию человечества» и выражали надежду, что эта борьба ускорит революционный взрыв в России²¹².

Весной 1901 г. во многих странах Европы состоялись многочисленные собрания, на которых рабочие, учащие-

ся, передовая интеллигенция принимали резолюции протеста против полицейских актов царского правительства в отношении студентов и выражали свое «сочувствие русскому борющемуся пролетариату и студенчеству»²¹³.

Политическая дифференциация российского студенчества

Назревавший в первые годы XX в. общенациональный революционный кризис ускорил процесс классовой, политической дифференциации тогдашнего общества. Различные классы и социальные группы населения для достижения своих целей в предстоящей революции консолидировались, создавали свои политические партии, общественные, научные и другие организации.

В среде учащейся молодежи, которая являлась самой отзывчивой частью интеллигенции, всего точнее отражавшей и выражавшей развитие классовых интересов и политических группировок в обществе¹, естественно, политическая дифференциация в те годы протекала весьма интенсивно. Она была обусловлена неоднородностью социального состава студенчества, развитием и обострением классовой политической борьбы в стране, явными симптомами кризиса самодержавия.

На рубеже XIX—XX вв. студенческое движение протекало в обстановке оформления классового самосознания российского пролетариата и буржуазии, углубления социальной войны народных масс против самодержавия. Эти антагонистические классы (соответственно и группы студентов, отражавшие их интересы) имели и общего (в известном смысле) врага — царско-полицейский режим, своим острием больше всего направленный против классовой борьбы пролетариата, но в то же время тормозивший развитие буржуазных производственных отношений в стране.

Из приведенных выше документов видно, что в конце 1901 г. радикально настроенная учащаяся молодежь, ее руководящие органы выдвигают на первый план студенческого движения политическую платформу — борьбу против существовавшего тогда полицейского режима самодержавия. Стремление сформулировать общеполитическую программу студенческого движения и объеди-

нить вокруг нее основную массу борющейся молодежи порождало различного рода демократические организации.

Таковыми организациями, действовавшими в 1902 г. в среде петербургского радикального студенчества, были «Дело», «Касса радикалов», «Партизаны борьбы». А в Томске по инициативе «Сибирского социал-демократического союза» осенью 1901 г. был создан «Студенческий революционный комитет», поставивший целью объединить радикальное студенчество для борьбы с самодержавием.

Естественно, что политическая платформа указанных и других демократических организаций студенчества, концентрировавшихся вокруг лозунга «Долой самодержавие!», без четкой классовой программы и ясных перспектив освободительной борьбы не могла сколько-нибудь продолжительное время объединять всех участников движения молодежи и ее общественные организации. Эти переходные (по программе и составу участников) политические организации оказались «мертвоорожденными» и уже в конце 1902 — начале 1903 г. распались, а их участники примкнули одни к РСДРП, другие к эсерам или «освобожденцам». Уже осенью 1901 г. заметно обострилась борьба между студентами, разделявшими искровскую установку — радикально настроенная молодежь должна стать одним из союзников пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции, и либеральной оппозицией, стремившейся не допустить каких-либо контактов молодежи с рабочими и направить ее движение по легальному пути.

Борьба между этими главными политическими направлениями в студенческом движении нашла свое отражение в печатной пропаганде. Так, в листовке, изданной в ноябре 1901 г. группой «Протест» (Московский университет), так определялись цель и тактика движения учащейся молодежи: «Товарищи, не тратьте сил на академическую борьбу, выставляйте требования более широкие, требования политической свободы и вы найдете себе поддержку как со стороны рабочих, так и радикальной интеллигенции. Добивайтесь свободы политической и тогда только вы будете иметь свободу академическую»². В том же университете тогда же появилась прокламация «Группы сторонников академической сво-

боды», содержание которой было типичным требованием «академистов» всех учебных заведений страны: «Наша цель — борьба академическими средствами на академической почве за университетскую свободу, как средство и осуществления культурно-просветительной роли университета. Мы относимся отрицательно ко всякому участию университета в политической деятельности»³.

В условиях заметного оживления политической активности народных масс отрицательное отношение «академистов» к политической деятельности студенческой молодежи вело к прямо противоположным результатам: удельный вес «академистов» в общей массе молодежи заметно сокращался, а «политиков», т. е. «сторонников борьбы за свержение царского деспотизма», с каждым днем возрастал.

Помимо указанных группировок в среде российского студенчества в начале XX в. были еще две крупные группы: равнодушные — «лица, совершенно индифферентно относящиеся к студенческому движению», и «противники студенческих движений вообще — националисты, антисемиты и т. д.»⁴. Если учесть, что «политики» в свою очередь делились на студентов социал-демократов, социалистов-революционеров и либералов, то оказывалось, что в студенческой среде было «шесть политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы»⁵.

Указанные группировки в студенческой среде — закономерное явление: они соответствовали политической группировке, существовавшей в тогдашнем русском обществе⁶.

На первый взгляд кажется, что деление российского студенчества на шесть групп неправильно, поскольку оно не соответствовало классовому делению тогдашнего общества. На несостоятельность такого довода указывал В. И. Ленин: «Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно в последнем счете всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот «последний счет» подводится лишь политической борьбой...»⁷

Действительно, по мере развития общенародной борьбы против самодержавия исчезала категория «равнодушных» студентов, сужался круг «культурников»-«академистов», росли ряды «политиков», особенно заметно усилилось влияние в студенческом движении сторонников искровой тактики открытых антиправительственных выступлений.

Сравнительно небольшая по численности группа «политиков», состоявшая из революционно настроенной молодежи, под влиянием идей научного социализма, успехов и перспектив борьбы пролетариата стремилась организационно оформиться под знаменем РСДРП.

Значительная часть радикально настроенного студенчества, которой были близки интересы мелкой буржуазии, испытывала сильное влияние идей мелкобуржуазной демократии и тяготела к партии социалистов-революционеров и к оппортунистическому течению в РСДРП — «экономистам» и меньшевикам. Третья — прослойка активного студенчества — по своим классовым, политическим симпатиям явно тяготела к либеральной буржуазии, к «освобожденцам», хотя часто и выступала под флагом «беспартийности», радетелей «университетской автономии».

В. И. Ленин указывал, что «русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается, по своей политической позиции, на три русла: освободенское, социалистско-революционное и социал-демократическое»⁸.

Конечно, процесс политической дифференциации российского студенчества происходил не везде одинаково и одновременно. Если в высших учебных заведениях Петербурга землячества как политические организации потеряли свое прежнее значение уже в ходе забастовок 1901—1902 гг., то в ряде городов (Москва, Киев, Харьков, Дерпт) они еще продолжали играть эту роль, хотя и переживали серьезный кризис. На заседаниях союзных советов землячеств происходила острая полемика между социал-демократами, с одной стороны, эсерами и другими группами — с другой, по вопросам тактики движения учащейся молодежи⁹. Уже никакие усилия сторонников буржуазной «беспартийности» не могли предотвратить начавшийся процесс партийной дифференциации российского студенчества, вызванный самой жизнью.

Приведенные выше факты антиправительственных выступлений студенчества России убедительно свидетельствуют, что инициатива и руководящая роль в этих выступлениях переходила к революционно-демократическому студенчеству, лучшей его части, состоявшей в РСДРП или находившейся под ее влиянием.

По другую сторону баррикад стоял реакционно-монархический лагерь — сторонники сохранения абсолютистского строя в России. «Белоподкладочники» — сынки царских сановников и титулованных дворян и купцов — составляли меньшую часть организованного студенчества*, а в сплоченности и энергии были значительно слабее своих противников¹⁰.

И хотя по численности реакционеры, «академисты» и равнодушные превосходили лагерь революционного и демократического студенчества, но в организационном отношении были значительно слабее последних, а индифферентность к злободневным политическим вопросам борьбы приводила их к изоляции, они не пользовались авторитетом в студенческом коллективе.

По свидетельству тайного советника Спешкова, в нелегальных студенческих организациях в начале 1904 г. принимало участие не более одной трети всего списочного состава учащихся. Однако это меньшинство добивалось такого положения, что «остальные по слабости своей воли (?! — П. Г.) пассивно подчинялись распоряжению организации». Конечно, дело тут было не «в слабости воли», а в том, что демократические, боевые лозунги движения радикально настроенного студенчества увлекали подчас даже «равнодушных». Да и к тому же надо иметь в виду, что открытые выступления на сходках против справедливых, демократических требований были обречены на провал; защитники самодержавия теряли авторитет в коллективе, репутацию порядочных людей; их иногда подозревали (и не без оснований) в связях с царской охранкой или университетской инспекцией.

Одним из признаков интенсивного процесса политической дифференциации российского студенчества являлась утрата былой роли и значения землячеств в обще-

* Студенты-монархисты, националисты имели и свои организации, действовавшие под покровительством властей. Это «Общество русских студентов» в Харькове, «Единение и сила» в Одессе, «Труд и надежда» в Петербурге и др.

ственной жизни и образование в учебных заведениях партийных кружков и групп. Причем следует заметить, что этот процесс в основном завершился несколько раньше (в начале 1903 г.) в высших учебных заведениях Петербурга (в силу более четкой и резкой классовой дифференциации населения столицы, более интенсивной политической жизни и других условий), позже в Одессе, Киеве, Харькове и др.¹¹

Действовавшие тогда в стране политические партии и течения втягивали в свои организации наиболее активную часть студенчества в соответствии с ее идейно-политическими взглядами, классовой принадлежностью.

Раньше других начали организационно оформляться, создавать самостоятельные партийные группы студенты социал-демократы. Первые студенческие организации РСДРП стали возникать в конце 1902 — начале 1903 г.

Возникновение социал-демократических организаций в высших учебных заведениях раньше других партийных групп облегчало распространение социалистического мировоззрения среди революционно настроенной части студенчества, способствовало завоеванию прочных позиций РСДРП в студенческом движении.

Позднее, с конца 1903 г., начали создаваться студенческие партийные группы эсеров и «освобожденцев».

Неоценимую помощь студенчеству в правильном понимании сложного явления в общественной жизни — политической дифференциации оказал В. И. Ленин.

По просьбе газеты «Студент»* В. И. Ленин написал статью «Задачи революционной молодежи», в которой он разъяснял ряд принципиальных вопросов, связанных

* «Студент» — газета революционно-демократического студенчества России; всего вышло два номера: первый номер — в апреле 1903 г. в Женеве, № 2—3 (двойной) — в сентябре 1903 г. в Цюрихе. В редакционном заявлении говорилось, что газета не является органом какой-либо политической партии, она ставит задачей предоставлять свои страницы «спокойному обсуждению теоретических и практических вопросов революционной борьбы представителям даже самых противоположных направлений русской революционной мысли», чтобы помочь выработке «в студенчестве определенного цельного политического и социалистического революционного мировоззрения...» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 505 — примечания).

Статья В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи» была опубликована в № 2—3 газеты «Студент» в разделе «Свободная трибуна».

с политической дифференциацией и задачами социал-демократов по руководству студенческим движением. Эта статья была издана отдельным оттиском на mimeо-графе под заглавием «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократия и интеллигенция)». Литографированным способом статья была издана студентами Московского университета. Брошюра получила широкое распространение в среде учащейся молодежи России. Только по сведениям департамента полиции за 1904—1905 гг., экземпляры брошюры были изъяты при арестах и обысках в Екатеринославе, Казани, Нижнем Новгороде, Одессе, в Смоленской и Минской губерниях.

В этом произведении В. И. Ленин разоблачил классовую подоплеку насквозь фальшивого лозунга — «идейного объединения всех прогрессивных элементов студенчества», который проповедовали тогда эсеры и «освободенцы» в своих органах «Революционная Россия»* и «Освобождение»**.

Призыв эсеров к студенчеству «провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере» является, указывал В. И. Ленин, в сущности «призывом, *назад* от социалистической к буржуазно-демократической точке зрения»¹², продиктован желанием совлечь движение молодежи под знамя буржуазной демократии. Политическая деятельность, разъянял В. И. Ленин молодежи, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует от человека сознательного выбора одной определенной партии¹³.

Долг истинного социалиста не затушевывать процесс классовой дифференциации, а всячески содействовать молодежи в сознательном выборе определенной политической партии, и, чем быстрее эта политическая размежевка произойдет, тем лучше для борющейся молодежи, для политического воспитания ее и успеха революционного движения.

Марксистско-ленинский принцип партийности, клас-

* Газета «Революционная Россия» с января 1902 по декабрь 1905 г. являлась официальным органом партии эсеров.

** Журнал «Освобождение» издавался с июля 1902 г. в Штутгарте. Основателем и издателем его был П. Б. Струве — один из лидеров либеральной буржуазии в России.

совой размежевки политических направлений отнюдь не означал отказа от борьбы за влияние, руководство демократическим движением, стремления к расколу студенческих академических организаций. Напротив, социал-демократы, работающие в студенческой среде, должны непременно проникать сами или через посредство своих агентов в «возможно большее число возможно более широких «чисто студенческих» и самообразовательных кружков», чтобы расширить политический кругозор молодежи, сделать более сознательным, боевым движение студенчества, «пропагандировать именно социал-демократическую программу среди тех, кто еще ищет какой-нибудь программы»¹⁴.

Статья В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи» имела огромное значение для правильной постановки работы партии в среде революционно настроенной учащейся молодежи, в деле идейно-политического ее воспитания, помогла молодежи найти свое место в классово-вой борьбе.

Процесс политической дифференциации студенчества, образования партийных групп в высшей школе нашел свое отражение во многих документах: резолюциях, прокламациях, листовках, в решениях III всероссийского студенческого съезда.

В ноябре 1903 г. по инициативе редакции газеты «Студент» и Одесского союзного совета студенческих организаций в Одессе состоялся III всероссийский студенческий съезд, на котором присутствовали представители 19 высших учебных заведений из 6 университетских городов страны¹⁵.

Одесский съезд представителей демократических студенческих организаций высших учебных заведений России показал политическую зрелость организованного студенчества.

Председателем съезда был избран представитель десяти студенческих социал-демократических организаций высших учебных заведений Петербурга Г. Энгель. Проекты основных резолюций, принятых съездом, были предложены петербургской делегацией¹⁶.

Съезд дал правильную оценку причин и следствий политической дифференциации российского студенчества. В резолюции «О дифференциации студенческой сре-

ды и движения» съезд отметил закономерность и прогрессивность этого явления как свидетельство роста политической сознательности борющегося студенчества¹⁷. В резолюции съезда подчеркивалось, что «при достаточной степени такой дифференциации и при сопутствующем ей росте организованных сил открывается возможность движения массового, как движения сознательного, планомерного, повсеместного, носящего общественно-революционный характер». Съезд далее отметил, что по средствам борьбы (забастовки, уличные демонстрации) студенческие выступления «сделались политическими, содержание — революционным, а студенческим движением осталось лишь по составу»¹⁸.

В принятом съездом решении о тактике и политической дифференциации студенческого движения сказалось влияние идей, пропагандируемых ленинской «Искрой». Съезд рекомендовал учащейся молодежи и впредь применять наиболее действенные формы движения: устраивать агитационные (политические) сходки и митинги в стенах учебных заведений, забастовки в дни важнейших общественных событий, уличные демонстрации (студенческие и совместные с другими общественными классами и группами)¹⁹.

Обсуждая вопрос о студенческих организациях, участники съезда признали целесообразными и жизнеспособными два типа таких организаций: «партийные и непартийные с ярко выразившимися политическими тенденциями»²⁰. Признание съездом второго — беспартийного типа студенческих организаций с «ярко выразившимися политическими тенденциями» было уступкой «освобожденцам» и эсерам, которые стремились под вывеской «беспартийная организация» навязать молодежи свои взгляды на политику.

Заслушав информацию представителя местного комитета РСДРП о работе и решениях II съезда РСДРП, III всероссийский студенческий съезд единодушно принял краткую резолюцию: «Съезд выражает свое приветствие РСДРП в лице ее ЦК, по поводу объединения партии, в которой выразился рост русского революционного движения»²¹.

Популярность и авторитет партии рабочего класса в среде революционно настроенной молодежи росли вместе с ростом сознательности и организованности русского

пролетариата, его способности решать демократические задачи революции.

* * *

Возникновению в конце 1902 — начале 1903 г. студенческих социал-демократических организаций предшествовала большая работа революционных социал-демократов во главе с В. И. Лениным по очищению марксистского учения от всевозможных плевел, по разоблачению пагубных последствий для революционного движения пролетариата оппортунизма «экономистов» и стремления либерально настроенной интеллигенции пропагандировать буржуазную идеологию под флагом марксизма.

Особенно глубокие корни среди учащейся молодежи в конце 90-х годов XIX в. пустило пресловутое «критическое» направление в социал-демократии — «экономизм». Так, самая крупная организация «экономистов» в высших учебных заведениях Петербурга — «Касса взаимопомощи студентов университета» насчитывала в те годы от 300 до 900 человек²².

В работе «Что делать?» В. И. Ленин объясняет истоки и причины этого явления. Он указывает на тесную связь «легального марксизма» с «экономизмом», послужившую одной из предпосылок расцвета последнего в среде русской революционной молодежи и социал-демократии. Другой предпосылкой широкого распространения «экономизма» был недостаток у молодежи революционного опыта, поверхностное знание марксистской теории, с которой она была знакома лишь по отдельным отрывкам произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, да к тому же в изложении столпов «легального марксизма» гг. Струве, Туган-Барановского и др. «Вырывание» жандармами большого числа революционеров — «стариков», несомненно, также облегчало пропаганду «экономизма» в среде учащейся молодежи²³.

«Экономисты» не только извращали теорию марксизма, но, «боясь впасть» в «утопизм», стремились ограничить студенческое (равно как и рабочее) движение узко-профессиональными интересами, чурались серьезных политических проблем, волновавших умы революционной молодежи. Естественно, что в условиях абсолютистского полицейского режима, при отсутствии политических свобод в стране худосочный пошиблизм «экономистов»

не имел сколько-нибудь продолжительного успеха среди рабочих и революционной молодежи, был отвергнут самой жизнью.

Под влиянием рабочего движения, агитации «Искры» и искровских социал-демократических организаций революционно настроенная учащаяся молодежь решительно отворачивалась от оппортунистов — представителей «попятного направления». «Своей пропагандой, — вспоминает сторонник «экономизма» Семенов, — «Искра» восстанавливала против нас молодежь, еще только приступающую к работе, и нас — экономистов — заставляла умирать без притока крови»²⁴.

Глубокий марксистский анализ социальных истоков и последствий оппортунизма для русского и международного рабочего движения, содержащийся в книге В. И. Ленина «Что делать?», помог сотням юношей и девушек — выходцам из непролетарской среды — выбрать верный жизненный путь, стать помощником пролетариата в его героической борьбе.

В начале XX в. — в годы бурного подъема рабочего движения — вопрос о росте рядов РСДРП, о расширении сфер ее деятельности стоял очень остро.

Для успешного решения боевой задачи, поставленной В. И. Лениным перед русскими социал-демократами, — «каждый завод должен быть нашей крепостью», требовалось значительно расширить агитационную и организаторскую работу в пролетарской среде, партии требовались десятки и сотни марксистски подкованных кадров, людей, работающих в группах «партийной техники». Эти группы занимались организацией подпольных типографий (множительных аппаратов), печатанием, хранением, переноской и распространением нелегальной литературы, подыскиванием явочных квартир, «чистых» и «солидных» паспортов, организовывали сбор средств на нужды партии и т. п.

Кроме того, для решения демократических задач освободительной борьбы пролетариата марксистская партия должна была направлять своих агитаторов, пропагандистов и организаторов во все классы и слои населения, революционно и оппозиционно настроенные к самодержавию.

Были ли у создаваемой в те годы марксистской партии силы, «чтобы направить свою пропаганду и агитацию

во все классы населения»? Да, и одним из основных резервов таких кадров партии было революционное студенчество.

В начале 1902 г. В. И. Ленин писал: «Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов... люди, тяготеющие к социал-демократии...»²⁵

Действительно вокруг Ленина, революционных социал-демократов группировалось все живое, честное и передовое, что было в рабочем классе, в рядах демократической интеллигенции и учащейся молодежи России. «Как и всякий другой класс современного общества, — указывал В. И. Ленин, — пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей»²⁶, понявших великую историческую миссию рабочего класса.

В. И. Ленин настойчиво рекомендовал местным организациям РСДРП расширять и улучшать работу среди учащейся молодежи. В своих работах «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду» В. И. Ленин со всей решительностью ставит эти вопросы перед социал-демократами. Характерен седьмой раздел («Связи и деятельность в других слоях населения кроме рабочего класса») перечня вопросов, составленного Лениным для подготовки докладов местных комитетов II съезду РСДРП. В. И. Ленина, в частности, интересовало: «Много ли социал-демократов выходит из студентов? Есть ли связи с студенческими кружками, землячествами, союзными советами? Как ведутся эти сношения? — чтения? — распространение литературы? Преобладающее настроение в студенчестве и история смены разных настроений.

Отношение к студенческим волнениям?

Участие студентов в демонстрациях? Попытки заранее сговориться об этом?

Студенты как пропагандисты, подготовка их?»²⁷ Кроме того, Ленин просил местные комитеты РСДРП осветить вопрос об участии революционного студенчества в издании и распространении партийной литературы.

Чтобы партия могла постоянно и во все возрастающем количестве получать подготовленные к практической

работе кадры, надо было создать в учебных заведениях партийные организации (кружки и группы) из учащейся молодежи. В этой связи актуальное значение приобретал вопрос об организационных формах партийного строительства вообще, в высших учебных заведениях в частности.

В своей организаторской работе, в создании студенческих социал-демократических групп искровские организации РСДРП руководствовались советами В. И. Ленина, изложенными в «Письме к товарищу о наших организационных задачах»^{*}.

В этом произведении В. И. Ленин впервые всесторонне обосновал важный принцип специализации (разделения труда) в партийной работе, чтобы с большей отдачей использовать способности и возможности каждого члена партии и сочувствующего, дифференцированно давать поручения в зависимости от подготовленности и личных качеств товарища.

Ленин предлагал смелее вовлекать учащуюся молодежь в работу групп, обслуживающих революционное движение: паспортную, по устройству конспиративных квартир, «финансовую» и т. п.²⁸. Нельзя требовать от всех работников технических групп обязательного вхождения в РСДРП. Если члены групп пропагандистской или типографской должны состоять в партии и работать конспиративно, то «группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.»²⁹

В этой работе В. И. Ленин обосновывает также весьма важный принцип деятельности партии в нелегальных условиях: «Руководить движением должно возможно меньшее число возможно более однородных групп, искушенных опытом профессиональных революционеров. Участвовать в движении должно возможно большее число возможно более разнообразных и разнородных групп из самых различных слоев пролетариата (и других классов народа)»³⁰.

Возвращаясь позднее к вопросу руководства марк-

^{*} «Письмо к товарищу...» было написано в сентябре 1902 г. а впервые напечатано на гектографе в конце 1902 г. Мы попытаемся кратко изложить советы В. И. Ленина местным организациям РСДРП, относящиеся лишь к нашей теме.

систской партии юношеским движением, В. И. Ленин указывал, что важнейшим принципом партийного руководства революционными организациями молодежи является *их организационная самостоятельность*, «ибо без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*»³¹. Но организациям ее надо оказывать повседневную всестороннюю помощь, нельзя командовать, надо убеждать молодежь, терпеливо относиться к ее ошибкам, поправлять товарищеской критикой³².

Ленинские организационные принципы руководства юношеским движением имели огромное значение. «Письмо Ленина, — подчеркивала Е. Д. Стасова, — указывало нам верный путь партийного строительства, значительного роста кадров партии за счет интеллигентной молодежи»³³.

Вскоре после получения «Письма к товарищу о наших организационных задачах» Петербургский комитет «Союза борьбы» (далее — ПК РСДРП), перешедший летом 1902 г. на позиции «Искры», устанавливает прочные связи с нелегальными студенческими организациями столицы. Вместо беспартийных организационных комитетов, руководивших студенческим движением, ПК РСДРП принял решение создать в каждом высшем учебном заведении студенческие социал-демократические группы. Почва для создания таких групп была подготовлена всей предшествующей работой революционных социал-демократов, всей историей освободительной борьбы, усилившейся политической дифференциацией тогдашнего общества.

Первая социал-демократическая студенческая организация в Петербурге возникла в октябре 1902 г. в Политехническом институте, а к началу 1903 г. — во всех высших учебных заведениях столицы³⁴.

Одной из самых крупных и влиятельных студенческих социал-демократических групп Петербурга была университетская, организационно и идейно оформившаяся в конце января 1903 г.

«Касса взаимопомощи» студентов Петербургского университета, находившаяся под сильным влиянием «экономистов», к этому времени идейно обанкротилась, утратила всякую связь со студенческим движением и осенью 1902 г. фактически прекратила свое существование. Од-

нако возникшая на ее развалинах социал-демократическая группа студентов еще была непоследовательна в своей тактике³⁵.

Только в конце января 1903 г. под влиянием ленинских идей, пропагандируемых газетой «Искра», оформилась марксистская студенческая организация — «Социал-демократическая группа студентов С.-Петербургского университета». Вначале она насчитывала около 20 человек³⁶. Инициаторами создания группы и ее активными членами были студенты университета Н. В. Дорошенко, А. Н. Замятин, Н. Н. Кузьминский, В. Н. Макаров, А. Я. Мухин, А. Н. Новодворский, А. А. Петров, Л. А. Плюснин, А. Н. Славянов, Г. А. Энгель и др.³⁷

В заявлении, отпечатанном 8 февраля 1903 г. за границей, «Социал-демократическая группа студентов С.-Петербургского университета» сформулировала задачи своей деятельности: «Мы будем способствовать возникновению и мощному развитию политических волнений петербургского студенчества... росту революционного сознания и, пользуясь им, направлять это сознание в сторону идей социал-демократии, выработать идеологов пролетариата, деятелей классовой борьбы. Для достижения этой цели мы будем вести широкую пропаганду социал-демократических идей, устраивая студенческие кружки, распространяя социал-демократическую литературу и издавая листовки, целью которых будет знакомство студентов с борьбой пролетариата, и делать для них эту борьбу близкой, понятной и дорогой»³⁸.

В другом документе социал-демократическая организация Петербургского университета определила свою роль в студенческом движении: стремиться подчинить его интересам политической борьбы пролетариата, добиваться понимания радикально настроенной молодежью того, что успех ее борьбы за академические свободы зависит всецело от победы рабочего класса над царизмом³⁹.

Один из руководителей этой группы, Н. В. Дорошенко, большевик, член ПК РСДРП в 1905—1906 гг., в своих воспоминаниях отмечает, что для социал-демократической группы «1902/03 учебный год принес определенное оформление ее как в организационном, так и в теоретическом отношениях. Она стала партийной группой, руководимой местным партийным центром и примкнувшей

к революционному крылу партии, возглавлявшемуся в то время «Искрой»⁴⁰.

Зимой 1903 г. Петербургский комитет РСДРП направил в высшие учебные заведения столицы энергичных работников. Опираясь на студентов социал-демократов, на кружки друзей «Искры», уполномоченные комитета создали (аналогично университетской) социал-демократические группы во всех высших учебных заведениях Петербурга. В марте 1903 г. агент «Искры» секретарь ПК РСДРП Е. Д. Стасова сообщила в редакцию «Искры», что помимо 25 фабрично-заводских социал-демократических групп и кружков в столице созданы 24 студенческие организации, охватывающие все высшие учебные заведения⁴¹.

Наряду с пропагандистской (главным образом печатной) и организаторской работой среди учащейся молодежи социал-демократические группы высших учебных заведений уже в начале своей деятельности выделяли известные силы для выполнения заданий ПК РСДРП.

Кроме Петербурга студенческие социал-демократические группы оформились в 1902—1903 гг. почти во всех университетских городах страны — Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Казани, Томске⁴².

Новый этап в укреплении студенческих социал-демократических групп и организаций, в постановке всей партийной работы среди учащейся молодежи открыли решения II съезда РСДРП. Уже сам факт включения в повестку дня исторического съезда, создавшего революционную марксистскую партию в России, специального вопроса об отношении к движению учащейся молодежи является ярким свидетельством того, какое серьезное значение партия придавала делу революционного воспитания и организации студенческой молодежи.

В резолюции «Об отношении к учащейся молодежи», проект которой был написан В. И. Лениным, II съезд РСДРП отметил оживление революционной самостоятельности среди учащейся молодежи и предложил всем организациям партии оказывать всяческое содействие молодежи в ее стремлении организовать⁴³. Кружкам и группам революционной молодежи съезд рекомендовал «поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания...», «стараться при

переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы»⁴⁴.

При обсуждении предложенного В. И. Лениным проекта резолюции «Об отношении к учащейся молодежи» против выступил Мартов, заявивший, что «совершенно некстати говорить... о «ложных друзьях»... когда идет речь о всех нас — социалистах»⁴⁵.

Мартову, Махову и Троцкому, опиравшимся при голосовании на «мягких искровцев» и «болото», удалось исключить то место из ленинского проекта резолюции, где говорилось о необходимости остерегаться ложных друзей молодежи — эсеров и «освобожденцев», стремившихся отвлечь учащуюся молодежь от серьезного революционного воспитания «филистерскими сетованиями о вреде и ненужности резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями...»⁴⁶.

Тем не менее принятая съездом резолюция сформулировала важнейшие принципы партийного руководства, воспитания и организации революционной учащейся молодежи.

Руководствуясь решениями съезда, местные организации РСДРП развернули интенсивную работу среди учащейся молодежи по вовлечению ее в революционное движение, в ряды партии. Прежде всего местные комитеты РСДРП приступили к созданию (а там, где они были уже созданы, к реорганизации) студенческих партийных групп на принципах строгой централизации и конспирации.

В Петербургском комитете РСДРП работа по укреплению студенческих социал-демократических организаций (в смысле непосредственного их подчинения комитету) была возложена осенью 1903 г. на секретаря комитета⁴⁷. По сведениям департамента полиции, помимо закрепления связей ПК ставил перед собой задачу наладить среди студенчества правильную агитацию и пропаганду⁴⁸.

На основе Устава, принятого на II съезде РСДРП, партийные собрания вырабатывали организационные статуты студенческих социал-демократических групп. Так, на общем собрании членов университетской социал-

демократической организации, состоявшемся в сентябре 1903 г., был принят следующий устав группы:

«1. Все члены социал-демократической группы являются членами РСДРП.

2. Студенческая организация РСДРП оказывает непосредственное влияние на демократическое студенчество, стремясь к широкому распространению среди него идей революционной социал-демократии.

3. На членов социал-демократической группы возлагается устная пропаганда и агитация среди рабочих и интеллигентов, а также воспроизведение и распространение нелегальной социал-демократической литературы.

4. Все члены группы обязаны по первому требованию оказывать помощь местному комитету РСДРП и исполнять все поручения комитета, возлагаемые на группу.

5. Во главе студенческой [социал]-демократической организации университета стоит конспиративная группа из 15 человек — основателей группы, а из остальных вступающих в РСДРП должна создаваться подгруппа, которая в свою очередь разделяется на кружки по 8—10 человек в каждом.

6. Руководит всей деятельностью группы и держит связь с ПК РСДРП ответственный организатор группы»⁴⁹

Большое место в работе студенческих социал-демократических групп занимала устная и печатная пропаганда и агитация, издание листовок и прокламаций и распространение их среди учащейся молодежи. Только одна университетская организация за 1903 г. издала и распространила 15 различных прокламаций и листовок, посвященных важнейшим событиям общественной жизни высшей школы и страны⁵⁰.

Постоянную связь университетская социал-демократическая группа поддерживала с ПК РСДРП, представители которого нередко присутствовали на ее собраниях. С помощью ПК университетская группа получала нелегальную литературу из-за границы, в частности «Искру», изучала протоколы II съезда РСДРП⁵¹. Активным корреспондентом «Искры» был руководитель университетской группы Н. В. Дорошенко, который во время заграничной поездки познакомился с В. И. Лениным⁵².

К маю 1904 г. работа по реорганизации студенческих

социал-демократических групп Петербурга в основном закончилась. 14 социал-демократических групп в высших учебных заведениях столицы вошли в состав общегородской «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга»⁵³.

Она действовала на правах районной организации городского комитета, во главе ее стоял назначенный ПК РСДРП ответственный организатор.

Задачи «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» были сформулированы в ее уставе, утвержденном осенью 1904 г. на собрании ответственных организаторов учебных заведений: «Подготовка сознательных работников партии, доставление ей материальных средств и поддержка студенческого движения». Первая цель, говорилось в уставе, достигается организацией и деятельностью кружков двух типов — высшего и низшего⁵⁴.

Аналогично петербургской в 1904 г. усилиями МК РСДРП была создана «Социал-демократическая организация московских высших учебных заведений»⁵⁵.

Организаторская и воспитательная работа членов партии среди учащихся оказывала благотворное влияние на рост политической активности студенчества. Социал-демократические организации высшей школы пользовались большим авторитетом. Их революционная энергия, преданность идеалам освободительной борьбы вызывали глубокие симпатии в среде демократического студенчества. Об этом свидетельствует вступление учащейся молодежи в ряды РСДРП.

Только в «Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга» к концу 1904 г. насчитывалось свыше 100 членов партии и более 500 студентов состояли в социал-демократических кружках * 14 высших учебных заведений⁵⁶. А за несколько месяцев революции партийные ряды социал-демократического студенчества увеличились втрое-четверо, а то и более. Самыми крупными социал-демократическими студенческими организациями в Петербурге накануне революции были университетская, курсов профессора Лесгафта, Женского медицинского и Политехнического институтов⁵⁷.

* Кружковцы изучали Программу и Устав РСДРП, марксистскую литературу, готовились стать активными членами РСДРП.

Влияние идей научного социализма, революционной политики пролетарской партии на передовое студенчество России усиливалось по мере приближения решающих битв против самодержавия.

Нараставший с каждым годом подъем революционного движения в стране требовал от пролетарской партии усиления организаторской и политической деятельности среди широких трудящихся масс. Активным и надежным помощником партии были студенческие социал-демократические организации.

О работе революционного студенчества в пропагандистских и технических группах местных организаций РСДРП имеются многочисленные свидетельства. Так, в докладе Петербургского комитета РСДРП III съезду партии говорится: «Летом работа сильно сузилась. Объясняется это обычное для Петербурга явление тем, что Петербург является средоточием студенчества (около 20 000), и зимой принимает участие в движении в качестве пропагандистов, агитаторов и др., а также дает квартиры, адреса и пр. главным образом студенчество. Летом студенты разъезжаются и тогда чувствуется всегда сильный недостаток в людях, квартирах и т. п.»⁵⁸⁻⁵⁹.

Студенты социал-демократы, наиболее подготовленные в теоретическом и политическом отношении, вели пропаганду и агитацию в рабочих кружках на Выборгской стороне, за Невской и Нарвской заставами⁶⁰.

Студенты с большим желанием шли в рабочие кружки. Правда, часто им недоставало опыта пропагандистской работы, знания условий жизни и быта рабочих, их психологии. В таких случаях занятия в кружках плохо клеились: чувствовалась неудовлетворенность как у лектора, так и у слушателей. Молодым пропагандистам приходилось на ходу доучиваться самим, глубже вникать в процессы классовой борьбы в стране, чаще общаться с рабочими. Общение студентов с рабочими оказывало благотворное влияние на идейно-политическую закалку и самих пропагандистов.

История нашей партии знает имена многих превосходных пропагандистов, начавших свою благородную деятельность в рабочих кружках еще в студенческие годы. Достаточно назвать имена таких соратников В. И. Ленина, как В. В. Адоратский, М. А. Азизбеков, Н. Э. Бауман,

Н. Н. Батурин, А. С. Бубнов, В. А. Быстрянский, М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, С. И. Гусев, П. К. Запорожец, М. С. Кедров, П. А. Красиков, Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, Б. М. Кнунянц, В. В. Куйбышев, Д. И. Курский, Н. В. Крыленко, С. Г. Лазо, Д. З. Мануильский, Ф. И. Махарадзе, С. И. Мицкевич, А. Ф. Мясников, Г. И. Окулова, Ф. Н. Петров, Н. И. Подвойский, Б. П. Позерн, В. П. Потемкин, В. А. Радус-Зенькович, И. И. и С. И. Радченко, К. Н. Самойлова, Н. А. Семашко, Ф. А. Сергеев (Артем), С. С. Спандарян, Е. Д. Стасова, Д. И. Ульянов, М. В. Фрунзе, А. Г. Цулукидзе, С. Г. Шаумян, Ш. Элиава, А. М. Эссен, и многих других, чтобы представить, какой замечательный отряд марксистских пропагандистов вышел из студенческой среды.

В просмотренных нами списках лиц, обысканных и арестованных царской охранкой за социал-демократическую пропаганду среди рабочих столицы только за период с октября 1903 по февраль 1904 г., значатся фамилии десятков студентов⁶¹.

Немало пропагандистов в рабочие кварталы направлялось в те годы из общежитий Технологического, Лесного институтов, университета. Приведем лишь одно свидетельство охранки о работе студентов-пропагандистов в столице: «Наблюдением за деятельностью групп, занимающихся революционной пропагандой в С.-Петербурге, — говорится в записке от 6 февраля 1901 г. товарища министра внутренних дел министру просвещения, — установлено участие в пропаганде среди рабочих студентов Технологического института З. Фрида, А. Гамса, В. Черданцева, К. Рериха, В. Клода, Б. и В. Смирновых и студента университета Л. Клейнборта... Произведенными у них обысками обнаружены революционные издания заграничного и местного изготовления»⁶².

В группу пропагандистов при ПК РСДРП в 1903—1904 гг. входили студенты и курсистки: А. А. Горев, О. М. Генкина, Н. В. Дорошенко, А. Кучеровский, А. П. Куликов, В. Н. Макаров, И. М. Малышев, А. Н. Татарчуков, Н. Н. Соколов, А. С. Сухов, И. Ф. Хмелевцев, А. М. и Э. Э. Эссен и др.⁶³

В условиях нелегальной деятельности необходима была организация четкой, бесперебойной работы технических групп местных и центральных органов партии.

От работы этих групп, подчеркивал Ленин, в решающей мере зависит успех всей деятельности партии⁶⁴.

Работа в технических группах партии требовала знаний и опыта, мужества и находчивости, хладнокровия, тщательной конспирации.

Задача состояла в том, чтобы, несмотря на довольно частые «ликвидации» царской охранкой «партийной техники», налаживать бесперебойный выпуск прокламаций и другой литературы, хранить, перевозить и распространять ее среди рабочих и других слоев населения.

Весьма трудным делом для «техников» было оборудование подпольных типографий. В условиях нелегальной деятельности партии приобрести материалы и оборудовать мимеограф или гектограф, подыскать подходящее помещение было нелегко.

Большую помощь Петербургскому комитету РСДРП в издании листовок оказали революционные студенческие организации в 1902—1903 гг., когда у петербургских искровцев еще не было своего множительного станка. В одной из еженедельных записок царю (январь 1903 г.) говорилось, что «Делегатское собрание» студенческих землячеств и организаций выделило в особую группу печатников студентов. Еще осенью 1902 г. оно установило контакт «с революционными группами «Искры» и «Союза борьбы» с целью устройства общей подпольной типографии». По этому делу было обыскано и арестовано 17 студентов и курсисток петербургских высших заведений⁶⁵.

Организаторами «технической группы» при ПК РСДРП в 1903—1904 гг. были студенты-большевики З. Н. Шишкин и А. М. Эссен. Зимой 1903—1904 гг. секретарь ПК РСДРП Е. Д. Стасова совместно с З. Н. Шишкиным раздобыли печатный станок «американку» и устроили нелегальную типографию в Петербурге. Эта типография, однако, просуществовала недолго: в ночь на 8 февраля она была ликвидирована охранкой.

Весной 1903 г. усилиями технической группы при ПК РСДРП были оборудованы две нелегальные типографии. Одна из них помещалась в Апраксином переулке, в доме № 7, в квартире студента Горного института В. Штеймана. При обыске типографии в квартире жандармы обнаружили 40 тысяч экземпляров прокламаций (перво-

майских) издания ПК РСДРП и Оргкомитета «Искры»⁶⁶.

В числе арестованных 24 марта и 14 апреля 1903 г. по делу о двух подпольных типографиях ПК РСДРП были: Баранова, Денисова, Косач, Соболева (Медицинский институт), сестры Дмитриевы и Ревенко (курсы профессора Лесгафта), А. П. Дюбуа, В. Н. Макаров, С. В. Ососков, А. Е. Ельницкий и Н. И. Хохлов (университет), М. П. Дулбин (Технологический институт), В. Штейман (Горный институт)⁶⁷.

В марте 1903 г. при разгроме полицией запасной типографии ПК РСДРП, находившейся в общежитии Лесного института, были обнаружены гектограф и три мимеографа, принадлежавшие комитету.

Из 22 лиц, арестованных в ноябре 1903 г. охранкой по делу технической группы ПК РСДРП, 9 оказались студентами разных вузов и слушательницами женских курсов⁶⁸.

Об активном участии студентов и курсисток в работе технической группы ПК РСДРП свидетельствуют и другие полицейские документы. Так, в рапорте прокурора петербургской судебной палаты министру юстиции от 15 марта 1904 г. сообщается о привлечении к суду 30 человек по делу о «Санкт-Петербургском комитете РСДРП». В числе арестованных названы студенты и курсистки: И. И. Говоров (Путейский), В. В. Цивилев (Технологический), О. М. Генкина (ЖМИ), Е. М. Суровцева, Н. И. Ярославцева (ВЖК) и др. А при очередной «ликвидации» работников, принадлежащих к технической группе ПК РСДРП, 9 апреля 1904 г., из 39 арестованных 35 значатся в списке как студенты и слушательницы учебных заведений столицы⁶⁹.

Велика помощь студентов социал-демократов в хранении и доставке нелегальной партийной литературы.

«Склады (нелегальной литературы. — П. Г.) были в разных частях города, — вспоминает Е. Д. Стасова, — были они и у курсисток Рождественских курсов (фельдшерниц) на Песках, и на Надеждинских курсах акушеров, и у путейцев в их институте, и в Военно-медицинской академии, и в Академии художеств, и в квартирах знакомых»⁷⁰.

В течение 1903—1904 гг. непосредственное участие в этой работе принимали слушательницы Женского меди-

цинского института Л. Н. Бархатова и О. М. Генкина. Ольга Михайловна Генкина*, отважная революционерка-большевичка, обладавшая незаурядным организаторским талантом, долгое время заведовала хранением и распространением отпечатанной в типографиях ПК РСДРП литературы. В квартире ее родственника, где проживала О. М. Генкина, был самый большой склад литературы столичной организации большевиков⁷¹.

В 1902—1903 гг. в перевозке нелегальной литературы, в частности «Искры», через имение Кириасалы, находившееся на границе с Финляндией, а затем переправке ее в Петербург активного участие принимали студенты Лесного, Технологического, Медицинского и других институтов, работавшие в группе «партийной техники» при ПК РСДРП⁷².

Революционное студенчество столичных учебных заведений по указанию Петербургского комитета РСДРП выписывало социал-демократическую литературу из-за границы через издательскую контору «Надежда»⁷³. Получаемую из-за границы «Искру» часто приходилось по почте пересылать в другие города. С этой работой неплохо справлялась искровская студенческая группа Петербургского электротехнического института во главе с Евгением Тарасовым⁷⁴.

Революционная работа партии требовала немалых денежных средств. Местные комитеты РСДРП были всегда озабочены организацией «финансовых мероприятий», устройством с «благотворительной целью» концертов и балов в учебных заведениях, организацией сборов, пожертвований, устройством лотерей и т. д.

В работе финансовой комиссии ПК РСДРП в 1904 г. принимали участие студенты столицы: П. С. Араратов и З. Н. Шишкин (университет), Богданов (Горный институт), Подановский (Технологический институт) и др.⁷⁵

Революционные организации учащейся молодежи добрую половину денег, вырученных под флагом благотворительных концертов и вечеров в пользу нуждающихся студентов, сдавали в партийную кассу. Местные комитеты РСДРП получали значительную часть средств из касс

* В дни революции О. М. Генкина по заданию Нижегородского комитета РСДРП выехала в Иваново-Вознесенск с транспортом оружия для рабочих дружин, но 16 ноября 1905 г. была схвачена жандармами на станции Иваново и убита черносотенцами.

землячеств, из доходов столовых и библиотечных комиссий. С их помощью ПК РСДРП проводил сборы пожертвований в кассу Красного Креста и просто «на революционную работу». Подписные листы с такой надписью циркулировали не только среди учащейся молодежи, но и прогрессивной интеллигенции. Так, только за осень 1904 г. столичный комитет РСДРП получил свыше 3 тысяч рублей от различного рода сборов, организованных «Объединенной социал-демократической организацией студентов С.-Петербурга»⁷⁶.

Студенческие социал-демократические группы организовывали сборы средств среди учащихся также и в фонд помощи бастующим рабочим. Сбор по подписным листам «в пользу стачечников» в некоторых учебных заведениях давал сотни рублей.

Неоценима помощь студенческих партийных групп в организации явочных квартир, заготовке «чистых» и «солидных» паспортов. Для партийных явок, пишет Е. Д. Стасова, «пользовались мы и студенческими столовыми (университета, Технологического института) и общежитиями (Женского медицинского института)»⁷⁷.

Сказанное выше об участии революционного студенчества столицы в пропагандистской работе и группах «партийной техники» в той или иной степени относится ко всем социал-демократическим организациям других учебных заведений страны⁷⁸.

О большой помощи редакции ленинской «Искры» в транспортировке газеты в Россию, в сборе средств и о других услугах со стороны молодежи, обучавшейся в университетах Германии и Швейцарии, рассказывается в воспоминаниях агента «Искры» М. Н. Лядова⁷⁹, в работе В. Н. Степанова⁸⁰.

Созданные по инициативе В. И. Ленина и «Лиги русской революционной социал-демократии» группы содействия РСДРП, состоявшие из студентов и политических эмигрантов, «собирали средства для партии и оказывали ей те или иные услуги по перевозке литературы, по поиску адресов и т. п.»⁸¹.

Приведенные выше далеко не полные данные участия революционного студенчества в пропагандистской работе и деятельности технической группы Петербургского комитета свидетельствуют об активном и разностороннем

участии молодежи в жизни столичной организации РСДРП. Десятки, сотни энтузиастов, постоянно рискуя «провалиться» и угодить в тюрьму или ссылку, самоотверженно выполняли, казалось бы, скромную, но чрезвычайно нужную и важную работу, обеспечивавшую плодотворную деятельность нашей партии.

Многогранная деятельность В. И. Ленина, редакции «Искра», искровцев по революционному воспитанию и организации радикально настроенного студенчества помогли лучшей части молодежи найти свое место под знаменем пролетарской партии в борьбе против самодержавия.

В ногу с авангардом революции. Студенческое движение в 1903—1904 гг.

Неуклонный рост революционного движения пролетариата способствовал втягиванию радикально настроенного студенчества в открытую борьбу с царским самодержавием. В течение только 1903 г. в стране произошли крупнейшие политические выступления рабочего класса: всеобщая стачка пролетариев Ростова-на-Дону, первомайские стачки и демонстрации рабочих Баку, Батуми, Сормова; всеобщая стачка рабочих городов юга России летом 1903 г., положившая начало переходу от местной, разрозненной борьбы к борьбе в общероссийском масштабе: «Чувствуется, что мы накануне баррикад...»¹ — так определял В. И. Ленин политическую атмосферу тех лет.

Демократическое студенчество чутко реагировало на развитие революционного кризиса в стране, стремилось своими выступлениями приблизить его развязку. Несмотря на то что учебный процесс в высшей школе страны в 1903—1904 гг. редко прекращался из-за студенческих беспорядков, стрелка политического барометра все чаще приближалась к отметке «буря».

В эти годы в среде революционного и демократического студенчества происходила критическая оценка роли и места классов и политических партий в грядущей революции. Развитие событий в стране показывало, что в авангарде революционной борьбы идет российский пролетариат. Студенты, выражавшие интересы растущего класса буржуазии, признавая этот непреложный факт,

думали над тем, как лучше использовать борьбу пролетариата в интересах либеральной буржуазии, стремившейся к политической власти. Другая часть студенчества — члены РСДРП и те, кто разделял тактические лозунги нашей партии, готовы были оказать борьбе рабочего класса максимальную помощь, отдать свои знания его политическому просвещению и организации.

Мысль о необходимости всеми силами и средствами содействовать освободительной миссии российского пролетариата, подчинить студенческое движение решению демократических задач борьбы рабочего класса ясно прослеживается в большинстве прокламаций, издававшихся еще в 1903 г. социал-демократическими студенческими организациями, и резолюций сходок, созывавшихся по их инициативе².

В этот период инициатива антиправительственных выступлений радикального студенчества почти полностью переходит в руки социал-демократических организаций. Авангардная роль их особенно хорошо видна на примере организации политической сходки-митинга столичного студенчества 18 марта 1903 г. и уличных демонстраций весной 1903 г. и осенью 1904 г.

Накануне четвертой годовщины со дня начала все-русской студенческой забастовки ПК РСДРП обратился с «Открытым письмом к студенчеству», получившим одобрение редакции «Искры». Констатируя «заминку», известный спад активности учащейся молодежи в общественной жизни, ее растерянность и уныние, ПК РСДРП в этом письме делает обстоятельный анализ причин этого явления: «Они вытекают из отсутствия стройного революционного миропонимания...»³

Петербургские искровцы, предостерегая учащуюся молодежь от увлечения разного рода идеалистическими и метафизическими теориями, призывали студенчество изучать марксизм в первоисточниках, готовить себя к практической деятельности на ниве освободительной борьбы пролетариата, устанавливать прочные связи с местными социал-демократическими организациями⁴.

Это письмо было зачитано и обсуждено 8 февраля на сходке в присутствии около 2500 студентов Петербургского университета, а также представителей других высших учебных заведений⁵. В постановлении этой сходки говорилось: «Приветствуя призыв социал-демократиче-

ского комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста, в той форме, в какой к этому призывают авторитетные организации*, и приглашает учащихся в высших учебных заведениях собраться на следующей неделе на сходки для обсуждения мер протеста против арестов товарищей, расправы с донцами и рабочими Штиглицкой** фабрики»⁶.

Революционная пропаганда искровцев доходила до сердец и умов юношей. Так, на двух вечеринках студентов Политехнического и Технологического институтов, состоявшихся 11 и 15 февраля в помещении Дворянского собрания, произносились речи «противоправительственного содержания», разбрасывались прокламации⁷.

В среде московского студенчества местный комитет РСДРП «вел агитацию за устройство студенческих беспорядков — уличной демонстрации 9 февраля — в годовщину прошлогодних беспорядков». Но после обсуждения вопроса демонстрация была перенесена на 19 февраля, «ввиду чего агитаторы занялись усиленной пропагандой с целью устройства демонстрации с рабочими». Однако полиция, арестовав 31 человека — «подготовителей демонстрации», сорвала уличное выступление молодежи⁸.

18 февраля 1903 г. в Томске по инициативе и под руководством «Сибирской группы революционной социал-демократии» в 42-ю годовщину «освобождения» крестьян состоялась политическая демонстрация. Свыше 500 демонстрантов — студентов, рабочих и других жителей города с красными знаменами и пением революционных песен прошли по Садовой и Почтамтской улицам. Среди демонстрантов раздавались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует рабочее движение!». В резуль-

* Редакция «Искры», публикуя эту резолюцию (в № 35), в примечании указывает, что под «авторитетными организациями» имеется в виду РСДРП и ее боевая организация.

** Имеется в виду суд над участниками ростовской стачки ноября 1902 г. и избитие полицией и солдатами забастовщиков — рабочих фабрики Штиглица в Петербурге в январе 1903 г.

тате стычки демонстрантов с конной полицией и лабазниками, которые действовали под прикрытием двух рот солдат, 18 человек было ранено, 70 арестовано⁹.

После демонстрации по городу распространялись листовки: «Братцы», «Из-за чего студенты бастуют», «К лишенным права», «Мы страдаем за твое право, рабочий народ...»¹⁰

20 февраля с утра начались студенческие сходки в университете и Технологическом институте, на которых обсуждался один вопрос: в какой форме протестовать против избиения демонстрантов 18 февраля? Было принято единодушно предложение студентов социал-демократов: немедленно организовать демонстрацию. После сходки объединенная колонна студентов университета и Технологического института (всего около 700 человек) направилась по Садовой улице к Соборной площади. Собравшийся на площади народ двинулся навстречу студентам; толпа демонстрантов выросла до 2—3 тысяч¹¹. «Взвился принесенный рабочими красный флаг с надписью: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!»»

Вслед за студентами Томска в борьбу вступили слушатели Екатеринославского высшего горного училища и снова студенты университета столицы.

Студенты Екатеринославского высшего горного училища готовили в начале марта совместную с рабочими уличную демонстрацию. Арест охранкой организаторов демонстрации лишь ускорил выступление студентов, забастовщики потребовали гласного суда над арестованными¹².

Значительным событием в общественной жизни столицы явилось решение сходки студентов Петербургского университета 18 марта. В этот день по инициативе социал-демократической группы в столовой университета состоялась политическая сходка, на которую пришло более 500 студентов. Созыв этой сходки не был вызван мотивами академической жизни. Сходка явилась ответом на репрессии правительства в отношении рабочих-стачечников и демонстрантов. Впервые в истории высшей школы России собралась студенческая сходка, посвященная обсуждению форм протеста против полицейских репрессий правительства в отношении рабочего класса. Событие знаменательное, свидетельствовавшее о росте политиче-

ской сознательности демократического студенчества столицы.

Выступавшие на сходке ораторы — представители университетской социал-демократической группы — Н. В. Аполлонов, Н. В. Дорошенко, В. А. Энгель, А. Я. Каплан рассказали собравшимся о расправе царских властей с демонстрантами в Томске, Тифлисе, Двинске, Баку, Ростове и других городах, о расстреле рабочих только за то, что они «посмели» просить губернатора отменить новые условия о найме и освободить арестованных товарищей-уполномоченных. В Златоусте были убиты и тяжело ранены десятки рабочих.

В резолюции, принятой 496 голосами против 6, собравшиеся выразили «свою полную солидарность и искреннее сочувствие товарищам демонстрантам, заявившим свой протест против существующего строя в многочисленных демонстрациях этого года».

В заключительной части резолюции говорилось: «Уполномочиваем авторитетные организации, собравшие настоящую сходку, созвать в недалеком будущем по соглашению с организациями других высших учебных заведений общенародный митинг, на котором выработаем формы и план предстоящей борьбы»¹³.

Решение сходки 18 марта 1903 г. собрать явочным порядком общенародный митинг в стенах «императорского университета» для выработки плана предстоящей борьбы с царским режимом свидетельствует о готовности демократического студенчества оказать решительную поддержку революционной борьбе пролетариата.

Чтобы не допустить осуществления этого решения, царское правительство распорядилось закрыть «на неопределенный срок» университет, а через несколько дней были закрыты Женский медицинский институт и Бесугубевские курсы, в которых наблюдалось сильное возбуждение слушательниц.

В письме из Петербурга в редакцию «Искры» ее агент «Гуца» (псевдоним Е. Д. Стасовой) сообщал, что после сходки 18 марта заметно оживилось студенческое движение в Петербурге¹⁴.

Решение сходки студентов Петербургского университета 18 марта нашло отклик в среде московского, казанского и киевского студенчества.

Студенческая революционная организация «Молодая

Россия» по согласованию с другими нелегальными организациями учащейся молодежи Москвы назначила на 28 марта 1903 г. политическую демонстрацию на Красной площади. В выпущенной по этому поводу прокламации был приведен текст резолюции студентов Петербургского университета и предлагалось «высказать свое отношение к этим постановлениям товарищей», устроить демонстрацию с красным знаменем и пением революционных песен у Кремля¹⁵.

Попечитель Казанского учебного округа в своем доносении министру просвещения от 31 марта с тревогой отмечал опасность надвигавшихся «беспорядков чисто политического характера» среди казанского студенчества в «связи с волнениями молодежи в столице, Томске и рабочих Златоуста»¹⁶.

26 марта в Киевском университете состоялась многотысячная студенческая сходка (около 1200 человек), которая (как доносили агенты охранки) приняла характер политического собрания. Председательствующий студент В. Афанасьев изложил программу сходки, подчеркнув, что для студентов важно выяснить свое отношение к революционному движению в стране, и призвал «принять активное участие в противоправительственном движении». После выступления еще пяти ораторов-студентов сходка единодушно приняла резолюцию: «Студенчество считает себя неразрывно связанным с революционным движением, выражает протест существующему монархическому строю, требует созыва Земского собора и выражает негодование по поводу манифеста * 26 февраля»¹⁷. Эта резолюция была встречена криками восторга, было решено отпечатать и распространить ее отдельной листовкой.

Свидетельством благотворного влияния пролетарской борьбы на революционно настроенное студенчество служит и воззвание оргкомитета Екатеринославского горного училища с призывом участвовать в майских демонстрациях рабочих, активное участие киевских и петербургских студентов в первомайских демонстрациях рабочих в 1903 г.¹⁸

* В манифесте от 26 февраля 1903 г. царь сетовал на «смуту», которая охватила трудящиеся массы и студенчество, и призывал народ к «рассудку» и покорности.

Яркую антиправительственную демонстрацию организовали в день 100-летнего юбилея (2 мая 1903 г.) студенты Лесного института. За несколько дней до юбилея по инициативе социал-демократической организации была проведена сходка студентов института. Группа студентов социал-демократов предложила организовать демонстрацию протеста во время торжественного акта, в момент, когда будет читаться царский указ. Когда на трибуну поднялся министр земледелия и государственного имущества Ермолов и объявил «величайшую монаршую милость» — разрешение царя именовать впредь Лесной институт «императорским», в ответ в зале раздались оглушительный свист и шум. Вместо гимна «Боже царя храни» студенты запели «Марсельезу» и демонстративно покинули юбилейный вечер¹⁹.

Стремление революционно-демократического крыла учащейся молодежи заручиться поддержкой рабочего класса нашло отражение в прокламациях и решениях студенческих организаций. Так, в резолюции «Делегатского собрания представителей студенческих организаций Петербурга» от 25 марта 1903 г. говорилось: «Все сознательное студенчество должно в настоящее время участвовать в непосредственной революционной борьбе против существующего политического и социального строя, причем борьба эта особенно продуктивна в том случае, если студенчество опирается на наиболее революционный класс — пролетариат»²⁰.

Осенью 1903 г. Петербургский, Киевский и другие местные комитеты РСДРП, исходя из решений II съезда партии, устанавливали постоянные связи со студенческими социал-демократическими группами и другими руководящими организациями учащейся молодежи.

В листовке «Ко всем учащимся города Киева» местный комитет РСДРП, подводя итоги закончившейся всеобщей стачки рабочих юга России, разъяснял студенчеству опасность увлечения «геройскими подвигами» террористов-эсеров, вред террора, отвлекающего и распыляющего силы революционеров, и призывал молодежь: «Идите же навстречу растущему сознанию пролетариата! Несите ему свои знания и силы; всякий ваш спрос на работу в рядах революционного пролетариата будет удовлетворен комитетом»²¹.

Под влиянием грандиозной политической стачки ра-

бочих, охватившей города юга России, выступления демократического студенчества осенью 1903 г. носили ярко выраженный политический характер. Студенческие сходки состоялись в Московском, Киевском, Одесском, Казанском, Томском университетах и ряде институтов страны²². Е. Д. Стасова в письме от 2 ноября 1903 г. в редакцию «Искры» подчеркивала: «Стачка на юге произвела очень сильное впечатление на интеллигенцию и молодежь и сильно подняла престиж социал-демократов. О ней говорят с изумлением и восторгом... Спрос на И. (Искру. — П. Г.) и среди молодежи и среди интеллигенции колоссальный...»²³

О росте социал-демократического влияния на углубление студенческого демократического движения свидетельствуют сохранившиеся документы. В частности, в кратком «Очерке деятельности Петербургского комитета РСДРП» (сентябрь—октябрь 1903 г.), автора которого трудно упрекнуть в преувеличении, говорится: «ПК РСДРП завязал связи с Д. С. («Делегатским собранием представителей студенческих организаций». — П. Г.) и, послав туда своего представителя, пытался повлиять на состав делегатов в том смысле, чтобы в Д. С. попало возможно большее число социал-демократов-искровцев. Это ему удалось. Через этих делегатов ПК привил организованному студенчеству убеждение в превалирующем значении революционного движения пролетариата, о необходимости соединения всех революционных сил и активной работы их под руководством революционных партий»²⁴.

Организаторскую и агитационную работу среди учащейся молодежи большевики заметно усилили в период русско-японской войны.

Уже тогда большевики выступили с лозунгом поражения царского правительства в войне. «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм, — указывал В. И. Ленин, — очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»²⁵.

В соответствии с этой ленинской установкой местные большевистские организации РСДРП развернули революционную агитацию и пропаганду среди рабочих, крестьян, солдат, демократической интеллигенции и студенчества. Большевики срывали маску «патриотизма» с русской буржуазии и помещиков, разоблачали преступную

военную авантюру царского правительства на Дальнем Востоке.

Среди учащейся молодежи распространялись тысячи экземпляров антивоенных листовок, издаваемых местными комитетами РСДРП и студенческими организациями.

О размахе антивоенной агитации среди учащейся молодежи можно судить, например, по деятельности социал-демократической группы Петербургского университета. Только за три первых месяца 1904 г. она издала пять листовок, разъяснявших тактику партии по вопросам войны, разоблачавших «квасной патриотизм» студентов-«белоподкладочников»²⁶.

В докладных записках ректоров (директоров) учебных заведений, попечителей учебных округов уже в начале 1904 г. встречаются многочисленные упоминания об обнаруженных в аудиториях и кабинетах антивоенных листовках, выпускаемых местными комитетами РСДРП и революционными студенческими организациями²⁷.

В обстановке раздуваемого царизмом шовинистического угара требовались большая смелость и мужество, чтобы проводить антивоенную агитацию, организовывать собрания протеста. Смелую инициативу и находчивость в те дни смятения и замешательства проявила социал-демократическая организация Петербургского университета. Она воспользовалась решением III общероссийского съезда о коалиционных советах как организационной форме объединения борющихся демократических сил и провела работу по созданию Коалиционного совета в университете. В начале февраля 1904 г. такой совет был создан²⁸. В него вошли представители от следующих демократических студенческих организаций (в порядке перечисления их в открытом заявлении Коалиционного совета): социал-демократической, социалистов-революционеров, «Партизаны борьбы», «Группа студентов А»²⁹. Своей ближайшей задачей Коалиционный совет, возглавляемый социал-демократами, ставил организацию антиправительственных политических сходок.

Уже в первые дни войны в аудиториях и залах высших учебных заведений страны началась кампания студенческих сходок и митингов, посвященных вопросу об отношении к войне. Дискуссия по вопросам войны велась

и на публичных лекциях, и в студенческих кружках. Она велась горячо и страстно, устным и печатным словом.

Социал-демократические организации были в те дни впереди всех демократических организаций студенчества в постановке, расширении и углублении антивоенной, антиправительственной агитации. Резолюции с выражением протеста самодержавному правительству, презрения «патриотам» были приняты на студенческих сходках в Горном, Лесном институтах, на Бестужевских курсах, в Харьковском ветеринарном институте, Новороссийском (Одесском) университете и других учебных заведениях страны³⁰. Студенты Новороссийского университета назначили на 20 февраля сходку протеста. «Цель сходки, — говорилось в прокламации, — заявить, что студенчество будет бороться с современным правительством, пока оно не будет свергнуто». В ответ на разгон сходки студенты объявили забастовку, охватившую почти все факультеты и курсы института³¹.

Бурные споры по вопросам войны, заканчивавшиеся иногда «рукопашными боями», происходили в феврале 1904 г. в аудиториях и коридорах Московского и Киевского университетов³².

Студенты-большевики разоблачали попытки либералов изобразить войну как «общенародное дело». Когда один из столпов либеральной буржуазии, П. Б. Струве, через журнал «Освобождение» обратился к студенчеству России с призывом «не спорить, а дружно работать во имя общенародного дела», то социал-демократическая организация Петербургского университета дала ему достойную отповедь: «Война вовсе не представляет собой того «общенародного дела», о котором Вы мечтаете... Война ведется самодержавным правительством и буржуазией»³³.

Молодежь решительно выступала против захватнической войны, уносившей ежедневно тысячи человеческих жизней во имя барышей капиталистов и купцов, и против тех, кто поддерживал эту войну.

За антивоенную агитацию и организацию демонстраций только в феврале 1904 г. были исключены десятки студентов Московского, Юрьевского и других университетов страны, в их числе много социал-демократов³⁴.

Когда 1 февраля в петербургских газетах был опубликован текст адреса царю с выражением «верноподдан-

нических чувств» от Совета профессоров Бестужевских курсов с добавлением, что «все слушательницы воодушевлены теми же чувствами», то на второй день сходка курсисток единодушно (1066 голосами) заявила решительный протест и порицание профессорской коллегии, которая «оказала неуважение к элементарным правам личности, включив имя курсисток в адрес царю, не имея на то полномочий»³⁵. Конфликт слушательниц с профессорами закончился в апреле 1904 г. исключением 269 курсисток³⁶.

Открытые антиправительственные выступления радикально настроенного студенчества особенно усилились осенью 1904 г., когда обнажилась вся преступность дальневосточной авантюры правительства.

В связи с назначением князя Святополк-Мирского министром внутренних дел правительство провозгласило эпоху «доверия зрелым общественным силам» (либеральной буржуазии). Либералы бурно приветствовали «политическую весну» Святополк-Мирского и за бутылкой шампанского заговорили о конституции, «дарованной с высоты монаршего престола».

Осень 1904 г. ознаменовалась серией политических банкетов и земских съездов. Шумная «земская кампания» вскружила голову меньшевикам, и они поспешили выступить на помощь либералам. Меньшевики объявили уличные демонстрации рабочих и революционной молодежи «низшим типом», а выступления ораторов от имени рабочих на банкетах, организуемых либералами, «высшим типом» мобилизации сил на борьбу против самодержавия.

К чести революционного студенчества России следует сказать, что оно не поддержало политическую кампанию ни либералов, ни меньшевиков. «Когда осенью 1904 г., — отмечала редакция газеты «Вперед», — самодержавие стало заигрывать с либеральными элементами и начала развиваться демократическая оппозиция буржуазной интеллигенции, студенчество одним из первых потребовало прекращения войны и созыва Учредительного собрания»³⁷.

В сентябре 1904 г. в ряде высших учебных заведений страны развернулась агитация за забастовку и вынесение на улицы протеста против внутренней и внешней политики царизма. В Одесском, Казанском и Харьковском университетах, в Харьковском ветеринарном инсти-

туте большинством голосов, присутствовавших на сходках, были приняты резолюции о забастовке в поддержку политических требований вплоть до созыва Учредительного собрания³⁸.

Демократическое студенчество Казанского университета превратило торжественный акт по случаю 100-летнего юбилея в политический митинг, на котором ораторы — студент Кольцов и Трдатянц — произносили революционные речи, а некоторые из присутствовавших кричали: «Долой самодержавие!» По окончании юбилейного акта студенты вышли на улицу и организовали демонстрацию, неся красный флаг с надписью: «Долой самодержавие!»³⁹

15 октября на Ярославском вокзале состоялась антивоенная демонстрация учащейся молодежи Москвы в связи с проводами на фронт товарищей. После кратких речей и скандирования лозунгов «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!» между студентами и полицией произошла стычка, закончившаяся избиением и арестом демонстрантов⁴⁰.

Большую работу среди учащейся молодежи провели осенью 1904 г. большевики столицы. По инициативе «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга», работавшей под руководством местного комитета РСДРП, во всех высших учебных заведениях столицы прошли политические сходки, сыгравшие важную роль в подготовке уличной демонстрации, в срыве «земской кампании» меньшевиков⁴¹.

Организаторскую и пропагандистскую работу среди учащейся молодежи столицы вели осенью 1904 г. студенты-большевики: А. М. Аносов, П. С. Араратов, Г. И. Бокий, О. М. Генкина, Н. В. Дорошенко, Н. В. Крыленко, А. А. Нейман, К. С. Жарновецкий, Н. Н. Кузьминский, Д. З. Мануильский, А. И. Заболотский, А. Н. Татарчуков, М. В. Фрунзе, В. А. Энгель и др.⁴²

«Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга» издавала и широко распространяла среди учащейся молодежи прокламации, в которых содержался марксистский анализ внутренней и внешней политики самодержавия, ставились конкретные задачи перед борющимся студенчеством.

Острая борьба по тактическим лозунгам (особенно по вопросу об организации уличных демонстраций) между

большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой, происходила почти на каждой студенческой сходке⁴³.

Убедительным свидетельством популярности большевистских тактических лозунгов и форм борьбы среди революционно-демократического студенчества является тот факт, что в большинстве высших учебных заведений Петербурга проект резолюции по текущему моменту, составленный «Объединенной социал-демократической организацией студентов», принимался абсолютным большинством присутствовавших на сходках студентов без существенных дополнений и изменений⁴⁴.

Все резолюции, говорилось в отчете о митинговой кампании «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга», содержат выставленные РСДРП требования о немедленном прекращении войны и созыве Учредительного собрания. В отчете, далее, подчеркивалось, что на всех сходках «обнаружено сильнейшее стремление к демонстрации...»⁴⁵.

Важными событиями в общественно-политической жизни страны явились многолюдные сходки студентов университета и Политехнического института, состоявшиеся в ноябре 1904 г. Эти сходки были созваны коалиционными советами по инициативе студенческих социал-демократических организаций.

1 ноября в актовом зале Петербургского университета собралось около 1200 человек. Студенческая сходка рассмотрела три вопроса: о войне, о «новом курсе» правительственной политики, об Учредительном собрании.

Полностью провалилась попытка ректора и группы студентов из монархической организации «Денница» сорвать сходку. Докладчиком по каждому вопросу выступал студент по поручению Коалиционного совета. Смелую, хорошо аргументированную речь произнес на сходке Н. В. Крыленко — один из вожakov революционного студенчества университета. Вдохновенно и страстно говорил он о том, что недалек день падения самодержавия, когда восстанет великий и могучий народ и люди смогут свободно жить, трудиться, мыслить⁴⁶.

Почти единогласно (за 926, против 10) сходка приняла резолюцию, отразившую основное содержание речей ораторов о современном положении страны. Отвергая «новый курс» правительства, сходка постановила: «Толь-

ко полная ликвидация существующего порядка путем всенародного Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и немедленное прекращение войны создадут почву для выработки нового государственного строя и развития прогрессивных сил страны». Присутствовавшие на сходке студенты выразили «готовность активно поддержать свои требования на общенародной демонстрации близкого будущего, организованной революционными партиями. Резолюция эта принята взрывом единодушного восторга»⁴⁷.

Аналогичные резолюции были приняты в ноябре на сходках слушательниц Медицинского института, курсов профессора Лесгафта, в Политехническом, Лесном институтах, Военно-медицинской академии⁴⁸.

Показательна резолюция, принятая на сходке слушательниц курсов профессора Лесгафта. В резолюции указывается, что сходка собралась по призыву «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга». «Признавая, что РСДРП, будучи выразительницей классовых интересов пролетариата, является в данный момент единственной организованной революционной силой, поддерживающей освободительное движение всех сил общества», слушательницы постановили:

«1. Требовать вместе с ней немедленного прекращения войны, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех, достигших 20-летнего возраста, без различия пола, религии и национальности.

2. Выступить в недалеком будущем в активной борьбе для поддержки выставленных требований РСДРП, по ее призыву и под ее руководством»⁴⁹.

Кампания студенческих политических сходок, организованных по инициативе большевиков столицы, резолюции, принятые на этих сходках, явились свидетельством возросшего авторитета нашей партии среди радикальной молодежи, ее готовности поддержать тактические лозунги большевиков в подготовляемой ПК РСДРП уличной демонстрации⁵⁰.

Лишь в двух резолюциях (сходок в ЖМИ и ЭТИ) студенты заявляли о своем нейтралитете в отношении действовавших тогда партий, но выразили готовность участ-

вовать в уличной демонстрации под знаменем двух основных лозунгов момента: прекращения войны и созыва Учредительного собрания⁵¹.

Готовившаяся в столице антиправительственная демонстрация должна была по замыслу большевиков явиться началом серии открытых уличных протестов (в других городах страны) рабочего класса и всех демократических слоев общества против антинародной, милитаристской политики правительства.

«Объединенная социал-демократическая организация студентов» первоначально назначила демонстрацию на 17 октября — в день похорон студента Технологического института большевика И. М. Мальшева, покончившего жизнь самоубийством в тюрьме в знак протеста против полицейского режима в стране⁵².

Узнав об этом, ПК РСДРП предложил городской студенческой организации перенести демонстрацию на 7 ноября, чтобы иметь время на подготовку *совместного* с рабочими выступления⁵³.

Цель политической выступления рабочих была определена в прокламации ПК РСДРП, изданной накануне демонстрации: «В то время, как земцы будут вести торг с правительством, должен раздаваться громкий голос петербургских рабочих: «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует социализм!»⁵⁴

Иначе рассматривали задачи демонстрации меньшевики. Так, на студенческой вечеринке-диспуте, официально посвященной памяти А. П. Чехова, разгорелась острая борьба по вопросу о цели выступления. Присутствовавшие студенты-меньшевики настаивали на том, что демонстрация должна явиться поддержкой «конституционных» требований съезда земских деятелей. Меньшевикам дали бой студенты-большевики. Студент университета К. С. Жарновецкий вскрыл политический смысл предложений меньшевиков, подчеркнув, что пролетариат не может рассчитывать на поддержку либералов и земцев, он должен идти своим путем⁵⁵.

Из-за дезорганизаторской деятельности петербургских меньшевиков день демонстрации дважды переносился. Наконец, было решено организовать совместное выступление рабочих и студенчества в воскресенье 28 ноября. По сведениям автора письма, перлюстрированного

петербургской охранкой, в демонстрации предполагалось участие до 30 тысяч рабочих и 3 тысяч студентов⁵⁶.

За три дня до демонстрации меньшевики, воспользовавшись отсутствием на заседании ПК РСДРП 24 ноября трех его членов-большевиков, добились решения об отмене уличного выступления. Но 26 ноября на заседании ПК РСДРП это решение было отменено и подтверждено прежнее постановление о проведении демонстрации 28 ноября. Однако меньшевики успели уничтожить свыше 12 тысяч экземпляров листовок с призывом к демонстрации. Оставшиеся листовки попали лишь в некоторые учебные заведения столицы. Саботаж меньшевиков нанес тяжелый удар организации, обрек демонстрацию на неудачу. Предательский удар меньшевиков был усилен ночным набегом охранки: «Для ослабления демонстрации, — говорится в записке начальника петербургской охранки, — были арестованы наиболее активные члены «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» и местной организации РСДРП»⁵⁷. Среди арестованных были руководители «Объединенной организации студентов» Н. В. Дорошенко, А. Я. Каплан, В. Н. Квятковская, Е. М. Суслова.

Все это пагубно отразилось на демонстрации: 28 ноября на Невский проспект пришли лишь несколько сотен студентов и курсисток да десятки рабочих.

Собравшиеся на углу Невского и Михайловской улицы подняли два красных флага с надписями: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», запели «Марсельезу»⁵⁸.

Полицейские и конная жандармерия, заранее приведенные в «боевую готовность», жестоко избили демонстрантов. «С особым варварством, — сообщал В. В. Воронский, — преследовали и истязали учащуюся молодежь»⁵⁹. «Бойня была страшная, четырех забили до смерти». Тяжелые травмы получили студенты университета Д. З. Мануильский и К. С. Жарновецкий, технолог В. П. Волопдин, много сделавшие для организации демонстрации; 118 участников демонстрации были арестованы, из коих 74 студенты и курсистки⁶⁰. «Главной причиной и победы полиции и поражения демонстрантов — почти полное отсутствие рабочих»⁶¹, — заключил корреспондент из Петербурга.

Царское правительство, учинив кровавую расправу

над демонстрантами в столице, думало этим запугать и деморализовать борющееся студенчество. Но правительство Николая II и на этот раз жестоко просчиталось. Зверское избиение демонстрантов вызвало взрыв возмущения среди самых широких слоев народа, особенно среди рабочих и студенчества, еще большее стремление сплотить ряды борцов.

Две тысячи студентов университета 29 ноября собрались на сходку. Заслушав информацию о демонстрации, они единодушно решили: «1. Выразить свою полную солидарность и глубокое сочувствие товарищам, пострадавшим от зверского нападения царских башибузуков. 2. Призвать всех к неустанной революционной работе, чтобы приблизить падение царизма»⁶².

В начале декабря недоверие «новому курсу» царского правительства выразило демократическое студенчество Москвы, Киева, Харькова, Томска и других городов⁶³.

Весть об избиении полицией петербургских демонстрантов 28 ноября послужила толчком к открытому выступлению московского студенчества. 1 декабря студенты Московского университета приняли решение «просить революционные комитеты устроить противоправительственную демонстрацию»⁶⁴.

Московский комитет партии эсеров, учитывая горячее стремление студенческой молодежи к открытому протесту, желая афишировать себя как сторонников «решительных действий» против самодержавия, назначил без серьезной организационной подготовки уличную демонстрацию на 5 декабря. «Социал-демократическая организация московских высших учебных заведений», узнав об этом, решила принять участие в демонстрации, чтобы не стоять в стороне и поддержать открытый протест студентов против произвола царских властей⁶⁵, хотя и сознавала, что из-за неподготовленности демонстрация может быть сорвана. В полдень 5 декабря со Страстной площади демонстранты с пением революционных песен и с красными знаменами двинулись по Тверской улице к дому генерал-губернатора. Против булочной Филиппова демонстранты были остановлены и жестоко избиты заранее стянутыми сюда нарядами полиции. Не удалась попытка организовать новую демонстрацию у Охотного ряда и на Никитской улице.

Активное участие в демонстрации приняли студенты

Московского университета, впоследствии видные большевики С. С. Спандарян и А. С. Бубнов, исключенный в 1905 г. из университета по мотивам политической неблагонадежности.

В письме к отцу С. Спандарян рассказывает о демонстрации: «Это было нечто грозное, грандиозное! Печально только, что убито несколько человек студентов и курсисток. Многие ранены, есть и искалеченные. Правительство было до того перепугано, что оно вызвало артиллерию, а зверства полиции и казаков перешли всякие границы... Не скрою, что участвовал и я, но благополучно выкрутился, хотя фуражка моя осталась на поле брани и меня малость поколотили. Но, во имя справедливости, нужно сказать, что и я своей дубинкой изрядно прошелся по спинам и головам полицейских»⁶⁶.

Глубоко потрясенные и возмущенные зверством полиции и казаков студенты Московского университета 7 декабря единодушно решили: в знак протеста против избияния демонстрантов «прекратить занятия до конца рождественских каникул с тем, чтобы после них установить дальнейший способ действий сообразно обстоятельствам»⁶⁷. В этой же резолюции студенты требовали созыва Учредительного собрания. С 3 декабря в университетских аудиториях началась обструкция лекций, студенческие сходки.

Студенческие сходки и вечеринки, организуемые, как правило, социал-демократами, являлись прекрасной школой политического воспитания тысяч юношей и девушек. В речах ораторов наиболее четко вырисовывалась политическая, классовая физиономия борющихся общественных сил и их расстановка.

Типичен для характеристики умонастроения демократического студенчества Петербурга накануне революции такой факт. В конце декабря 1904 г. в Народном доме столицы был организован вечер учащейся молодежи, посвященный современной русской поэзии. На сцену вышел студент и стал выразительно, с подъемом читать «Песню о Буревестнике» М. Горького. Из ложи, где сидел обер-полицмейстер, неслись неоднократные требования «прекратить безобразие!», но двухтысячный голос молодежи «продолжай» и буря оваций заглушали полицейские окрики и позволили декламатору закончить чтение любимого молодежью стихотворения. Заключитель-

ные слова песни: «Буря, скоро грянет буря!» были встречены овацией.

Значение политических сходов, состоявшихся осенью 1904 г. в большинстве высших учебных заведений страны, петербургской и московской уличных студенческих демонстраций заключалось в том, что революционно-демократическое студенчество России не только сказало: «Нет доверия «новому курсу» правительства», но и своим непосредственным участием в уличных демонстрациях, в своих резолюциях решительно заявило о готовности вместе с рабочим классом бороться за ликвидацию самодержавия, за созыв всенародного Учредительного собрания, за немедленное прекращение захватнической войны на Дальнем Востоке.

Проведение политических сходов и демонстраций студенчества с участием рабочих подтвердило правильность и действенность тактики большевиков и пагубность для дела революции лозунгов и поведения меньшевиков. Дезорганизаторская выходка меньшевиков, сорвавших политическую демонстрацию в Петербурге, давала основание В. И. Ленину перед лицом всей партии и рабочего класса заявить, что это «последняя капля, которая должна переполнить терпение партии» и что «партия порывает с этими господами (меньшевиками. — П. Г.) все и всякие отношения»⁶⁸.

Политические сходки и демонстрации осени 1904 г., таким образом, явились убедительным свидетельством готовности революционного студенчества идти в ногу с авангардом революции — российским пролетариатом на штурм твердынь самодержавия.

Участие студенческой молодежи в революции 1905—1907 гг.

Барометр показывает бурю

Революция 1905—1907 гг. в России была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма. Ее главные задачи — свержение самодержавия, установление демократической республики, ликвидация всех остатков крепостничества — не выходили за рамки буржуазно-демократических требований. Однако буржуазная революция в России имела ряд особенностей, которые коренным образом отличали ее от западноевропейских революций эпохи восходящего капитализма и создавали предпосылки для перерастания ее в революцию социалистическую.

В ходе революции все классы и партии стремились выработать свою политическую линию поведения, свою тактику; революция показала эти классы и партии в действии, в борьбе, раскрыла их роль в общественном прогрессе.

В эпоху империализма, когда противоречия между трудом и капиталом крайне обострились, буржуазия как класс, более всего страшась твердой поступи «железных батальонов пролетариата», утратила свою прогрессивную роль в общественном развитии, превратилась в силу контрреволюционную.

Российский пролетариат, накопивший к этому времени известный опыт политической классовой борьбы, имевший свою боевую партию, мог стать вождем революции. «Последовательным борцом за демократизм, — подчеркивал В. И. Ленин, — может быть только пролетариат». Но революция в России могла закончиться побе-

доносно лишь при условии, если к борьбе пролетариата присоединится многомиллионное крестьянство, кровно заинтересованное в ликвидации помещичьего землевладения, всех остатков крепостничества, если пролетариат сумеет сплотить «все революционные и республиканские элементы народа»¹.

Анализ движущих сил социальных революций эпохи империализма, места и роли различных классов в начавшейся в России революции позволил В. И. Ленину первым из марксистов разработать конкретное содержание и принципы «левоблокистской» тактики — совместных действий партии рабочего класса и представителей революционной демократии со всеми теми, «кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность...»².

Необходимость и возможность сплочения сил революционной демократии вокруг борющегося пролетариата В. И. Ленин обосновал в статье «О боевом соглашении для восстания», опубликованной в № 7 газеты «Вперед». Указывая на последовательность линии РСДРП в вопросе соглашения «для борьбы и на борьбе», зафиксированной в решениях II и III съездов партии, Ленин подчеркивал, что «начало революции в России несомненно приближает момент практического осуществления этих соглашений»³.

Ленин выразил уверенность, что хотя пролетариат и революционная демократия будут неизбежно врозь идти, но они могут не раз сообща ударить по самодержавию, чтобы «низвергнуть его скорее, вернее и ценою меньших жертв»⁴.

Этой же ленинской тактики придерживались большевики в своей деятельности и по руководству борьбой революционно-демократического студенчества в годы революции.

В интересах победоносного исхода революции большевики с первых дней ее повели энергичную борьбу за массы, стремились вовлечь революционно-демократические слои населения в открытую борьбу с самодержавием.

В статье «Новые задачи и новые силы» (февраль 1905 г.) В. И. Ленин сравнивал «революционную эпоху для социал-демократии» с «военным временем для армии» и ставил перед партией задачу — смелее «пополнять

свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами»⁵, ибо в революционное время молодые рекруты будут учиться «социал-демократической науке»⁶.

Уже в первые недели революции, подчеркивал В. И. Ленин, в среде радикально настроенной молодежи возникли тысячи новых кружков, многие из них без какой-либо определенной программы. Необходимо, чтобы наша партия завязывала и укрепляла непосредственные отношения с возможно большим числом таких кружков, оказывала им помощь в работе, просвещала молодежь запасом своих знаний и опыта, вдохновляла и поднимала ее на революционную борьбу.

Партия верила, что с каждым днем будет расти и крепнуть революционная армия, что идеи политического обновления родины, с которыми она неоднократно обращалась к массам, несомненно, найдут поддержку и в среде студенчества. Активное участие молодежи в революции с первых дней ее позволили В. И. Ленину в письме А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 11 февраля 1905 г. требовать от местных организаций РСДРП многократного увеличения политической армии за счет молодых борцов: «Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь»⁷.

В дни революции в полной мере проверяется на деле политическое кредо борющихся классов, социальных групп и партий. Такой экзамен держало и революционно-демократическое крыло российского студенчества. И оно его выдержало с честью, показало себя осенью 1905 г. одним из отрядов боевых сил революции⁸.

Но прежде следует рассказать о реакции демократического студенчества на трагические события, разыгравшиеся на улицах и площадях Петербурга 9 января 1905 г.

О готовящейся на 9 января мирной манифестации рабочих столицы к Зимнему дворцу, о петиции к «царю-батьшке» было хорошо известно студенчеству Петербурга.

Сотни, тысячи студентов и курсисток вышли 9 января на площади и улицы столицы, по которым двигались многотысячные колонны рабочих со своими семьями к Зимнему дворцу. Раздавшиеся выстрелы ошеломили и потрясли молодежь, всех честных людей России. В те минуты немногие из революционно настроенных студентов могли принять правильное решение — поспешить в про-

летарские районы города, чтобы словом и делом помочь рабочим достойно ответить правительству кровавого царя. Лишь сравнительно небольшое число студентов и курсисток приняло участие в стихийно начавшихся стычках рабочих с войсками и полицией, в оказании медицинской помощи раненым и пострадавшим.

Уже вечером 9 января по призыву большевиков пролетариат начал вооружаться, захватывать оружейные мастерские. В этом ему помогали и некоторые студенты⁹. Так, на Васильевском острове под руководством студента университета большевика Л. Д. Давыдова рабочие захватили оружейную мастерскую Шаффа и частную типографию, в которой отпечатали прокламацию с призывом к вооруженному восстанию¹⁰. В этом же районе в сооружении и обороне баррикад на Среднем и Малом проспектах принимали непосредственное участие студенты Горного института и университета. А один из руководителей обороны баррикад, воздвигнутых на углу Среднего проспекта и 4—5-й линий, был переодетый студент, павший смертью героя¹¹.

Стычки студентов с жандармерией и полицией отмечались и в других районах столицы. Уже вечером 9 января полиция останавливала и избивала молодых людей на улицах столицы только на том «основании», что они были в студенческих шинелях. В те дни дворники некоторых домов предупреждали жителей столицы, чтобы они не выходили на улицу, так как «сегодня полиция избивает студентов»¹².

Об организованном агентами царской охранки и полиции избиении студентов имеются свидетельства очевидцев, протоколы советов профессоров. В списке «жертв треповской расправы», помещенном на страницах газеты «Вперед», приведены фамилии семи студентов высших учебных заведений столицы, убитых или искалеченных казаками и полицией в те дни¹³. В числе жертв был студент Политехнического института Н. В. Савинкин. Похороны студента социал-демократа Николая Савинкина демократическое студенчество и профессура института превратили в антиправительственную демонстрацию¹⁴. В. И. Ленин назвал эти похороны «выражением общественного сочувствия жертвам царских палачей»¹⁵.

Кровавая картина расстрела рабочих 9 января стояла перед глазами учащейся молодежи, жгла сердца и воз-

буждала ненависть к строю, погубившему уже не одну тысячу жизней лучших сынов и дочерей России... Мощная волна студенческого протеста против кровавого злодеяния царизма поднималась во всех учебных заведениях страны.

В студенческих общежитиях, в кружках молодежи в те дни вспыхивали горячие споры: по какому руслу направится аккумуляровавшаяся в рабочем классе энергия ненависти к эксплуататорам и угнетателям?

Уже на второй день после кровавой трагедии по инициативе ПК РСДРП и под руководством «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» были организованы политические вечеринки учащейся молодежи, оставшейся в дни каникул в городе. Студенты социал-демократы призывали учащуюся молодежь в знак протеста против расстрела рабочих объявить всеобщую забастовку и продолжать ее до тех пор, пока не будет свергнуто самодержавие¹⁶.

Для организации и руководства забастовкой в столице был создан Коалиционный совет представителей студенческих нелегальных организаций высших учебных заведений Петербурга. На своем первом заседании в середине января Коалиционный совет решил: организовать всероссийскую студенческую забастовку и продолжать такую «впредь до изменения существующего в России государственного строя»¹⁷.

Собранная 10 января явочным порядком по инициативе студентов-большевиков сходка учащихся Петербургского технологического института после обсуждения вопроса «об отношении студенчества к текущим событиям» единодушно клеймила злодеяния царского правительства и решила немедленно начать забастовку: «Мы, студенты-технологи, выражая борющемуся пролетариату нашу солидарность, решили: немедленно прекратить занятия и призвать всех товарищей к объединению для борьбы во имя политических и экономических требований, выставленных рабочими»¹⁸. Собрание постановило начать сбор средств в пользу забастовавших и раненых рабочих и их семей, а также на вооружение рабочих¹⁹.

11 января состоялись политические студенческие сходки еще в двух институтах столицы — Гражданских инженеров (ИГИ) и Инженеров путей сообщения (ИИПС). Сходка студентов ИГИ в своей резолюции заявила, что

«самодержавное правительство абсолютно не способно править страной», и потребовала «немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного, равного голосования, полной свободы личности, совести, печати, собраний, стачек, союзов, немедленной амнистии всем политическим заключенным» и выразила «всем забастовавшим рабочим свою глубокую солидарность». В заключение своей резолюции студенты подчеркивали: «Считать нравственной обязанностью всех товарищей помогать рабочему движению»²⁰. Для нужд стачечников и на вооружение рабочих на этих сходках было собрано 670 рублей²¹.

13 января в демонстрациях на улицах Риги вместе с рабочими приняли участие и студенты Политехнического института: во время столкновений демонстрантов с войсками и полицией было убито 2 студента и 27 ранено²².

15 января произошла мощная политическая демонстрация студентов-политехников и рабочих Риги во время похорон убитого студента Печуркина. Во время шествия разбрасывались прокламации, на могиле убитого произносились революционные речи²³.

Резолюция в поддержку борьбы пролетариата была 15 января принята сходкой 150 бестужевок: «Выражая свою полную солидарность с петербургскими рабочими в их экономических и политических требованиях и глубокое негодование по поводу избития безоружной толпы, мы отказываемся продолжать занятия»²⁴.

Этими же мотивами руководствовалось и собрание представителей демократических студенческих организаций столицы, принимая 19 января решение добиваться прекращения занятий во всех учебных заведениях Петербурга до 1 сентября 1905 г.²⁵

Вести о кровавых злодеяниях царских властей в Петербурге и Риге подняли на борьбу демократическое студенчество всех городов страны. Так, 15 января сходка студентов Киевского политехнического института «выработала план участия студентов в городских событиях» и постановила «прекратить занятия и принять активное участие в революционном движении... устроить уличную демонстрацию»²⁶. А на собрании, посвященном 150-летию Московского университета, произошла серьезная антиправительственная демонстрация студентов Томского

университета. Студенты-ораторы говорили о необходимости замены самодержавного строя республиканским; сходка приняла решение организовать «на улицах Томска вооруженную противоправительственную демонстрацию и устроить забастовку по всей линии Сибирской железной дороги»²⁷.

Организацию демонстрации и политической стачки взял на себя местный комитет РСДРП, большую помощь ему оказало революционное студенчество Томска. По заданию комитета несколько студентов с транспортом нелегальной литературы (главным образом листовок) выехали на Транссибирскую магистраль, в частности в Красноярск, откуда было решено начать забастовку. Из типографских рабочих и студентов срочно создавалась боевая группа для охраны участников демонстрации. В демонстрации, состоявшейся 18 января, участвовало свыше 500 рабочих, студентов и учащихся средних школ Томска. С развернутым красным знаменем, с пением «Марсельезы» демонстранты (во главе их шли С. М. Киров, рабочий-печатник И. Кононов и студент Лепидевский) двинулись от почтамта к центру города. Путь им преградили полиция и казаки. Произошло вооруженное столкновение. Казаки и полиция жестоко избили более 200 демонстрантов, в числе которых было много студентов²⁸. В завязавшейся стычке был убит знаменосец Иосиф Кононов. В день похорон И. Кононова большевики организовали многолюдные митинги рабочих и студентов, на которых ораторы призывали к решительной борьбе против самодержавия.

Опасаясь расширения и углубления революционного движения в городе, власти закрыли Томский университет и Технологический институт, а 54 студентов, принимавших участие в демонстрации, арестовали²⁹.

Названные выше события произошли в период зимних каникул, когда большинство юношей отдыхало в родных краях. Как только студенты возвратились с каникул, их руководящие организации стали готовить общестуденческие сходки, чтобы окончательно решить вопрос о формах протеста и выработать политическую платформу движения. Такие сходки в конце января — начале февраля состоялись почти во всех высших учебных заведениях страны, иногда с ведома Советов профессоров, но чаще явочным порядком.

В принятых на сходках резолюциях демократическое студенчество не ограничилось протестом против расстрела петербургских рабочих, объявлением политической забастовки, а заявило о своей решимости всеми средствами бороться за созыв Учредительного собрания, за установление в стране демократического строя.

Студенты Томского университета на общей сходке 24 января большинством в 222 голоса приняли резолюцию: «Мы объявляем университет закрытым. В настоящий момент все силы должны быть направлены на борьбу с самодержавным правительством во имя идеи социализма. Мы призываем к забастовке и демонстрациям всех рабочих, а особенно рабочих по линии Сибирской железной дороги. Этот акт положит конец разорительной, кровавой войне на Д. Востоке. Единственный путь, который мы признаем, это путь народного восстания. Наша ближайшая цель — демократическая республика»³⁰.

В конце января 1905 г. Казанский комитет РСДРП обратился к студентам Учительского института с листовкой, в которой призвал их объявить всеобщую забастовку и дружно бороться против общего врага — самодержавия³¹.

Призыв комитета РСДРП был услышан демократически настроенной учащейся молодежью Казани. После обсуждения вопроса об отношении студенчества к революционному движению в стране студенты Казанского университета приняли резолюцию, в которой выражали свою солидарность с рабочими, поднявшими знамя борьбы с самодержавием, присоединялись к этой борьбе и объявляли забастовку³².

Наиболее полно политические требования борющегося студенчества России были сформулированы на сходках, состоявшихся в феврале в Московском и Петербургском университетах.

В резолюции, принятой 11 февраля на сходке в Московском университете, студенты требовали: немедленного созыва «Учредительного собрания народных представителей, избранных всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов с полной свободой предвыборной агитации, неприкосновенности личности, свободы слова и печати, свободы совести и вероисповеданий, свободы собраний, союзов, стачек».

Считая, что «нормальный ход общественной и акаде-

мической жизни в данный момент немислим», участники сходки объявили забастовку до 1 сентября 1905 г. Для руководства забастовкой был создан Центральный университетский орган — ЦУО, в котором значительное влияние имели студенты-большевики³³.

Политической сходке в Петербургском университете предшествовала большая агитационная и организационная работа студенческих революционных организаций, входивших в Коалиционный совет. Наиболее деятельной группой в совете были представители социал-демократической организации университета. Как сообщает начальник столичной охранки, 4 февраля 1905 г. на квартире студента социал-демократа В. Н. Макарова состоялось собрание социал-демократической группы университета, на котором была выработана программа предстоящей сходки, намечены ораторы и выработаны проекты резолюций. Главными ораторами предполагались студенты-большевики Н. В. Дорошенко, К. С. Жарновецкий, а председателем А. Н. Замятин³⁴. Одним из организаторов этой сходки был также и Н. В. Крыленко³⁵.

В прокламации, изданной социал-демократической организацией студентов университета накануне сходки, указывалось, что главная сила революции — пролетариат, и содержался призыв оказывать рабочему классу всемерную помощь в его борьбе: «В революционном движении пролетариата — верный залог лучшего будущего нашей родины! Только пролетариату суждено дать свободу и счастье всему народу...»³⁶

7 февраля в 12 часов в актовом зале и коридоре собралось до 5 тысяч студентов университета, учащихся других высших учебных заведений столицы, интеллигентов, рабочих, представителей русской и иностранной прессы. Никогда раньше в университете не собиралось на сходку столько людей и никогда настроение собравшихся не было столь приподнятым. Еще до начала собрания в коридорах и зале происходил оживленный обмен мнениями, возникали горячие споры и столкновения по важнейшим политическим проблемам.

По поручению Коалиционного совета председательствующий студент-большевик А. Н. Замятин предложил собравшимся такую повестку дня сходки:

1. Современное политическое положение;
2. Земский собор или Учредительное собрание;

3. Об отношении студенчества к забастовке³⁷.

Первым было предоставлено слово приват-доцентам В. В. Святловскому и В. Н. Сперанскому, которые «призывали собравшихся подчиниться велению разума, а не страсти», убеждая студентов «отдавать предпочтение науке, а не политике»³⁸. После них выступил представитель монархической организации «Денница», который пытался протестовать против «незаконно выбранного заранее» председателя сходки. Студенты не дали ему говорить, и собрание потребовало присутствовавших членов «Денницы» покинуть сходку.

Затем на трибуну поднимались ораторы, в своих речах выражавшие настроение революционно-демократического лагеря студенчества. Они с возмущением говорили о полицейском режиме самодержавия и горячо призывали присутствующих объявить открытую войну этому строю: «Студенчество... должно приложить все усилия, — говорил один из ораторов, — чтобы рухнул строй насилия и бюрократизма и на его месте воздвигнулся бы новый, великий и светлый храм свободной России. Вперед же, товарищи, в ряды тех, кто борется за освобождение пролетарских и крестьянских масс!»³⁹

Общее мнение ораторов сводилось к тому, что абсолютистский режим должен быть похоронен и быть могильщиком его — это священная обязанность всех честных граждан России. «Сознательное и братски солидарное выступление пролетариата, — говорилось в резолюции сходки, — подписало окончательный смертный приговор самодержавию и явило несомненный залог близкого успеха политического освобождения России»⁴⁰.

После перерыва на сходке обсуждался второй вопрос: земский собор или Учредительное собрание должно быть создано для решения вопроса о государственном строе России. Все ораторы высказались против затеи либеральных земцев — созыва земского собора, требовали Учредительного собрания.

«Университет должен быть закрыт, ибо студенчество не может заниматься наукой в той стране, где властвует полный произвол, свои силы оно должно применить для организации армии борьбы» — таков лейтмотив выступавших студентов по третьему пункту повестки дня⁴¹.

По окончании прений от имени Коалиционного совета был предложен проект резолюции, принятый подавляю-

щим большинством голосов. Собравшиеся на сходку студенты, рабочие и интеллигенты приветствовали борьбу российского пролетариата, требовали созыва «Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для граждан и гражданок при условии: а) свободы слова, печати, совести, собраний, союзов, стачек, коалиций и пр.; б) права каждой национальности на самоопределение; в) амнистии всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения»⁴².

По вопросу об отношении студенчества к политической забастовке сходка большинством голосов (за — 2378, против — 66, воздержавшихся — 42) постановила объявить забастовку до 1 сентября 1905 г.

«...Как гарантия от посягательства правительства на свободное проведение в жизнь вышеуказанных требований, — говорилось в резолюции сходки, — должна быть предпослана организация народного ополчения, в рядах коего мы зовем всех сознательных граждан бороться за осуществление выставленных требований»⁴³.

Свое враждебное отношение к самодержавию и ненависть к Николаю-кровавому собравшиеся продемонстрировали в конце сходки: группа студентов во главе с Д. З. Мануильским при бурном одобрении сотен голосов дрезком от знамени проткнула огромный портрет Николая II и разорвала его под звуки революционной песни⁴⁴.

При рассмотрении доклада министра просвещения «о беспорядках в С.-Петербургском университете» разгневанный царь объявил выговор должностным лицам, а всех студентов приказал «уволить» из университета⁴⁵.

Волна забастовочного движения к концу февраля 1905 г. захватила все высшие учебные заведения страны. Приведенная ниже хроника забастовочного движения дает представление о развитии политической стачки в высшей школе в начале 1905 г.* Решением абсолютного большинства студентов, присутствовавших на сходках, забастовали (прекратили посещение учебных заведений): 10 января — Технологический, 11 — институт Гражданских инженеров, 14 — Рижский политехнический институт, 15 — ВЖК (бестужевские) и Киевский политехни-

* Даты начала забастовок даны в соответствии с решениями общестуденческих сходок.

ческий институт, 17 — Демидовский юридический лицей, 19 — ВЖК профессора Герье, Лесной и Женский медицинский институты, 21 — Ново-Александровский сельскохозяйственный институт и Екатеринославское высшее горное училище, 23 — Казанский университет и Ветеринарный институт, 24 — Томский университет, Московский межевой и Петербургский историко-филологический институты, 26 — Духовная академия, 27 — Нежинский историко-филологический институт, 31 января — Киевский политехнический институт⁴⁶.

Волна забастовочного движения продолжала расти. 1 февраля прекратили занятия студенты Московского университета, 4 — Юрьевского ветеринарного института, 5 — Московского технического училища и Петербургской консерватории, 7 — Петербургского и Юрьевского университетов, 8 — Петербургского политехнического, 9 — Харьковского университета, Ветеринарного и Технологического институтов, 15 — Института инженеров путей сообщения, 19 — Тифлисского учительского института, 21 — Одесского университета⁴⁷.

Учебные занятия всюду прекращались до 1 сентября 1905 г.; студенты считали, что полугодовая забастовка — срок «достаточный для выяснения результатов освободительного движения в стране»⁴⁸.

Несомненно, что политический протест десятков тысяч студентов всколыхнул общественное мнение страны и за рубежом, нанес удар по престижу царизма и укрепил в народных массах веру в крушение самодержавия.

Общероссийская студенческая забастовка явилась важной поддержкой борющегося пролетариата, она усилила общественно-политическое значение стачки, начатой петербургскими рабочими в январе 1905 г. Отличительной чертой студенческой забастовки являлся не только ярко выраженный антиправительственный характер, но и ее высокая организованность, единодушие. Даже Советы профессоров некоторых университетов вынуждены были констатировать, что «никогда еще возбуждение учащейся молодежи не проявлялось с такой силой и в таких организованных формах... как в настоящее время»⁴⁹.

Создание широкой сети социал-демократических групп в высших учебных заведениях, их прочная связь с местными организациями партии позволила РСДРП оказать решающее влияние на характер общероссийской студен-

ческой забастовки, обеспечить победу революционного демократизма над либерализмом, привлечь радикально настроенную молодежь на поддержку пролетариата.

Всероссийская студенческая забастовка способствовала мобилизации и концентрации революционных сил в стране. Она явилась наглядным свидетельством того, что пролетариат не одинок в своей борьбе с самодержавием, что рядом с ним пойдут не только многомиллионные массы крестьян, но и демократическая часть студенчества и интеллигенции.

Демократическое студенчество открывает университеты и институты в интересах революции

Осенью 1905 г. политический кризис самодержавия принял общенациональный характер, революция разрасталась вширь и вглубь.

Боевой антиправительственный характер студенческого движения последних лет говорил о том, что в решающие дни борьбы с царским режимом революционно настроенное студенчество окажется по одну сторону баррикад вместе с восставшими рабочими. «В своей тяжелой, полной героизма борьбе за лучшее будущее, — отмечалось в обращении ЦК РСДРП «Ко всей учащейся молодежи», — русский рабочий всегда рядом с собой видел и вас, праждане студенты!»¹

Исходя из решений III съезда РСДРП, большевики развернули всестороннюю деятельность по подготовке всеобщей политической стачки и вооруженного восстания.

Перспектива слияния в единый поток всех революционных и оппозиционных сил приводила в смятение монархический лагерь. Чтобы предотвратить объединение борющихся сил, царское правительство решило прибегнуть к маневру, пойти «навстречу общественному мнению», «здоровым силам страны»: 6 августа 1905 г. царский рескрипт объявил о созыве совещательной Государственной думы. Этим актом правящие круги надеялись приостановить развитие революции, перевести ее на тормоза «конституции» и таким образом покончить с оппозиционностью либеральной буржуазии и интеллигенции.

Вслед за рескриптом о созыве Думы 27 августа после-

довал «высочайший указ» о введении «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями».

Согласно этим правилам, университетам и институтам была предоставлена половинчатая автономия. На Советы профессоров возлагались «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете», им предоставлялось право выбирать ректора, его помощников и деканов, однако за правительством оставалось право утверждения избранных должностных лиц. Инспекция переходила в подчинение ректора. С разрешения Совета профессоров студенты могли устраивать сходки². 17 сентября 1905 г. «высочайший указ» был распространен на все высшие учебные заведения страны³.

С помощью этой, по определению В. И. Ленина, «куцой автономии» правительство царя хотело парализовать энергию революционно-демократического студенчества, погасить революционный пожар, начавшийся зимой в стенах высшей школы. Но расчеты правительства и на сей раз потерпели полное фиаско: «Мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий и «примирения» разбойников с ограбляемыми, вызвала на деле громадное обострение борьбы и расширение состава ее участников»⁴.

Предвидя неизбежность решающих битв народа с царизмом, большевики считали, что студенчество должно быть сконцентрировано осенью 1905 г. в крупных городах, чтобы оно смогло вместе с рабочим классом принять непосредственное участие в предстоящих сражениях. Большевики рассчитывали также, что революционное студенчество при надлежащем руководстве сумеет оказать необходимую помощь партии в формировании политической армии могильщиков царского самодержавия.

ЦК РСДРП, избранный на III съезде партии, тщательно продумал свои рекомендации студенческой молодежи, когда она в начале сентября 1905 г. должна была решить вопрос: продолжать ли начатую зимой забастовку или возобновить академические занятия. Состоявшееся в августе 1905 г. совещание агентов ЦК РСДРП, работавших в России, приняло решение: рекомендовать студенчеству возобновить с 1 сентября занятия и добиваться превращения аудиторий университетов и институтов в очаги и трибуны революции⁵.

Местные комитеты РСДРП поддержали идею созыва всероссийского съезда представителей студенческих революционно-демократических организаций. Эта идея была выдвинута еще весной 1905 г. студентами-большевиками Петербургского и Казанского университетов и Демидовского лицея на совместном заседании⁶.

Энергичную деятельность по подготовке всероссийского съезда развернули студенты-большевики: А. М. Эсен — студент Петербургского университета, агент ЦК РСДРП в России, Н. И. Подвойский — студент Демидовского юридического лицея.

Четвертый студенческий съезд состоялся 3 сентября в Выборге. Сюда прибыли представители 23 студенческих коллективов страны⁷.

По основному вопросу повестки дня «О тактике студенческой борьбы» на съезде развернулась острая дискуссия между студентами-большевиками и эсерами. Последние выступали за продолжение студенческой забастовки, начатой зимой 1905 г. Тактику «закрытых университетов» эсеры пытались отстоять под благовидным предлогом необходимости «идти в деревню» «просвещать крестьян». Однако большая часть делегатов отвергла тактическую установку эсеров. Выборгский съезд принял резолюцию в соответствии с тактической линией большевиков. В своем постановлении съезд признал, что участие в общенародной борьбе против царского режима является первоочередной и главной задачей демократического студенчества России. «Для этого студенчество должно сконцентрировать и мобилизовать свои силы в крупных городах, дать возможность использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации студенческих боевых отрядов с тем, чтобы в нужный момент студенчество могло лично примкнуть к общей политической забастовке и вооруженному восстанию»⁸.

После обсуждения вопроса об Учредительном собрании съезд записал в своем решении, что всенародное Учредительное собрание «может быть создано лишь революционным путем», что «одним из главных средств к этому является приурочивание общей политической забастовки и вооруженного восстания...»⁹.

«Съезд считает, — указывалось в решении представителей демократической молодежи, — что студенчество

должно принять непосредственное участие в предстоящей борьбе»¹⁰.

И когда студенты съехались к 1 сентября в свои учебные заведения, то перед ними снова встал «вечный вопрос» в условиях дореволюционной высшей школы: что же делать? что должно стоять на первом плане у студента: академические занятия или общественная деятельность на благо родины?

Прибывшая в города молодежь группами собиралась в университетских коридорах, общежитиях и столовых*, оживленно обменивалась мнениями по злободневным политическим вопросам, обсуждала тактику дальнейшей борьбы.

Большую помощь студенчеству в выработке наиболее рациональной тактики оказала периодическая печать большевиков. Орган ЦК РСДРП газеты «Пролетарий» за сентябрь — октябрь 1905 г. поместила около 50 статей и заметок, отражавших общественную жизнь в высшей школе. Редакция газеты (редактором был В. И. Ленин) призывала демократическое студенчество координировать свои действия с массовыми выступлениями рабочих, с тем чтобы наносить одновременные мощные удары по царизму, для чего рекомендовала студенчеству открывать аудитории и залы учебных заведений, чтобы устраивать в них народные собрания¹¹.

В своем воззвании «К учащейся молодежи» (начало сентября 1905 г.) Московский комитет РСДРП, разъяснив антидемократический характер объявленной царем Булыгинской думы, иллюзорность университетской автономии, призвал студенчество продолжать упорную борьбу вместе и под руководством рабочего класса и его партии: «Идите же за пролетариатом и вместе с ним поднимите знамя восстания, на котором начертано:

Долой самодержавие!

Да здравствует народная революция!

Да здравствует временное революционное правительство!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»

* Студенческие столовые являлись тогда своего рода политическими клубами, где разгорались жаркие споры по важнейшим проблемам революции. А комнаты дежурных столовых университета, Технологического и Электротехнического институтов часто использовались ПК РСДРП как места партийных явок.

На вопрос, продолжать или нет забастовку, МК РСДРП давал ясный ответ: «Безусловно, нет. Вы должны остаться в университете, превратив его в очаг революции»¹².

Следует отметить, что не все местные организации РСДРП придерживались тактики, рекомендованной ЦК партии в отношении открытия учебных заведений. Так, на состоявшейся 6 сентября совместной сходке студентов Томского университета и Технологического института была принята резолюция, проект которой был предложен Томским комитетом РСДРП. Правильно указывая, что «свободный автономный университет и свободная наука могут существовать только в свободном государстве, которое может быть завоевано лишь путем всенародного вооруженного восстания во главе с пролетариатом», сходка, однако, решила: «Не начинать занятий подцензурной наукой. Открыть аудитории института и университета для широкой народной массы и превратить их в места для народных собраний, на которых мы, революционные студенты, вместе с революционным народом, выработаем средства борьбы с Государственной думой и способы наступления на царское самодержавие»¹³. Томская организация РСДРП переоценила возможности организации народных собраний в залах учебных заведений при бойкоте академических занятий студентами в сентябрьские дни 1905 г., когда еще не было массовых революционных выступлений пролетариата.

Но большинство демократических студенческих организаций во главе с представителями нашей партии проводило гибкую, правильную тактику: открыть университеты и, не препятствуя желающим студентам посещать лекции, стремиться превратить кафедры и залы в трибуны революционного воспитания широких народных масс*.

Разоблачая половинчатость куцей университетской «автономии», студенты социал-демократы в то же время призывали принять участие в выборах в Советы старост с выставлением своих кандидатов, дабы максимально воспользоваться правами студенческого «парламента» в интересах революции.

* Имелось в виду использование аудиторий и залов для студенческих собраний с участием рабочих и служащих во внеучебное (вечернее) время.

Рекомендуя студенчеству прекратить с 1 сентября забастовку, большевики рассчитывали, что открытые учебные заведения позволят революционному студенчеству использовать их и для организации в них политических сходок и митингов. Эта тактика отвечала интересам развития и углубления революции, давала возможность до определенного момента избегать разрозненных, обособленных от рабочих столкновений студенчества с царским правительством.

По возвращении делегатов Выборгского съезда в университетские города развернулась интенсивная агитация социал-демократических студенческих организаций за претворение решений съезда в жизнь.

Демократическое студенчество высших учебных заведений Петербурга и Москвы раньше других городов начало кампанию политических сходок.

Деятельное участие в подготовке и проведении сходок и народных митингов в стенах учебных заведений принимали студенческие социал-демократические организации под руководством местных комитетов РСДРП¹⁴. Об этом, в частности, свидетельствуют в своих воспоминаниях М. М. Эссен — член ПК РСДРП, ответственный организатор «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» осенью 1905 г., а также В. Н. Залежский — видный деятель нашей партии, тогда студент университета¹⁵.

7 сентября в Московском университете началась общестуденческая сходка, на которую пришло около 4 тысяч человек: студенты университета и других учебных заведений Москвы, рабочие, интеллигенты.

При обсуждении главного вопроса — о месте демократического студенчества в революции — наметились четыре платформы: «революционно-академическая» (платформа ЦК РСДРП) — открыть университет «для обращения его в революционный очаг, в политическую школу. Кто желает — может заниматься»; «чистых академистов» — открыть университет «исключительно для академических целей»; эсеровская («Группа революционный трибунал») — отдельные вооруженные выступления против правительственных властей; «группа забастовщиков» — продолжение забастовки в 1905/06 академическом году¹⁶.

Начавшаяся 7 сентября сходка продолжалась два дня и закончилась принятием 1202 голосами (66,4% от числа

голосовавших) резолюции, в которой объявлялся решительный бойкот булыгинской думе, как «наглого издеательства над российским пролетариатом и трудовым крестьянством...». В резолюции указывалось, что «лишь учреждением демократической республики возможно вывести страну на путь свободного развития ее производительных сил»¹⁷.

Далее в резолюции представители революционно-демократического студенчества Москвы записали: «1) игнорировать существующий политический строй и осуществлять политическое и гражданское право вопреки закону и помимо закона, 2) считать изменой народу всякое участие в правительственных комиссиях и всякое примирение на Государственной думе или на другом представительстве, кроме всенародного Учредительного собрания и 3) открыть университет и по возможности не препятствовать занятиям, превратив его в революционную трибуну, т. е. вести пропаганду и агитацию среди студентов и привлекать в университет широкие народные массы и подготавливать их к совместному вступлению на путь революционных действий с целью: а) свержения царского самодержавия и б) созыва временного революционного правительства до учреждения демократической республики»¹⁸.

Накануне общей сходки студентов Петербургского университета состоялось собрание актива студенческих демократических организаций, которое выработало программу предстоящей сходки, проекты резолюций.

На общую сходку 13 сентября в актовом зале университета собралось более 2 тысяч человек. Кроме студентов университета, сюда прибыли представители учащейся молодежи высших учебных заведений столицы, а также молодые пролетарии предприятий Василеостровского района. Председателем сходки был избран студент Юридического факультета большевик Владимир Энгель.

Первыми слово получили представители эсеровской студенческой организации, они высказались за продолжение забастовки, мотивируя это необходимостью развернуть «широкую агитацию на земле, идти к крестьянину»¹⁹.

Несостоятельность эсеровских мотивов для продолжения забастовки была убедительно показана ораторами студенческой социал-демократической организации. В ин-

тересах дальнейшего развития революции, говорили они, необходимо сконцентрировать силы демократической молодежи в крупных городах, открыть университеты и институты. «Мы должны пойти на помощь вооруженному восстанию пролетариата».

В разгар прений на кафедре взошел рабочий по имени Петр (в конспиративных целях фамилии ораторов не объявлялись). Обращаясь к студентам, он призвал их идти на фабрики и заводы просвещать политически пролетарские массы. Заключительные слова рабочего: «Вы должны дать сознание, развитие, идеи социализма. Мы ждем ваших лучших ораторов!»²⁰ — были встречены громом аплодисментов.

Меньшевицкие ораторы демагогически разглагольствовали об «авангардной роли интеллигенции» в революции, говорили о необходимости «союза пролетариата с либеральными слоями общества».

Резолюция, принятая подавляющим большинством присутствовавших на сходке (за — 1702 голоса, или 84% всех голосовавших, против — 243) характеризует умонастроение демократического студенчества, популярность тактических лозунгов большевиков. В этой резолюции отмечалось, что обещанная правительством Государственная дума ни в каком смысле не может быть названа народным представительством, что она является издевательством над стремлением рабочего класса и всего народа к свободе и призвана служить лишь укреплению самодержавного строя; «единственным путем завоевания действительного народного правления является созыв всенародного Учредительного собрания Временным революционным правительством, органом победоносного вооруженного восстания». Признавая гегемонию пролетариата в революции, сходка призвала учащуюся молодежь к интенсивной революционной работе, к содействию рабочему классу в организации сил к открытой борьбе²¹. Студенческая сходка постановила: «1. Отложить объявление забастовки впредь до того момента, когда это будет выгодно по соображениям революционной тактики. 2. Исключительно в этих целях открыть университет для развития в его стенах и вне их широкой работы по подготовке надвигающейся решительной борьбы. 3. Использовать все средства к усилению революционной деятельности студенчества путем устройства всенародных митингов и организа-

ции академического легиона, как одного из отрядов при-
мыкающих к великой армии борющегося за народную
свободу рабочего класса»²².

Мысль о руководящей роли пролетариата в револю-
ции, об организации народных собраний «явочным поряд-
ком» особенно четко отражена в решении сентябрьской
сходки студентов Технологического института, на кото-
рой присутствовало более тысячи человек: «Принимая во
внимание, что современное революционное движение
черпает свои силы и идет под напором пролетарских масс,
руководимых наиболее сознательной частью пролетариата
— социал-демократией, что пролетариат является един-
ственной последовательной революционной силой... мы,
как граждане, считаем необходимым слить свои силы с
главнейшей силой современного освободительного дви-
жения — пролетариатом, идущим под знаменем социал-
демократии, ибо только на фоне движения рабочих масс
революционная демократия может сыграть более или ме-
нее значительную роль»²³.

Студенты-технологи заявляли, что они «вводят дей-
ствительную автономию взамен «дарованной», открывают
двери института и для народных собраний, организуют
кафедры политических знаний для народа и готовы пойти
далее вплоть до превращения учебных заведений в ре-
волюционные трибуны восставшего народа»²⁴.

Как и студенты университета, сходка технологов за-
писала в своем решении: «Единственным путем завоева-
ния действительного народного правления является *созыв
Учредительного собрания Временным революционным
правительством, органом победоносного народного воору-
женного восстания*»²⁵.

Студенты Горного института в резолюции от 22 сен-
тября выражали уверенность, что «грядущее вооруженное
восстание является исторической необходимостью», и
призвали товарищей принять активное участие в борьбе
народа против правительства²⁶.

Кроме университета, Горного и Технологического ин-
ституты студенческие сходки состоялись в сентябре в
следующих высших учебных заведениях столицы: Военно-
медицинской академии, в Политехническом, Граждан-
ских инженеров, Женском медицинском институтах, на
Бестужевских курсах, курсах профессора Лесгафта²⁷.
На всех этих сходках были приняты мотивированные

решения об открытии учебных заведений в целях органи-
зации в их аудиториях и залах народных собраний и
митингов.

«Повсюду по высшим учебным заведениям,—сообщал
агент ЦК в России в газету «Пролетарий»,— нам удалось
провести свою тактику открытия университетов и устрой-
ства в них всенародных митингов с привлечением на них
широких рабочих масс»²⁸.

Решения об открытии высших учебных заведений во
имя революционного воспитания и организации народных
масс в сентябре 1905 г. были приняты демократическим
студенчеством и в других городах — Киеве, Одессе, Харь-
кове, Казани, Риге, Юрьеве²⁹. Таким образом, организа-
торская и политическая деятельность большевиков в сре-
де учащейся молодежи позволила открыть двери универ-
ситетов и аудиторий, и они стали «местами собраний для
тысяч и тысяч рабочих, ремесленников, служащих, кото-
рые открыто и свободно обсуждали политические вопро-
сы»³⁰.

Влияние нашей партии на демократическое студенче-
ство вынуждены были признать даже представители
либеральной буржуазии. Так, в корреспонденции из Петер-
бурга, помещенной в октябрьском номере берлинской га-
зеты «Vossische Zeitung», указывалось: «Ход студенче-
ских собраний и резолюции их показывают, что студенче-
ство приняло пароль социал-демократических вождей:
превращать университеты в места народных собраний и
таким образом нести революцию в широкие слои населе-
ния»³¹.

В. И. Ленин дал высокую оценку политическим требо-
ваниям, выдвинутым в резолюциях сентябрьских студен-
ческих сходок, открытому заявлению молодежи о под-
держке тактических лозунгов партии: «На сцену является
радикальное студенчество, которое и в Москве приняло
недавно резолюцию, вполне аналогичную петербургской;
резолюция эта по-настоящему, языком свободных гражд-
дан, а не пресмыкающихся чиновников, клеймит Государ-
ственную думу как наглуго издевку над народом, призы-
вает к борьбе за республику, за созыв временным револю-
ционным правительством действительно всенародного и
действительно учредительного собрания»³².

Решения сентябрьских студенческих сходок явились
началом *нового этапа* борьбы демократического студен-

чества против царского самодержавия: совместно с рабочим классом и под его руководством.

Борющееся студенчество России отстаивало революционные позиции и в решении вопросов демократизации высшей школы, всего дела народного образования в стране. В ходе борьбы оно все отчетливее стало понимать, что проблема демократизации народного образования и высшей школы может быть решена лишь в результате победоносной революции. Об этом свидетельствует и сам факт обсуждения академических вопросов на студенческих сходках лишь после вопросов общеполитических. Так, студенты Петербургского университета после принятия политической программы борьбы 13 сентября дважды — 15 и 19 сентября — собирались и обсуждали академические вопросы. «Мы, студенты, — говорилось в резолюции сходки 19 сентября, — стремимся к полному уничтожению всех существующих сословий, политических, национальных и религиозных ограничений для поступления в университет»³³. Около 3 тысяч студентов на этой сходке наметили конкретные меры демократизации высшей школы:

- 1) признать форму для студентов необязательной*;
  - 2) упразднить институт инспекторов;
  - 3) ввести институт курсовых старост в целях самоуправления и сношения с Советом профессоров;
  - 4) признать принцип «открытых дверей в университете», т. е. принцип приема в университет без различия национальности, вероисповедания, пола и возраста, всех окончивших средние учебные заведения (реальные училища, семинарии, учительские гимназии), а также народных учителей;
  - 5) возвратить в университет явочным порядком всех бывших студентов, исключенных властями по мотивам «политической неблагонадежности»;
  - 6) допускать на все лекции рабочих (включено по предложению присутствовавшего на сходке председателя Общества механических рабочих Петербурга. — П. Г.);
  - 7) удалить из университета реакционных профессоров, указанных в проскрипционном списке.
- (Вместо них студенты приглашали прогрессивных уче-

* Это требование мотивировалось тем, что обязательное ношение формы облегчает агентам охранки слежку и охоту за студентами.

ных, изгнанных из университета или оставивших его по политическим мотивам, занять свои кафедры);

8) отменить существующий порядок выдачи видов на жительство;

9) образовать особую студенческую комиссию для обсуждения некоторых специальных вопросов, как, например, вопроса о введении предметной системы обучения, об отмене присвоенного университету наименования «императорский»³⁴.

Опираясь на решение сходки о допуске рабочих на лекции, комиссии студентов Петербургского университета и слушателей ВЖК вошли в Советы профессоров с ходатайством об открытии бесплатных вечерних народных университетов при этих учебных заведениях с января 1906 г.

«Народный университет, — говорилось в студенческом проекте этого учреждения, — имеет назначение популяризации университетских знаний среди лиц, не имеющих доступа к правильному образованию, и потому имеет аудиторию, состоящую преимущественно из рабочих и рабочих»³⁵. В народном университете предполагалось иметь четыре факультета: общественных и юридических наук, исторической, естественных наук и литературно-художественный*.

Антиправительственная программа движения студенчества, принятие решений об открытии учебных заведений не столько в интересах академических, сколько в целях политического просвещения и организации народных масс не могли не вызвать тревоги и ответной реакции со стороны правящих кругов царской России, реакционно-монархической части студенчества и профессуры.

Однако правительство Николая II колебалось: оно опасалось, что прямой приказ о закрытии «автономных» университетов и институтов вызовет волну решительного протеста не только со стороны радикальной части студенчества и профессоров, но и общественности страны.

Сначала правительство решило оказать давление на либеральную профессуру. Своим постановлением «О ме-

* В декабре 1905 г., когда подготовка к началу занятий в народном университете заканчивалась (получено разрешение ректора, согласие ряда профессоров читать лекции), правительство запретило его открытие в столице.

рах для поддержания правильного течения академической жизни» правительство обязало Советы профессоров «наладить правильные академические занятия, не допускать «политических сборищ с присутствием посторонних университету лиц». В случае «невозможности оградить порядок собственными средствами» правительство предлагало им «обращаться к содействию гражданских (читай: полицейских.— П. Г.) властей»³⁶. Советы ряда высших учебных заведений, состоявшие в большинстве из либерально-монархической профессуры, испугавшись расширения революционного пожара, как по команде принялись энергично тушить его в стенах университетов и институтов. Советы профессоров Московского и Казанского университетов, институтов Гражданских инженеров и Горного приняли решения, воспрепятствовавшие студентам устраивать сходки «в присутствии посторонних», угрожая молодежи в случае неподчинения закрыть учебные заведения³⁷.

В. И. Ленин подверг резкой критике трусливые действия либеральных профессоров господ Трубецких и Мануиловых и указал на тщетность их попыток потушить пламя революции: «Они закрыли университет в Москве, боясь бойни в университете. Они вызвали только еще скорее несравненно более крупную бойню на улице. Они хотели затушить революцию в университете, они только зажгли революцию на улице. Они попали в хорошие тиски, вместе с господами Треповыми и Романовыми, которых они бросились теперь убеждать в необходимости свободы собраний: закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу»³⁸.

Уже никакие постановления «властей предрержащих» и угрозы перепугавшейся профессуры в адрес учащейся молодежи не могли сдержать бурный поток революционных событий.

Социал-демократические организации в высших учебных заведениях, действуя через представительные органы*, успешно преодолевали всевозможные рогатки учеб-

* Студенческие органы самоуправления — Советы старост, Центральный университетский орган избирались на основе всеобщего,

ной администрации и, опираясь на волю революционных масс, продолжали предоставлять помещения университетов для народных собраний. В одной из корреспонденций из Петербурга студент-большевик сообщал в редакцию газеты «Пролетарий»: «В некоторых высших учебных заведениях профессорские коллегии не могут не делать того, что предписывают им наши группы: за последними стоит масса, понимающая, что для нее выгодно опираться на грозную социальную силу, которую представляет пролетариат, и ее поддерживать...»³⁹.

Несомненно, что решения студенческих сходок об открытии учебных заведений и предоставлении залов и аудиторий для народных собраний имели важное значение в дальнейшем развертывании революционного движения в стране, подготовке всероссийской политической стачки, в политическом воспитании молодежи.

Трибуны народных революционных собраний

В октябре 1905 г. революция шла на подъем. Во всероссийской политической стачке участвовали миллионы рабочих и мелких служащих. Движение демократически настроенного студенчества достигло небывалого размаха и напряжения.

Интересы революции требовали усиления агитационной работы большевиков в массах. Проблема трибун, с которых можно было бы разговаривать с аудиторией, агитировать массы словом большевистской правды, приобретала первостепенное значение в тех труднейших условиях деятельности нашей партии.

В дни подготовки и проведения всероссийской политической стачки во многих городах страны возникла и стала широко практиковаться такая форма проявления революционной энергии и организации масс, как народные сходки и митинги. Собрания сотен и тысяч рабочих, служащих, интеллигенции, учащихся организовывались у фабричных

прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, являлись высшим исполнительным органом для ведения студенческих дел. Они создавали различные комиссии (библиотечную, столовую, стипендиальную, биржи труда, судебную), организовывали научные кружки, общестуденческие сходки, ведали сношением с Советом профессоров, с общественно-политическими организациями.

и заводских ворот, в помещениях учебных заведений, рабочих клубов, в скверах и других местах скопления народа. Так, забастовавшие в сентябре типографские рабочие Москвы вначале собирались в скверах и на бульварах, но полиция и казаки разгоняли собрания.

Решения студенческих сходок, состоявшихся в сентябре, открывали нашей партии перспективы широкого использования помещений высшей школы в интересах революционного воспитания и мобилизации рабочего класса, всех демократических слоев населения.

Анализируя предпосылки возникновения октябрьской политической стачки, В. И. Ленин отмечал важную роль в этом высшей школы и организуемых там студенческих сходок: «Завязкой московских событий,— писал он,— были происшествия чисто академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную «автономию», или якобы автономию, университетам... Студенты получили право сходок... На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат»¹.

Действительно, уже на первое народное собрание, состоявшееся 21 сентября в Московском университете, прибыло свыше 3 тысяч рабочих и студентов². Большинство из «посторонних» (около тысячи человек) составляли рабочие-печатники, первыми начавшие осенью забастовку.

Революционные народные митинги, проходившие в октябрьские дни 1905 г. в высших учебных заведениях страны, явились как бы продолжением общестуденческих сентябрьских сходок «с участием посторонних лиц». Уже во второй половине сентября студенческие сходки в ряде учебных заведений стали превращаться в политические народные митинги, в которых участвовали рабочие, демократическая интеллигенция, молодежь других учебных заведений города. Вот как описывает корреспондент газеты «Пролетарий» один из первых политических митингов: «17 сентября на курсы Лесгафта собралась огромная толпа, среди которой была масса (не менее 500 человек...) рабочих. Все залы были заняты, и собрания... превратились в дискуссию между с.-д. и с.-р... Выбирают бюро из рабочих. Председатель предлагает разобрать вопрос об отношении

рабочих к Государственной думе... Говорили «большевики» и «меньшевики»... Один рабочий-большевик в короткой речи довольно удачно возразил на некоторые пункты в речах противников... Порешили превращать в митинги все предстоящие студенческие сходки, назначили ближайший митинг и разошлись»³.

Студенческие сходки с приглашением на них представителей рабочих коллективов состоялись по второй половине сентября и в других учебных заведениях столицы: в Политехническом институте (2), в Институте гражданских инженеров (1 при участии 6 тысяч рабочих), собрание в Горном институте (1) и университете (1 — присутствовало около 1500 рабочих и работниц). Подобные сходки-митинги с участием рабочих во второй половине сентября состоялись в помещениях высших учебных заведений Москвы, Киева, Екатеринослава, Харькова, Одессы и других городов⁴.

Как уже отмечалось, в сентябре ЦК РСДРП обратился со специальным воззванием «Ко всей учащейся молодежи»⁵. В этом обращении ЦК партии высоко оценивал заслуги революционно-демократического студенчества в освободительной борьбе пролетариата: «Многие из вас борются вместе с нами под общим знаменем, *громadное большинство из вас принимает наши лозунги* (подчеркнуто нами.— П. Г.) и поддерживает пролетариат в его борьбе с царизмом».

ЦК РСДРП выражал твердую уверенность, что демократическое студенчество не сложит оружие «до тех пор, пока не падет царизм и не будет создано революционным путем всенародное Учредительное собрание».

Разъяснив тактическую установку партии об открытии университетов, ЦК РСДРП призывал борющееся студенчество воспользоваться аудиториями как трибунами для обличения царизма, превратить их в штаб-квартиры своей революционной работы. ЦК партии выражал также уверенность, что революционно-демократическое студенчество сумеет явочным порядком собрать народные митинги, использовать университет в целях подготовки совместно с пролетариатом вооруженного восстания, концентрации и организации своих боевых сил, создания «академических легионов»⁶.

Воззвание ЦК РСДРП, в котором партия рекомендовала демократической молодежи всю свою общественно-

политическую деятельность подчинить главной задаче революционного момента — подготовке всеобщей политической забастовки и вооруженного восстания, стала боевой программой борьбы революционно-демократического студенчества.

Естественно, что эта программа, отразившая революционный пафос, ясность целей и средств освободительной борьбы, разделялась далеко не всей учащейся молодежью. Было немало и противников революционного курса в либерально-монархическом лагере российского студенчества. Поэтому от представителей нашей партии в «студенческих парламентах» (Коалиционных советах, Советах старост) потребовалось много энергии и находчивости, чтобы провести в жизнь линию ЦК РСДРП о превращении высших учебных заведений в очаги и трибуны революции. Студенты-большевики, имевшие большой авторитет в студенческих органах самоуправления, настойчиво и последовательно старались осуществлять эту линию партии явочным порядком. Ярким свидетельством авторитета нашей партии среди революционно настроенного студенчества является численный рост большевистских организаций высших учебных заведений. Так, в октябре 1905 г. большевистская фракция студенческой социал-демократической организации Петербургского университета насчитывала 104 человека⁷.

О политическом авторитете большевиков в демократических студенческих организациях свидетельствует и агент ЦК РСДРП Мартын Лядов: «Вопреки меньшевикам и эсерам в период с октября 1905 г. по январь 1906 г., — пишет он, — большинство организаций учащихся шло за большевиками, активно участвовало во всеобщей политической забастовке и вооруженном восстании»⁸.

Опираясь на революционный подъем в стране, на ясно выраженную волю большинства студенчества, социал-демократические организации умело проводили тактику «давления снизу» на Советы профессоров, и последние, как правило, вынуждены были считаться с общественным мнением и нередко игнорировали распоряжение царских властей о запрещении публичных сходок в стенах университетов и институтов.

Революционно-демократическое студенчество сумело

воспользоваться замешательством, отступлением царизма под натиском революционного народа, еще шире открывало двери аудиторий для сходок-митингов с участием рабочих. «Нет ни одного, кажется, высшего учебного заведения, — сообщал корреспондент из Петербурга, — где не было бы одного, а то и двух, трех и четырех митингов. Митингами бывают заняты не только актовые залы, но и чертежные аудитории»⁹.

В октябре 1905 г. в помещениях высшей школы митинги уже организовывались и назначались (по согласованию со студенческими органами самоуправления) комитетами РСДРП, Советами рабочих депутатов, профессиональными союзами. На народные митинги «приглашались рабочие посредством особых объявлений, которые распространялись на заводах», за несколько дней до собрания¹⁰.

Организации народных митингов наша партия уделяла большое внимание. Так, ПК РСДРП возложил на «Объединенную социал-демократическую организацию студентов С.-Петербурга» ответственность за подготовку и проведение сходок-митингов в высших учебных заведениях. В начале митинговой кампании Петербургский комитет РСДРП создал специальную «коллегию митинговых ораторов», в которую послал своих лучших ораторов, в их числе студентов-большевиков Н. В. Крыленко, П. С. Араратова, С. Н. Дранищина, Д. З. Мануильского, В. А. Энгеля, А. М. Эссена и др.¹¹

Социал-демократическая студенческая молодежь охотно вступала в «коллегию ораторов», отдавая этому делу много сил и времени, выступая подчас на митингах по пять-шесть раз в день. «Вчера (18.X), напр., в актовом зале университета, — сообщал корреспондент из Петербурга, — целый ряд наших студентов-большевиков (4) произнесли речи на след. темы: об аграрном вопросе, о пролетариате и крестьянстве и их ближайшей задаче, о профессиональных союзах, о Госуд. думе и всеобщей стачке»¹².

Ответственному агитатору ПК РСДРП Б. М. Кнунянцу было поручено «выработать программу для митинговых ораторов и распределять силы коллегии так, чтобы на всех митингах были ораторы комитета»¹³.

Впервые в истории России большевики стали осуществлять явочным порядком свободу собраний, слова.

На этих собраниях происходила принципиальная, острая борьба по программным и тактическим платформам борющихся партий и классов. Ораторы-большевики с революционным пафосом, смело и убедительно говорили о тактике своей партии, разработанной на III съезде РСДРП и обоснованной в работе В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». На сходках-митингах, проходивших осенью 1905 г. в учебных заведениях, обсуждались, в частности, такие вопросы: о Временном революционном правительстве и диктатуре пролетариата и крестьянства, об отношении РСДРП к булыгинской Думе, об организации политической стачки, о необходимости создания боевых дружин, о «задаче решительной вооруженной борьбы»¹⁴.

Тактические лозунги большевиков находили все большее признание среди рабочих и революционного студенчества. Тот, кто еще вчера находился под влиянием эсеров и меньшевиков, сегодня переходил на позиции большевиков: «Социал-революционеры разбиты, — сообщал корреспондент «Пролетария», — теперь ведется борьба с меньшевиками... Среди учащихся, несомненно, социал-демократами одержана блистательная победа»¹⁵.

Меньшевикам с каждым днем становилось все труднее защищать свою точку зрения по вопросам революции. В ряде случаев они пасовали, не являлись на собрания, на которых обсуждались вопросы тактики РСДРП. «Недавно не состоялись две дискуссии (у бестужевков и лесгафтичек) исключительно потому, что не было ни одного меньшевика, который взялся бы защищать их точку зрения»¹⁶, — отмечал корреспондент из Петербурга.

Речи ораторов-большевиков, выражавших сокровенные мысли и чаяния миллионов масс, подобно набатному звону, поднимали слушателей на борьбу, зажигали их сердца ненавистью к строю произвола и несправедливости. Об одном из таких ораторов, выступавшем на сходке-митинге в университете в присутствии более тысячи рабочих Москвы, рассказывает ее участник: «Огромнейшее впечатление произвела речь одного большевика. Вот — оратор! Это — огонь! Это художник слова, истинный народный трибун!... Аудитория вся тряслась от восторга, после его речи больше никто не решился взять слово»¹⁷.

А вот свидетельство другого очевидца: «Громадный зал битком набит, люди стоят на подоконниках. Какая

выдержка царствует у тысячной толпы рабочих на этих митингах! Слушают с напряженным вниманием, не шелохнувшись, несколько часов подряд. Толпа в несколько тысяч — и мертвая тишина, в которой раздается лишь взволнованный голос оратора... И каждый из этих рабочих несет в среду товарищей те семена социал-демократической мысли и тактики, которые сеются ораторами...»¹⁸

Трудно переоценить роль народных митингов, происходящих в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Харькова и других городов, в революционном воспитании масс, в подготовке всеобщей политической стачки в октябре 1905 г.

Для лучшего уяснения характера обсуждаемых на митингах вопросов и принимаемых решений приведем краткую хронику событий, имевших место в стенах Петербургского университета в первой половине октября 1905 г.

Задолго до начала политической сходки-митинга, назначенной на вечер 1 октября, со всех районов столицы стали подходить к университету группы народа: рабочие, студенты, курсистки, интеллигенты, служащие. К началу собрания не только актов зал, но и прилегающий к нему трехсотметровый коридор были заполнены народом. Более 3 тысяч из 5, прибывших на собрание, были рабочие. Это уже не «темный рабочий люд, — справедливо замечает автор брошюры «1905 г. в Петербургском университете», — это люди с сознанием огромной задачи, возложенной на них исторической судьбой нашей родины»¹⁹. Председателем сходки был избран председатель Совета старост большевик В. А. Энгель.

В программе митинга* стояли следующие вопросы:

1. Нарастание либеральной буржуазной оппозиции в зависимости от развития рабочего движения.
2. Анализ классовой тактики буржуазных партий, в частности в отношении Государственной думы.
3. Диктатура пролетариата и крестьянства.
4. Вооруженное восстание и Временное революционное правительство²⁰.

По первому вопросу выступило более десяти ораторов. Ораторы-большевики резко критиковали либералов,

* По агентурным сведениям охранки, эта программа была разработана ЦК РСДРП.

их трусливое, предательское поведение в революции, указывали, что для победы революции необходимо, чтобы рабочий класс боролся в союзе с крестьянством, выступил бы гегемоном революции, организатором вооруженного восстания. «Общий характер речей,— говорится в записке начальника столичной охранки,— призыв к борьбе с правительством и к подготовке вооруженного восстания»²¹.

Иначе рассуждали меньшевики: «Для объединения всех оппозиционных сил в данный момент,— говорили они,— допустимо тактическое соглашение с либералами»²². Ораторы-меньшевики, подчеркивая революционность либеральной буржуазии, убеждали слушателей, что рабочий класс должен помочь ей прийти к власти. Их речи, по свидетельству очевидца, не находили поддержки у присутствовавших на митинге людей.

По второму пункту повестки дня на собрании также проходила острая борьба между представителями различных партий. Речи ораторов, призывавших к бойкоту выборов в Государственную думу и клеймивших думскую тактику либеральной буржуазии как измену делу революции, встречали одобрение аудитории. «Студентами руководит здоровый революционный инстинкт, поддерживаемый их общением с пролетариатом, когда они усердно отгораживаются от конституционалистов-демократов и дискредитируют этих конституционалистов-демократов в глазах народа»,— писал В. И. Ленин в октябре 1905 г. в статье «Обострение положения в России»²³.

Горячо говорили ораторы по третьему вопросу — о диктатуре пролетариата и крестьянства: «Как хлеб насущный необходимо осуществить экономические требования пролетариата и крестьянства. Социалистичен один пролетариат, он же и поведет крестьян... к конечной цели — царству социализма»²⁴.

Только в первом часу ночи закончилось это собрание, наглядно продемонстрировавшее рост популярности большевистской политической платформы в пролетарской и радикальной студенческой среде.

2 октября в университетской столовой состоялось собрание организованных рабочих, на котором присутствовало около 400 человек. На собрании был прочитан реферат о внутрипартийных разногласиях в РСДРП. Выступавшие оппонентами меньшевики потерпели полное

поражение и вынуждены были под шум и смех присутствовавших покинуть собрание²⁵.

3 октября в актовом зале университета стихийно собралась студенческая сходка в связи с избиванием учащейся молодежи на улицах столицы 2 октября солдатами конной гвардии. В почти единогласно принятой резолюции говорилось: студенты видят, что действительным средством борьбы «может быть лишь решительное, организованное, вооруженное выступление широких масс во главе с пролетариатом»²⁶.

5 октября на митинге в университете присутствовало около 12 тысяч человек, в том числе до 7 тысяч рабочих. На этом митинге обсуждались вопросы, связанные с началом политической забастовки на ряде предприятий Петербурга и тактикой рабочих в нарастающей революции²⁷. «До сих пор мы, рабочие,— говорил оратор,— боролись за улучшение экономической стороны своего быта. Но теперь мы все знаем, что увеличением своего грошового заработка... не изменится наша тяжелая трудовая жизнь. Перед нами уже иное требование: долой капитализм, долой тот строй, который поддерживает его!»²⁸

11 октября в актовом зале, аудиториях и во дворе университета состоялся четвертый политический митинг (в нем участвовало более 10 тысяч рабочих, интеллигентов и студентов). В больших аудиториях происходили собрания по профессиям и районам: железнодорожники, металлурги, печатники и т. п. Именно на этом собрании рабочие-железнодорожники, рабочие и служащие предприятий и учреждений столицы приняли решение: начать с 12 октября всеобщую политическую стачку²⁹.

Решение начать всеобщую политическую стачку рабочих Петербурга было принято в тот же день и на митинге рабочих, состоявшемся в помещении Военно-медицинской академии³⁰. В эти дни прекратили работу коллективы многих крупнейших предприятий Петербурга.

Пятый народный митинг в университете состоялся вечером 14 октября вопреки постановлению кабинета министров от 12 октября, категорически воспрещавшему проведение в учебных заведениях «каких-либо сборищ с участием посторонних лиц»³¹.

Вечером 14 октября на собраниях и митингах в высших учебных заведениях столицы участвовало около 40 ты-

сяч человек. Ораторы говорили «о необходимости вооружаться холодным и огнестрельным оружием... создать боевые дружины рабочих»³². На всех митингах проводился сбор средств на вооружение рабочих³³.

Собрания и митинги в университете 14 и 15 октября проходили уже под охраной вооруженных студентов, записавшихся в «академическую дружину». Дружинники поддерживали строгий порядок во дворе и внутри здания университета, по окончании митинга они выпускали рабочих небольшими группами. Благодаря этому была предотвращена провокация, которая могла бы привести к столкновению с войсковым нарядом, окружившим здание университета. В дальнейшем студенты-дружинники несли охрану штаб-квартиры Петербургского комитета РСДРП.

На сходке-митинге в институте Гражданских инженеров студенты решили «химическую лабораторию института обратить под фабрику бомб»³⁴. А собрание 3 тысяч рабочих и студентов Военно-медицинской академии 14 октября решило: «Сего числа приступить к вооруженному сопротивлению, организовать «летучие отряды» из медиков для оказания помощи раненым при стычках»³⁵.

Шестой народный митинг в университете состоялся вечером 15 октября 1905 г.

Настроение участников митинга было боевое. На предупреждение распорядителей митинга, что здание университета окружено солдатами кавалерийского полка и может произойти столкновение, рабочие заявили: «Пусть только посмеют..!»

Рабочие и студенты, участники собрания в университете, единодушно приняли следующую резолюцию: «Ввиду того, что: 1) рабочий класс находится накануне того момента, когда ему придется открыто вступить в последнюю решительную борьбу с царским самодержавием; 2) всеобщая политическая забастовка является первой ступенью, с которой рабочий класс, объединившись в боевой союз со всеми революционными элементами страны, пойдет дальше по пути революции и полного уничтожения самодержавия, мы решили: 3) превратить армию забастовавшего рабочего класса в армию революционную; 4) немедленно организовать боевые дружины, которые должны заботиться о вооружении остальной массы путем захвата портовых складов и арсеналов и

обезоруживания полицейских и войсковых частей»³⁶. К сожалению, по вине меньшевиков, захвативших руководство в Петербургском Совете, эти решения не были претворены в жизнь. Меньшевики считали, что восстание — стихийный процесс и подготовить его невозможно. И они его не готовили.

Совместное проведение политических сходок и митингов и принятие резолюций по важнейшим вопросам революционной тактики настолько сблизило рабочих и радикальных студентов, что, как отмечал В. И. Ленин, их «перестают уже считать посторонними друг другу при открытых народных выступлениях»³⁷.

19-го в здании университета состоялся последний, седьмой в октябре митинг, участники которого заявили решительный протест против избиения и расстрела участников мирной манифестации 18 октября на улицах столицы.

Уже на второй день после опубликования царского манифеста о «свободах» реакция перешла в наступление, в Москве был убит черносотенцами Н. Э. Бауман, а 20 октября, в день его похорон, казаки и жандармы стреляли по манифестантам возле здания университета. 19 октября у входа в «автономный» университет были выставлены наряды солдат и полиции.

Народные сходки-митинги с участием тысяч рабочих в первой половине октября проводились во всех высших учебных заведениях Петербурга. Только за период с 1 по 15 октября 1905 г. состоялось 22 * митинга³⁸. По сообщению корреспондента «Пролетария», на этих митингах обсуждались те же вопросы, что и на митинге 1 октября в университете: «Главной и основной темой является отношение к Государственной думе и вопросы о вооруженном восстании, о Временном революционном правительстве, о диктатуре пролетариата и крестьянства»³⁹.

По всем основным вопросам, обсуждавшимся на этих митингах, большевики одерживали победу: «Преобладающее влияние на митингах, — сообщалось в одной из корреспонденций из Петербурга, — имеет не только социал-демократия вообще (с.-р. и анархисты лишь изредка высказывают), но, в частности, большевики»⁴⁰.

Сходки-митинги с участием «посторонних лиц» проис-

* Подсчитано автором.

ходили в октябре 1905 г. в высших учебных заведениях и других городах империи, правда не так часто, как это было в столице. И все же только в четырех университетах (Московском, Киевском, Одесском и Юрьевском) и в Киевском политехническом институте в течение двух недель октября состоялось 12 сходок-митингов с участием тысяч рабочих, ремесленников, служащих, интеллигентов⁴¹. Везде во время митингов происходил сбор средств на вооружение, на организацию боевых дружин, в кассу РСДРП, распространялись листовки и другая нелегальная литература.

Революционно-демократическое студенчество Петербурга предоставило помещение для заседания Совета рабочих депутатов — легального органа по руководству политической стачкой в столице. Так, 13 октября в физической аудитории Петербургского технологического института состоялось первое заседание Петербургского Совета рабочих депутатов — собрание уполномоченных от 40 рабочих коллективов столицы⁴².

Второе и третье заседания Петербургского Совета состоялись 14 и 15 октября также в здании Технологического института. В эти знаменательные дни охрану здания института от вторжения полиции взяла на себя студенческая боевая дружина⁴³.

Октябрьская политическая забастовка в ряде городов России перерасала в открытые вооруженные столкновения рабочих и студентов с царскими войсками, казаками и полицией. Так, вечером 15 октября, когда было получено сообщение, что Трепов отдал приказ занять войсками Технологический институт, студенческая дружина решила остаться в здании после окончания митинга, чтобы воспрепятствовать проникновению солдат в помещение института. Все входы в институт были закрыты и охранялись дружинниками.

Рано утром 16 октября войска окружили здание Технологического института. Забаррикадовавшимся студентам было предложено немедленно оставить помещения института, около 100 студентов отказались это сделать. Тогда началась осада института войсками, продолжавшаяся два дня. Вечером 17 октября, когда защитники института отклонили ультимативное требование властей покинуть здание, по приказу командира Семеновского гвардейского полка полковника Мина начался обстрел

института, который продолжался в течение нескольких часов. И лишь в ночь на 18 октября в здание института ворвались войска и студенты-дружинники были арестованы⁴⁴.

Революционное студенчество скептически отнеслось к царскому манифесту о свободах, готовилось продолжать борьбу. Газета «Пролетарий» сообщала, что в эти дни студенты ряда учебных заведений Петербурга продолжали формировать «академические дружины» и отряды Красного Креста⁴⁵.

Царское правительство и правящие круги России, мстя учащейся молодежи за ее активное участие в революции, развернули кампанию неслыханной травли, открыто призывали к избиению демократической молодежи. В середине октября во всех церквях читались молитвы, составленные епископом Никоном, с призывом к «мирянам» расправиться с «крамольными» студентами и интеллигентами. С подобными призывами к «истинным русским патриотам» обратились «Московские ведомости» — рупор монархистов-черносотенцев. В течение недели (с 15 по 22 октября) черносотенные банды рыскали по улицам Москвы, набрасывались на проходивших студентов, избивали их, а оказывавших сопротивление хватали и вносили в полицию⁴⁶.

Кровавый разгул черносотенцев заставил студенческие революционные организации поторопиться с созданием своих боевых дружин, закупкой и изготовлением оружия.

15 октября во дворе Московского университета состоялся студенческий митинг с участием рабочих (всего более 2 тысяч человек). К университету были двинуты заранее подготовленные отряды черносотенцев из завербованных охранкой и полицией приказчиков Охотного ряда и уголовных элементов.

Когда банда пьяных молодчиков добралась до здания университета и с шумом и гамом двинулась во двор, пустив в ход кулаки и дубины, то получила достойный отпор от дружинников, охранявших митинг. В это время стало известно, что полиция при содействии войск намерена арестовать всех участников митинга. По инициативе студентов-большевиков, присутствовавших на митинге, была организована оборона университета. Вскоре войска окружили университет. Так началась знаменитая двух-

дневная осада. Осажденные студенты и рабочие возвели баррикады во дворе и у входов в здания университета, избрали штаб обороны во главе с членом МК РСДРП большевиком М. И. Васильевым-Южиным⁴⁷. Однако у осажденных было мало оружия для обороны здания университета от регулярных войск.

На второй день Совет университета, указав на явную провокацию черносотенцев, потребовал от властей выпустить всех осажденных студентов без обыска, на что градоначальник, боясь обострения и расширения конфликта в городе, вынужден был согласиться.

В другом университетском городе — Томске черносотенцы учинили массовое избиение революционно настроенной молодежи и интеллигенции. 20 октября они подожгли здание, в котором рабочие и студенты собрались на митинг. В огне, от пуль, ножей и кольев пострадало около 200 человек⁴⁸.

Непосредственное участие в вооруженных стычках народной милиции с полицией и казаками, развернувшихся 16 октября в Одессе, приняли студенты тамошнего университета. Основное ядро городской народной милиции, созданной Временным комитетом городской думы, составлял отряд студенческой молодежи. Знаменательна характеристика, данная полицейскими властями боевым действиям студенческого отряда милиции в Одессе в период с 16 по 19 октября: «Студенческая милиция участвовала во всех беспорядках, поддерживала революционеров и действовала с ними против войск и полиции», а университет «служил складом оружия для бунтовщиков, а по некоторым данным, в лабораториях его изготовлялись взрывные снаряды»⁴⁹.

Правительство решило покончить с «автономной» высшей школой — опасным очагом «революционной бациллы». 19 октября 1905 г. по его распоряжению на дверях высших учебных заведений столицы были вывешены объявления о их закрытии «на неопределенный срок», а у входа в них поставлены войсковые караулы⁵⁰. К концу октября все (за исключением Киевского политехнического института) высшие учебные заведения страны были закрыты.

В октябрьские дни 1905 г. заметно ускорился процесс политической, партийной дифференциации в среде российского студенчества. Отмечая углубление классовых

противоречий в революционном 1905 г. и образование различных политических партий в стране, листовка «Объединенной студенческой организации» при ПК РСДРП указывала, что и «в нашей среде уже происходит партийная дифференциация, «академисты», «академисты-политики», конституционалисты-демократы, освобожденцы, социалисты-революционеры и социал-демократы — вот в общих чертах существующие группы»⁵¹.

После издания царского манифеста о «свободах» происходит заметное расхождение взглядов в студенческой среде по вопросам дальнейшей тактики в революции. Так, студенты, разделявшие политическую платформу партии кадетов, стали отходить от революции, удовлетворенные, как и их отцы, манифестом 17 октября. Позиция кадетствующих студентов была верно отражена ораторами из лагеря «академистов» Петербургского университета на митинге 17 октября: «Университет для науки, — говорили они, — и пусть в этом здании заседает военно-полевой суд — он не может сойти с пути науки»⁵².

Значительные колебания были и в поведении студентов — меньшевиков и эсеров, растерянность их особенно заметно усилилась после разгрома декабрьского восстания.

Непримиримую к самодержавию позицию по-прежнему занимали студенты-большевики и та часть радикально настроенной молодежи, которая разделяла тактические лозунги нашей партии, в частности оценку большевиками царского манифеста и перспектив развития революции. Они ни на минуту не прекратили борьбы с силами самодержавия, стремились не упустить случая для нанесения ударов по врагу.

Поскольку после закрытия властями высших учебных заведений значительная часть студентов выехала из университетских городов на родину, а оставшаяся не могла собираться в университетах на сходку, а следовательно, публично сформулировать политическую платформу дальнейшей борьбы, то, очевидно, нам трудно говорить о позиции борющегося студенчества *in concreto*. Но в известной степени тактическую линию поведения революционного студенчества можно проследить на примерах деятельности органов студенческого самоуправления.

Последовательно революционную позицию занимали те выборные органы студенческих коллективов, во главе

которых стояли большевики. Такую позицию, например, занимал Совет старост Петербургского университета*.

В ответ на решение правительства о закрытии университета и охране его войсками Совет старост собрал 23 октября в столовой сходку, на которой студенты заявили решительный протест против полицейского произвола правительства⁵³. Совет старост университета принял меры к вооружению академической дружины: 24 октября он потребовал от Совета профессоров выделить средства на закупку оружия для «академического легиона» в целях самообороны студентов от черносотенцев и полиции. Получив отказ, Совет старост 27 октября обратился в городскую Думу с аналогичным требованием.

28 октября Совет старост опубликовал в газете «Новая жизнь» «Открытое письмо ко всем гражданам столицы», в котором клеймил действия царского правительства, «вступившего в братский союз со всеми тайными силами страны», и призвал «к организации вооруженного отпора черной сотне». Сообщая о создании «академического легиона» из студентов, Совет старост призывал всех праждан «оказать необходимую материальную помощь в деле его вооружения»⁵⁴.

По-боевому была настроена и значительная часть студенчества Лесного института. Так, 27 октября собравшаяся в столовой института полулегальная сходка, обсудив вопрос об отношении студентов к современному положению России, постановила: «1) Мы, студенты Лесного института, считаем необходимым вооружиться для борьбы с контрреволюцией... 2) вопрос о технике вооружения студенческой дружины будет выработан социал-демократической группой»⁵⁵.

Черносотенная реакция питала особую ненависть к слушателям курсов профессора Лесгафта, принимавшим деятельное участие в революционной работе большевиков. На курсах работала одна из сильных студенческих большевистских организаций. В помещении курсов с конца сентября происходили митинги, партийные собра-

* 12 октября 1905 г. в Совет старост было избрано 22 студента, из них: 16 социал-демократов, 1 кадет, 1 эсер и 4 беспартийных студента. Председателем был избран студент-юрист большевик В. А. Энгель, секретарем — А. Кучеровский, а после убийства его черносотенцами в ноябре — И. И. Корель, также большевик.

ния, на которых выступал В. И. Ленин и другие видные деятели нашей партии.

Рабочие Нарвской заставы решили «с оружием в руках защищать курсы Лесгафта, если на них будет произведено нападение»⁵⁶.

Большевики Петербурга проводили агитацию среди революционно-демократического студенчества, чтобы оно усилило нажим на правительство, добилось в интересах революции снятия военной осады и открытия учебных заведений. Помимо основного мотива — использования университетских аудиторий и залов для проведения народных собраний — наша партия добивалась открытия учебных заведений также потому, что в химических лабораториях некоторых учебных заведений большевикам удалось с помощью студенчества и сочувствующей делу революции профессуры наладить изготовление взрывчатых веществ и их хранение.

26 октября на заседании комитета «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» было решено, что «высшие учебные заведения в видах революционной тактики должны быть открыты и предоставлены в полное распоряжение революционного народа»⁵⁷.

Однако царское правительство, учитывая печальный для себя опыт самоуправляющихся учебных заведений, теперь решительно противодействовало открытию их.

Для митингов, партийных и профсоюзных собраний оставались еще студенческие столовые и общежития, но постепенно правительство лишило рабочих и этой возможности. В середине ноября министр просвещения Толстой запретил проведение в студенческих столовых и общежитиях митингов и собраний с участием «посторонних лиц»⁵⁸.

Но вопреки всем запретам и препонам царских властей революционному студенчеству под руководством большевиков удавалось использовать часть помещений учебных заведений для целей революции.

Возьмем к примеру Петербургский технологический институт. Здесь 3 декабря в столовой института проходило совместное совещание членов ЦК, ПК РСДРП и Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов с участием В. И. Ленина. На этом совещании обсуждался

вопрос о вооруженном восстании и закрытии правительством газеты «Новая жизнь»⁵⁹.

Нелегальные партийные собрания, дискуссии по важнейшим вопросам революции происходили в конце 1905 г. в аудиториях и столовых университета, Горного, Политехнического, Электротехнического и Женского медицинского институтов, курсов профессора Лесгафта⁶⁰.

По инициативе социал-демократической организации Московского университета в ноябре 1905 г. был создан московский общестуденческий социал-демократический клуб. Целью этого клуба было «идейное и политическое воспитание учащихся в высших учебных заведениях в духе РСДРП и содействие партии всеми возможными способами»⁶¹.

В докладной записке от 17 ноября 1905 г. петербургский прадоначальник вынужден был признать, что «использование высших учебных заведений в целях революционной подготовки продолжает идти по-прежнему»⁶². Студенческая молодежь производила сборы средств на вооружение боевых дружин, распространяла нелегальные издания.

Принимая решение о прекращении осенью 1905 г. объявленной еще в январе забастовки, революционное и демократическое студенчество России открыто заявило, что оно делает это исключительно в интересах развития и углубления революции, политического просвещения и организации борющегося народа. Несмотря на противодействие реакционных сил, революционному студенчеству удалось на деле осуществить лозунг нашей партии — превратить университетские кафедры в трибуны революционного воспитания широких пролетарских масс. Следует также подчеркнуть, что на сентябрьских сходках демократическое студенчество первым из непролетарских слоев населения поддержало тактику большевиков в отношении проектируемой правительством булыгинской думы.

Своим «нет одобрения» булыгинской думе — жалкой пародии на народное представительство — революционно-демократическое студенчество открыто заявило, что оно будет продолжать бороться вместе с рабочим классом за демократическую республику, за созыв временным революционным правительством действительно всенародного Учредительного собрания⁶³.

Понятно, что принятие демократическим студенчеством революционной тактики РСДРП стало возможным лишь на основе подъема революционного движения в стране, беззаветной борьбы рабочего класса.

Общение демократического студенчества с рабочими на совместных сходках-митингах, несомненно, оказывало благотворное влияние на молодежь, воспитывало в ней чувство высокой гражданственности.

Рабочий класс на деле сумел привлечь на свою сторону радикальное студенчество, являвшееся «авангардом всех демократических сил», побратался с этой молодежью на улицах и в залах университетов⁶⁴. «Соединение пролетариата с революционной демократией... — подчеркивал В. И. Ленин в октябре 1905 г., — становится фактом»⁶⁵.

Политические диспуты на митингах в университетах между большевиками и их противниками из буржуазных и мелкобуржуазных партий о характере и целях, движущих силах революции, об Учредительном собрании, о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве помогали рабочему классу, революционной интеллигенции и учащейся молодежи уяснить правильность большевистской тактики в предстоящих решающих боях. С университетских кафедр большевики разоблачали предательское поведение либеральной буржуазии, псевдоревolutionную тактику эсеров и меньшевиков. Это способствовало тому, что нашей партии в сравнительно короткий срок удалось поднять на революционную, сознательную борьбу десятки и сотни тысяч бойцов, вчера еще слабо разбиравшихся в вопросах классовой политики, в демагогических лозунгах и тактике мелкобуржуазных партий.

Ораторы в популярной форме разъясняли рабочим сущность разногласий большевиков с меньшевиками: «Многие рабочие, которым раньше неясна была разница наших воззрений, — пишет корреспондент из Петербурга, — которые негодовали на нашу «сварку», поняли теперь, что не в слепом «объединении» сила, а в принадлежности к той части партии, тактика которой правильна и революционна»⁶⁶.

В сентябрьские и октябрьские дни 1905 г. в помещениях высшей школы впервые в истории России была явочным порядком завоевана свобода собраний⁶⁷. «Эти

собрания, — пишет в своих воспоминаниях член ПК РСДРП М. М. Эссен, — очень способствовали политическому росту рабочих, помогли им разобраться в партийных спорах»⁶⁸.

Десятки тысяч рабочих только Петербурга воспользовались гостеприимством радикального студенчества, посещали собрания-митинги, организуемые в помещениях высшей школы. О многолюдности сходок-митингов свидетельствуют документы, участники событий и политические деятели, которых трудно заподозрить в преувеличении. Так, в докладе профессора Брандта на съезде «академического союза» говорится: «Особенно многолюдны были митинги в университете и Технологическом институте. В университете число участников доходило до 25 000 человек. Но и в других учебных заведениях митинги были очень многолюдны: в Институте инженеров путей сообщения на митинге 14 октября швейцары насчитывали 11 200 участников»⁶⁹.

А вот свидетельство очевидца — корреспондента большевистской газеты: «Если принять среднее число посетителей митинга в 5 тысяч человек (студенты говорят, что бывает от 3 до 12 тысяч), если принять, что лишь половина состоит из пришедших впервые рабочих, а другая половина из интеллигенции и проч., то получим цифру свыше 50 тысяч рабочих, перебывавших на 20 митингах»⁷⁰. 100 тысяч участников митингов (а приведенные нами выше данные говорят за то, что эта цифра минимальная) в одном городе и лишь за две-три недели — свидетельство немаловажной роли высшей школы в подготовке и организации всеобщей октябрьской политической стачки.

Завоевание права собраний, свободы слова и профессиональной организации в залах и аудиториях университетов и институтов в то время, когда в стране еще господствовала грубая полицейская сила самовластья — серьезная победа борющегося пролетариата и шедшего за ним революционного студенчества. «Значение митингов громадно, — отмечала большевистская газета «Пролетарий». — Расшевеливая, будя мысль и волю лишь части рабочих, они, однако, создают условия возможности устройства митингов заводских, и последние все больше входят в обиход рабочей жизни»⁷¹.

Несомненна заслуга молодежи и в широкой поста-

новке вопроса о демократизации образования в России и первых практических шагах ее осуществления.

Превращение помещений высших учебных заведений в трибуны революции, как уже отмечалось, способствовало возникновению и углублению всероссийской политической стачки. Месячное функционирование высших учебных заведений как школ революционного воспитания и организации российского пролетариата навсегда войдет в славную летопись истории демократического студенческого движения России.

Революция зовет на баррикады

Перерастание политической стачки в вооруженное восстание являлось определяющим фактором развития общественно-политической жизни России осенью 1905 г. Перед большевиками — застрельщиками и организаторами восстания наряду с агитационно-пропагандистской работой на первый план теперь выдвигалась задача военно-технической подготовки восстания, мобилизации широких масс народа на открытую борьбу с царизмом.

В октябре 1905 г. В. И. Ленин пишет статьи «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» и «Задачи отрядов революционной армии», в которых излагает конкретный план подготовки и организации восстания, программу деятельности военно-боевых организаций партии. Критикуя различного рода бумажные схемы и планы вооруженного восстания, В. И. Ленин советовал петербургским большевикам немедленно начать практическую подготовку восстания, изучать военное дело, развернуть энергичную деятельность по созданию боевых дружин. В. И. Ленин рекомендовал перенести центр тяжести в деле подготовки восстания, особенно вооружения, на инициативу, самостоятельность революционных масс. «Идите к молодежи. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих *особенно...* Пусть *тотчас* же вооружаются они сами, кто как может...»¹

Помимо практических советов по подготовке восстания Ленин обращал внимание партийных организаций на необходимость сплочения всех демократических сил для борьбы с царизмом. Во время подготовки и проведения

восстания, указывал Ленин, нельзя требовать создания только партийных (социал-демократических) боевых отрядов и дружин: «Именно тут мы должны осуществлять соединение, соглашение практическое (без всякого партийного слияния, разумеется) социалистического пролетариата с революционной демократией. Кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность, тот может быть причислен к революционным демократам, с тем надо стремиться работать над подготовкой восстания вместе...»²

Руководствуясь решениями III съезда РСДРП, указаниями В. И. Ленина, местные большевистские организации развернули энергичную деятельность по вовлечению революционно настроенной молодежи в боевую работу партии, в академические дружины. Призыв большевиков принять непосредственное участие в подготовке восстания нашел горячий отклик в сердцах борющегося студенчества: «Работа оживлялась большим рвением учащейся молодежи к скорейшим боевым выступлениям, — свидетельствует активная участница революции 1905 г. С. Познер. — Недостатка в людях, которые выполняли бы весьма рискованную работу по хранению и доставке оружия, не было. Молодежь рвалась в бой»³.

В отчете Боевой технической группы при ПК РСДРП 1-й конференции военных и боевых организаций РСДРП указывается, что «боевая группа широко привлекала новых членов из среды учащейся молодежи и рабочих...»⁴

Революционное студенчество Петербурга, Москвы, Харькова, Одессы, Риги одним из первых в стране начало создавать боевые дружины. Практически вопрос о создании вооруженных дружин, как уже отмечалось, встал в сентябре 1905 г. в целях защиты сходок-митингов от нападения черносотенных банд и полиции и самозащиты студенческой молодежи.

«Со времени установления автономии в высших учебных заведениях в г. Москве, — говорится в докладе московского охранного отделения от 17 ноября 1905 г. в департамент полиции, — таковые сделались местом не только для безнаказанных сборищ революционных партий, но и для формирования особых боевых дружин, открыто выступающих при всякого рода политических демонстрациях»⁵.

Примером революционной инициативы в деле созда-

ния вооруженных отрядов молодежи является оборона Харьковского университета 10—11 октября 1905 г.

Революционно-демократическое студенчество университета и Ветеринарного института принимало активное участие в политической забастовке рабочих Харькова. После ряда столкновений демонстрантов с казаками на площадях и улицах города студенты отступили к университету и при подходе туда рабочих с их помощью начали сооружать баррикады. Всю ночь с 10 на 11 октября вокруг университета и на Соборной площади воздвигались баррикады, формировалась боевая дружина. Охрану баррикад несли студенты-дружинники, которым удалось захватить оружие в магазине⁶.

Утром 11 октября защитники баррикад направили делегацию к рабочим Паровозостроительного завода. Более тысячи рабочих, часть из которых вооружалась пиками, ружьями и револьверами, двинулись к университету и стали в ряды его защитников. В тот же день был создан Комитет борьбы, в который кроме большевиков вошли меньшевики и эсеры. Обороной баррикад руководил студент Н. Пальчевский, примыкавший к большевикам, а помощником был назначен Д. Басалыго — большевик⁷.

Но вступать в открытую схватку с полицией и войсками в то время, когда другие города и местности не были готовы поддержать харьковчан, защитники считали нецелесообразным. Установившееся в городе и стране «равновесие сил» позволило защитникам беспрепятственно с оружием в руках покинуть баррикады⁸.

По мере развития революции расширялись и боевые функции студенческих дружин: не только охрана зданий университетов и самозащита, а и участие в боевых операциях вместе с дружинами рабочих против черносотенных банд. Дружинники охраняли штаб-квартиры партийных комитетов, добывали оружие для себя и рабочих. Так, дружинники — студенты Московского университета и Технического училища — приняли участие в охране грандиозной манифестации рабочих и жителей Москвы в день похорон Н. Э. Баумана, в столкновении с черносотенцами у булочной Филиппова 19 октября, несли охрану заседаний МК РСДРП и штаб-квартиры большевиков в помещении Технического училища и т. д.

Революционно-демократические организации молоде-

жи во главе со студентами-большевиками в те дни развернули большую работу по вооружению и обучению боевых дружин. Прежде всего надо было достать деньги на оружие. По инициативе студентов-большевиков во время митингов и сходов происходил сбор средств на оружие, причем иногда это делалось совершенно открыто. Например, на одном из митингов в октябре в Петербургском университете на дверях актового зала висел железный ящик с надписью: «На бомбу Трепову»⁹.

Об интенсивной подготовке вооруженного восстания в среде учащейся молодежи дает известное представление выдержка из письма студента Московского университета, написанного в конце октября и перлюстрированного охранкой: «Идет массовый сбор на вооружение. Жертвуют деньгами, серьгами, кольцами, браслетами... Работал я в одной организации социал-демократов большевиков в качестве техника... Ты бы посмотрел, как здесь готовятся к вооруженному восстанию!»¹⁰

Непосредственное участие в организации дружины студентов Московского университета и их вооружении принимали большевики В. И. Вегер («Поволжец»), Вейсброд («Андрей»), А. Н. Трайнин. Через них МК РСДРП осуществлял руководство боевой деятельностью московских студенческих дружин¹¹.

В докладе Московского охранного отделения от 17 ноября 1905 г. с тревогой сообщается: «Эти боевые дружины, вооруженные револьверами, кинжалами и даже винтовками, державшиеся первоначально конспиративно, приобрели постепенно известную смелость... В настоящее время... в здании университета, охраняемого войсками... пребывает постоянно не менее 100 чел. студентов и других лиц, которые, охраняя вход в занятое помещение своими вооруженными часовыми, никого туда не пускают без условного пароля... Забрав из химической лаборатории необходимые для изготовления взрывных снарядов препараты, студенты производят какие-то работы, а независимо [от] сего упражняются [в] стрельбе... Упражнения в стрельбе производились также и в стенах Технического и Инженерного училищ и Сельскохозяйственного института»¹².

По тем же сведениям, в помещениях Ляпинского студенческого общежития и Училища живописи находились склады огнестрельного оружия.

Немалую услугу большевикам Петербурга оказало столичное студенчество в технической подготовке восстания.

Из отчета Петербургской боевой организации видно, что некоторые студенты — члены партии являлись ответственными организаторами боевых дружин в районах столицы: Выборгского — студент-медик по партийной кличке «Фома», Василеостровского — студент-технолог И. Г. Уриссон, Нарвского — «Леонид» (студент Технологического института В. И. Яновицкий)¹³. Студент Н. П. Сагредо в начале 1906 г. был назначен ответственным организатором одной из боевых групп ЦК РСДРП¹⁴. Членом редакционной коллегии большевистской газеты «Казарма» работал студент университета К. Л. Гвоздиков, погибший на каторге в 1909 г.¹⁵

В состав военной организации ПК РСДРП входили студенты Технологического института В. С. Бубнов и Н. И. Кольшко. Последний был парторганизатором в Семеновском и 86-м полках. А студент З. Доссер («Леший») в декабре 1905 г. был начальником одной из боевых дружин восставших рабочих Москвы¹⁶.

Видное участие в военной организации ПК РСДРП принимали студенты Петербургского университета Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильский и К. С. Жарновецкий; последний, по свидетельству охранки, «принадлежал к числу весьма энергичных пропагандистов военной организации»¹⁷.

Некоторые студенты работали в качестве инструкторов боевых дружин. В деревне Волынкино, в школе боевой дружины Нарвского района Петербурга, «бородатый студент по кличке «Никодим» объяснял дружинникам, как строить баррикады»¹⁸.

Огнестрельное оружие в основном закупалось за границей и переправлялось в Россию нелегально. В выполнении весьма рискованных предприятий по перевозке, переноске и хранению оружия большая заслуга принадлежит студентам и курсисткам Петербурга, Риги, Ревеля, Гельсингфорса и других городов¹⁹. В. В. Куйбышев, студент Военно-медицинской академии, занимался перевозкой боеприпасов с Выборгской стороны в центральный склад Боевой технической группы ПК РСДРП²⁰.

Большую самоотверженность проявили курсистки — бестужевки, лесгафтички и медички: Я. К. Беренс, Я. П.

Борткевич, Зинаида и Софья Александровны Семашко, С. Я. Панчина, О. Я. Попова и др.²¹ Для того чтобы перенести винтовки на нелегальный склад, курсистки отделили ложе от ствола и подвешивали их на веревке вокруг шеи под пальто. И с таким грузом (иногда за один раз переносили по 4—6 стволов) девушки шли пешком по городу по несколько верст без отдыха (по конспиративным соображениям перевозка оружия в трамваях и на извозчике строго воспрещалась).

В химических лабораториях некоторых учебных заведений, а также в специально созданных для этой цели нелегальных мастерских большевикам удалось наладить с помощью сочувствующих делу революции профессоров и студентов изготовление взрывчатки для бомб и гранат. В частности, взрывчатое вещество панклагит Боевая техническая группа при ПК РСДРП получала от профессоров-химиков Тихвинского, Явейна, Никитина и др. Работы по изготовлению взрывчатых веществ велись при участии студентов-химиков в лаборатории Технологического, в общежитии Политехнического институтов, в квартире профессора Академии художеств Зиварта, в нелегальных мастерских на Большой Охте, в Новой деревне, в Келомяках²².

Осенью 1905 г. спортивные залы и тиря ряда учебных заведений Петербурга и Москвы были использованы боевыми дружинами для обучения военному делу. Такие занятия часто проходили в здании курсов профессора Лесгафта и в помещении Горного института. Здесь же читались лекции по вопросам тактики уличной борьбы. Весьма важную услугу партии оказали студенты социал-демократы Политехнического института, в общежитии которого в конце 1906 г. была размещена центральная инструкторская школа боевой организации ЦК РСДРП, в которой проводились регулярные занятия с организаторами боевых групп районов города, Прибалтийского края, Урала. Эти занятия проводились в специально выделенных студентами социал-демократами комнатах общежития и лабораториях учебного корпуса²³. Одним из энергичных организаторов и инструкторов этой школы был студент Московского университета А. Ф. Чесский²⁴.

Верность революционным идеалам, готовность драться с оружием в руках во имя их торжества доказало революционное студенчество в дни Декабрьского воору-

женного восстания в Москве. Вдохновителями и организаторами вооруженного восстания являлись большевики, Московский комитет РСДРП. Представителями от партийного студенчества в МК РСДРП входили студенты-большевики П. Г. Терехов («Владимир») и В. М. Савков («Тимофей»)²⁵.

Большую финансовую помощь в подготовке восстания оказал студент Московского университета Н. П. Шмит — владелец мебельной фабрики на Пресне. Он вместе с рабочими создал боевую дружину, а в помещениях фабрики разместился склад оружия, закупленного на его деньги. В дни вооруженного восстания мебельная фабрика Шмита была бастионом большевизма²⁶.

В Декабрьском вооруженном восстании революционно настроенная учащаяся молодежь Москвы выступала в качестве дружинников, санитаров, разведчиков и связистов.

В дни восстания на улицах Москвы рядом с рабочими дружинами активно действовали студенческие боевые дружины — Университетская, Кавказская, Инженерного училища, в которых насчитывалось до 250—350 человек²⁷ (в организационном отношении студенческие дружины были автономны)*.

На постройках баррикад и в кровопролитных боях на улицах и скверах Москвы можно было видеть в те дни рядом с рабочими немало юношей в студенческой тужурке, гимназистов и курсисток.

В баррикадных боях на Пресне принимал участие М. В. Фрунзе — студент Петербургского политехнического института, один из руководителей иваново-вознесенских рабочих в 1905 г.²⁸ Во главе одной из дружин рабочих Прохоровской мануфактуры, по данным охранного отделения, стоял студент университета В. Я. Зоммерфельд («Мартынов»)²⁹.

В районе Тверской и Малой Бронной мужественно сражались дружины Комиссаровского училища и Кавказская, получившая свое название по входившим в нее студентам-кавказцам³⁰. В рядах Кавказской дружины героически сражались студенты Московского университета

* По свидетельству большинства сохранившихся документов, в начале восстания в Москве насчитывалось всего лишь 2 тысячи дружинников, т. е. каждый восьмой дружинник был студент.

большевики С. С. Спандарян, Г. Н. Кононов, А. М. Горький, наблюдавший боевые действия дружинников-кавказцев, в письме к К. П. Пятницкому от 10 декабря 1905 г. с похвалой отзывался об их храбрости в боях с царскими войсками: «Кавказцы — 13 человек — сейчас в Охотном разогнали человек сорок драгун, офицер убит, солдат 4 убито, 7 — тяжело ранено. Действуют кое-где бомбами. Большой успех!»³¹ В центре города в числе других действовали Университетская боевая дружина во главе с большевиком В. А. Костицыным, Строгановского училища — под командованием М. В. Кожина³². В боях на баррикадах Малой Бронной, Моховой, Пресне, у Манежа погибли студенты Московского университета Е. В. Богословский, Виноградов, Н. А. Дударев, М. Луниц, Цехановский, Д. Моисеев, М. Хироли и др.³³

О мужестве, проявленном студентами-дружинниками на баррикадах Москвы, свидетельствуют корреспонденты газет: «Дорого, очень дорого отдал свою жизнь молодой человек в форменной студенческой одежде... У него разрублена голова и грудь пронизана пулями... Будучи окружен солдатами, он многих перестрелял из револьвера и дрался кулаками»³⁴. А вот свидетельство другого очевидца: «Студент Юрьевского университета, грузин Л. Г. Кабахидзе, ринулся на семеновцев. Кабахидзе выпустил все семь зарядов. Пять или шесть солдат повалились один за другим. Двоим семеновцам он ударом револьвера раскроил череп. Наконец, пронизанный пулями, упал мертвый»³⁵.

В баррикадных боях на улицах Москвы участвовало несколько студентов из Петербурга. Геройской смертью погиб от руки царских карателей студент Петербургского технологического института К. П. Романов. Как сообщали газеты, при обследовании его трупа оказалось: «голова разрублена саблями, кисть левой руки рассечена, нанесено 5 штыковых ран в области груди»³⁶.

В одном из переулков на Малой Бронной в те дни можно было видеть студента университета Евгения Вахтангова, ведавшего постройкой баррикад и медицинской помощью раненым³⁷.

В дни восстания погиб студент физико-математического факультета Б. С. Кустов, работавший в нелегальной типографии МК РСДРП. Даже после того как район, где находилась типография, был занят царскими вой-

сками, Кустов вместе с другими работниками продолжал печатать и распространять листовки и другую нелегальную литературу³⁸.

Самоотверженно спасали жизнь раненым дружинникам бойцы отрядов Красного Креста, в основном состоявших из студентов-медиков и фельдшеров. Несмотря на опасность, желание участвовать в отрядах Красного Креста было столь велико, что его бюро в те дни было буквально осаждено учащейся молодежью.

Различные источники указывают на участие революционно настроенной молодежи в вооруженных восстаниях 1905—1906 гг. в Харькове, Ростове-на-Дону, Томске³⁹.

Активное участие во втором восстании матросов и солдат крепости Кронштадт (июль 1906 г.) приняли студенты Петербургского университета Д. З. Мануильский, К. С. Жарновецкий, П. Токмачев, А. Тер-Мкртчянц.

Д. З. Мануильский и К. С. Жарновецкий по заданию ПК РСДРП еще весной 1906 г. провели необходимую боевую и политическую работу по подготовке восстания в Кронштадте, организовали нелегальные собрания матросов и солдат крепостного гарнизона. Страстные речи большевика Мануильского, который разоблачал злодеяния царского правительства, потопившего в крови рабочих восстания в Москве и других городах, поднимали моряков на борьбу с самодержавием.

Вместе с матросами и солдатами были расстреляны царскими палачами студент А. Тер-Мкртчянц и слушательницы бестужевских курсов Анна Венедиктова и Анастасия Мамаева (за подготовку побега политических заключенных — участников восстания и перевозку ручных бомб из Петербурга в Кронштадт)⁴⁰.

Приведенные выше далеко не полные данные участия молодежи в боевой работе нашей партии, в вооруженном восстании убедительно свидетельствуют о том, что революционное студенчество России жизнью лучших своих товарищей на деле доказало способность и готовность плечом к плечу с рабочими бороться за свободу и демократию.

Студенческое движение в годы отступления революции (1906—1907 гг.)

Пролетариат России потерпел неудачу в первой открытой схватке с царским самодержавием. После поражения

Декабрьского вооруженного восстания самодержавие перешло в наступление, и революция вступила во второй период своего развития — постепенного спада. Но хотя натиск борцов за свободу в сравнении с 1905 г. ослабел, революционный накал был еще очень высок. В 1906 г. в стачках участвовало свыше миллиона рабочих, а крестьянское движение в первой половине 1906 г. достигло более широкого размаха, чем в 1905 г. Революционные возможности трудящихся, желание разбить полицейские оковы самодержавия были велики. Вопреки капитулянтским настроениям меньшевиков большевики считали, что рабочий класс имеет достаточный запас революционной энергии, чтобы снова подняться на штурм самодержавия, они были уверены, что вооруженные восстания закаляли борцов и пролетариат, критически усвоив опыт классовых битв, перейдет к новым схваткам с реакционными силами абсолютистского режима.

Исходя из анализа расстановки борющихся сил в стране весной 1906 г., В. И. Ленин определил дальнейшую перспективу революции: «...Теперьшний период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового, еще более могучего революционного натиска...»¹.

Исходя из уроков полутора лет революции, В. И. Ленин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость более тщательной, серьезной подготовки масс к новому всероссийскому восстанию. «Наше дело, — писал В. И. Ленин в июле 1906 г., — развернуть самую широкую агитацию в пользу всероссийского восстания, разъяснить политические и организационные его задачи, приложить все усилия к тому, чтобы все сознали его неизбежность, увидели возможность общего натиска... с целью свержения правительства»².

Царское правительство, опасаясь новых открытых выступлений трудящихся масс, 11 декабря 1905 г., в разгар московского восстания, опубликовало закон о выборах в Государственную думу. Прибегая к этому маневру, правящие круги самодержавия хотели посеять в народе иллюзии, будто можно добиться осуществления своих чаяний без борьбы, через «российский парламент».

Поражение Декабрьского вооруженного восстания, издание закона о Думе, конечно, оказали соответствующее влияние на поведение определенных социальных и политических групп в среде российского студенчества. В те декабрьские дни 1905 г. в основном завершилась политическая дифференциация в его среде: учащаяся молодежь, принимавшая активное участие в общественной жизни, как правило, придерживалась платформ соответствующих политических партий, оформляла свою партийную принадлежность.

Поскольку высшие учебные заведения не функционировали до 1 сентября 1906 г., трудно установить отношение студенчества к созыву и деятельности I Государственной думы (27 апреля — 1 июля 1906 г.). Да, собственно, нельзя говорить о позиции студенчества в целом и в отношении II Думы (20 февраля — 2 июня 1907 г.), поскольку позиция той или иной группы в студенческом движении, как правило, совпадала с платформой соответствующей партии.

Известно, что большевики, надеясь на новый мощный подъем революции весной 1906 г., призывали массы бойкотировать выборы в I Государственную думу. Они широко использовали избирательные собрания в целях агитации, призывая трудящихся не складывать оружия, а готовиться к новому всероссийскому восстанию.

Большевики считали, что высшая школа по-прежнему должна служить интересам политического воспитания и организации пролетарских масс, что социал-демократическое студенчество должно возглавить борьбу за открытие учебных заведений.

Борьбу за претворение в жизнь этого курса партии революционному студенчеству приходилось вести в сложных условиях наступления правящих классов и правительства на революцию и, в частности, на автономные начала высшей школы.

Объявление царским правительством университетов по существу на осадном положении в середине октября 1905 г. явилось первым грубейшим актом попрания автономных прав университета. Вторым актом произвола правительства было постановление кабинета министров от 20 декабря 1905 г. о закрытии высших учебных заведений страны до 1 сентября 1906 г. На помощь Трепову и Столыпину тушить еще не погасшие очаги революцион-

ного пожара в университетах поспешила либерально-монархическая профессура. Советы профессоров принимали постановления, категорически воспрещающие «самовольно» собирать сходки с участием «посторонних лиц», а в случае «ослушания» ректор приглашал полицейские власти «навести порядок».

Революционно-демократическое студенчество и оппозиционно настроенная часть профессуры, понятно, не собирались откаться, как того требовало правительство устами генерала Дубасова, от участия в общественно-политическом движении страны³.

В январе 1906 г. Петербургский комитет РСДРП издал «Директиву революционному студенчеству об открытии высших учебных заведений». Признавая «желательным» централизацию студенческих масс и использование высших учебных заведений для революционных целей», ПК РСДРП призывал студенчество развернуть борьбу за их открытие⁴. Московский комитет РСДРП 7 апреля 1906 г. издал листовку аналогичного содержания⁵.

Донесение начальника Московского охранного отделения от 22 апреля 1906 г. о революционном движении среди студенчества свидетельствует, что обращение МК РСДРП нашло живой отклик у молодежи. Указав на незначительный процент студентов, начавших посещать лекции*, начальник московской охранки с горечью констатировал: «Зато во внеучебное время в университете, в коридорах, в саду и в анатомическом театре собираются от 1500 до 2500 студентов, среди которых бывают и посторонние лица. Масса студентов настаивает на необходимости открытия университета исключительно с целью обращения его в базу для противоправительственной борьбы и для подготовки вооруженного восстания»⁶.

Несмотря на жестокие меры административных властей, строго следивших за тем, чтобы помещения высшей школы не использовались для публичных собраний и митингов, студенческим демократическим органам удавалось усыпить бдительность начальства. Под флагом заседаний научных кружков, студенческих органов самоуправления и т. п. в общежитиях и столовых нередко происходили партийные собрания коллективов предприятий

* Совет профессоров Московского университета объявил о начале чтения ряда курсов лекций с 17 апреля 1906 г.

и районов, устраивались дискуссии по актуальным проблемам революции, проводилось обсуждение рефератов, назначались партийные явки. Университетские и институтские помещения удавалось использовать в интересах революции главным образом в тех учебных заведениях, где во главе студенческих органов самоуправления стояли большевики. Так, Центральный орган студентов Московского университета сумел 28 апреля провести студенческую сходку, на которой «обсуждался вопрос об устройстве в университете 1 мая большого митинга»⁷. О том, каким образом большевикам удавалось использовать помещения Петербургского университета для устройства собраний и заседаний, рассказывает в своих воспоминаниях И. И. Корель, в то время секретарь Совета старост университета.

Совет старост добился от ректора университета разрешения на проведение заседаний научных и земляческих кружков в аудиториях в вечерние часы. Секретарь Совета старост представлял ректору записку с указанием количества участников и характера собраний на данный вечер. Записки же и ключи на право занятия аудиторий ответственными за организацию собраний получали в Совете старост, а не в правлении университета. Одному из членов президиума Исполнительной комиссии ПК РСДРП и было поручено через Совет старост использовать помещения университета для устройства нелегальных партийных собраний (районных и заводских коллективов), заседаний районных комитетов РСДРП. В среднем ежедневно, свидетельствует И. И. Корель, в университете устраивалось 10—12 собраний революционных организаций⁸.

В течение первой половины 1906 г., когда двери университетов и институтов были закрыты, большинство революционного и демократического студенчества по-прежнему принимало активное участие в революции, правда не как студенты, а как граждане в рядах той или иной партии или общественной организации. Об этом свидетельствуют, в частности, донесения полицейских властей о задержании и арестах студентов. Только на имя ректора Петербургского университета от столичного губернского жандармского управления в первой половине 1906 г. поступило сообщение об аресте 14 студентов университета

В условиях, когда большая часть студенческой молодежи была лишена возможности общения в аудиториях учебных заведений, важное значение приобретала постановка периодического печатного органа, который помог бы молодежи организовать для совместной борьбы с самодержавием.

По инициативе студентов социал-демократов, поддержанной ПК РСДРП, в начале января 1906 г. был организован выпуск еженедельной общественно-политической и литературной газеты «Молодая Россия». Ответственным редактором газеты был назначен студент Петербургского университета Н. Н. Кузьминский (член РСДРП с 1903 г.), постоянными литературными сотрудниками ее были названы В. И. Ленин, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, А. М. Горький и другие видные деятели партии и писатели. Редакционное заявление, состав сотрудников и корреспондентов газеты не оставляли сомнения относительно политического направления этого студенческого органа. «Нашей путеводной звездой, — говорилось в редакционной статье, — будет яркий маяк социализма, а светлые лучи его — идеи социал-демократии — укажут нам дорогу, осветят наши задачи»¹⁰.

В первом же номере газеты были опубликованы: статья В. И. Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении», резолюция Таммерфорской конференции РСДРП, статья М. С. Ольминского «Политическая ловушка», в которой обосновывалась большевистская тактика бойкота выборов в I Государственную думу. За публикацию этих статей и материалов газета была закрыта властями, редактор и издатель арестованы¹¹.

Свое отношение к общественно-политическим событиям в стране революционное, демократическое студенчество могло вывить более определенно лишь осенью 1906 г., когда высшая школа вновь открывала двери.

Под давлением общественного мнения, в интересах своего престижа царское правительство созвало в августе 1906 г. совещание ректоров высших учебных заведений по вопросу о возобновлении занятий в новом 1906/07 учебном году.

Совещание высказалось за открытие высших учебных заведений с 15 сентября 1906 г., за предоставление Сове-

там профессоров «полной свободы действий в выработке мер, направленных к поддержанию правильного течения академической жизни, а также и права временного закрытия данного учебного заведения»¹².

Совет министров в заседании 25 августа 1906 г., согласившись с мнением совещания о возобновлении учебных занятий в сентябре, поручил министру внутренних дел «преподать подведомственным ему полицейским начальствам указания относительно способа действия их по предупреждению беспорядков в высших учебных заведениях», к недопущению посторонних лиц на митинги и собрания¹³.

Еще до открытия учебных заведений Советы профессоров утвердили правила о студенческих сходках. Студенческие сходки разрешались при условии, что место и время их определяются организаторами по соглашению с ректором заранее; эти собрания будут назначаться во внеучебное время; на них не должны присутствовать «посторонние лица». Цель этих правил ясна. Но административные власти оказались не в силах поставить под свой контроль общественную жизнь демократического студенчества.

Итоги выборов в студенческие органы самоуправления — наглядное свидетельство бесплодности попыток административных властей «оградить» учащуюся молодежь от «вредного» влияния революции.

Как только в сентябре 1906 г. в высших учебных заведениях страны началась избирательная кампания по выборам в органы самоуправления, студенческие организации РСДРП приняли в ней самое активное участие.

На выборах в Совет старост Петербургского университета с самостоятельными избирательными списками выступили пять партийных организаций: социал-демократическая, эсеровская, Польская партия социалистов (ППС), кадетов и «трудовиков». Выборы были всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании. Голосование происходило по партийным спискам.

Призывая студентов отдать голоса за кандидатов социал-демократов, большевики разъясняли молодежи, что в интересах революции в студенческий орган самоуправления должны быть избраны представители последовательно революционной партии.

Эсеры во время избирательной кампании отстаивали

по существу буржуазную идею «беспартийности» студенческих органов самоуправления: «Совет старост должен быть внепартийной организацией, защищающей профессиональные нужды студенчества»¹⁴, — говорил эсер Серцев.

Состоявшаяся 30 сентября общеуниверситетская студенческая сходка единодушно утвердила результаты выборов в Совет старост. На всех курсах и факультетах Петербургского университета было избрано 34 члена Совета старост. По партиям члены Совета распределялись так: социал-демократов — 20, эсеров — 4, кадетов — 5, ППС — 3, трудовиков — 2¹⁵. Среди избранных в Совет старост оказались студенты-большевики Н. В. Аполлонов, А. Я. Каплан, И. И. Корель, Н. Н. Кузьмин, В. А. Энгель и др. Председателем совета был избран большевик, талантливый организатор революционной молодежи Н. В. Дорошенко, волей товарищей снова принятый в университет в сентябре 1906 г.¹⁶

Больших успехов социал-демократы добились на выборах в Советы старост и в других учебных заведениях Петербурга. Так, в Лесном институте в Совет старост оказались избранными 5 социал-демократов, 3 трудовика, 2 эсера и только 1 кадет¹⁷. В Институте гражданских инженеров «блок социалистов» (социал-демократов и эсеров) одержал блестящую победу: все 32 кандидата блока были избраны в Совет старост¹⁸. На выборах в Совет старост в Женском медицинском институте за список кандидатов социал-демократов было подано 500 голосов и избрано 7 человек, в совет вошли также 4 эсера и 2 беспартийных слушательницы¹⁹. В Горном институте за список социал-демократической группы было подано около половины голосов (1844 из 4371 голосовавших), избрано 4 социал-демократа, среди них большевики Г. Боккий и А. Гапеев²⁰.

Острая борьба разгорелась осенью 1906 г. в аудиториях и залах Московского университета во время выборов в Центральный университетский орган (ЦУО). Было выставлено восемь списков: социал-демократической организации университета, эсеровской, кадетской и других политических группировок и партий.

Студенческая социал-демократическая фракция, говорило в ее предвыборной платформе, «будет добиваться использования университета в целях революцион-

ной борьбы... дальнейшей демократизации университета и науки, будет стремиться к осуществлению полной университетской автономии»²¹.

В выборах ЦУО, происходивших 15 ноября, приняло участие 5437 человек, что составляло 64% всех студентов Московского университета. Было подано бюллетеней за список социал-демократов 2044 (около 40%), эсеров — 1158 (23%), энесов и трудовиков — 314 (6%), СНС (Союз независимых студентов) — 263 (5%). В ЦУО было избрано 12 социал-демократов, 8 кадетов, 7 эсеров, 4 от других партий²². Среди членов ЦУО социал-демократов были студенты-большевики В. И. Вегер, Е. В. Вейсброд, И. Д. Удальцов, А. Н. Трайнин, А. И. Хаинский и др. На состоявшемся 21 ноября заседании ЦУО председателем президиума избрали А. Н. Трайнина, секретарем — И. Д. Удальцова²³.

В Совет уполномоченных студентов Межевого института было избрано 4 социал-демократа, 1 эсер и 1 беспартийный²⁴.

Результаты выборов в студенческие органы самоуправления — одно из убедительных свидетельств авторитета нашей партии среди демократической молодежи, признание молодежью авангардной роли партии рабочего класса в общественно-политической жизни России.

Только в трех учебных заведениях обеих столиц (в Московском сельскохозяйственном, петербургских Политехническом и Электротехническом институтах) при выборах в Совет старост верх одержали эсеры и кадеты, кандидаты социал-демократических групп занимали вторые места по количеству поданных за них голосов²⁵.

Представители буржуазных и мелкобуржуазных партий в Советах старост, ЦУО всячески пытались противодействовать большевикам, когда они стремились не ограничивать функции студенческих органов лишь академическими делами. Кадеты, эсеры и меньшевики нередко объединялись, ставили вето при «попытке со стороны преобладающей партии квалифицировать партийное мнение в качестве общестуденческого»²⁶. Так, в частности, произошло в Петербургском университете в ноябре 1906 г., когда студенты-большевики решили послать в общегородскую организацию своих товарищей как представителей Совета старост²⁷. Но, опираясь на поддержку демократического студенчества, революционные социал-де-

мократаы не раз одерживали победы. Например, ЦУО студентов Московского университета благодаря энергии большевиков сумел организовать двухдневную политическую забастовку 8—9 декабря в ознаменование годовщины Декабрьского вооруженного восстания²⁸.

Политическая линия поведения борющегося студенчества осенью 1906 г. была намечена в воззвании «К учащейся молодежи», опубликованном в большевистской газете «Пролетарий» 19 сентября 1906 г.

В этом воззвании констатировалось, что на сходках большинство студентов «с восторгом проводит решение революционных партий и в особенности социал-демократии», «почти все резолюции, принятые на сходках в высших учебных заведениях, говорят о предоставлении зданий университетов под публичные митинги по первому требованию революционного народа»²⁹.

Воззвание вселяло в сердца молодых борцов бодрость, звало их отдать все свои силы и знания священной освободительной войне народа. Чтобы достойно встретить новый подъем революции, студенты «должны серьезно учиться науке революции... дополнить свою деятельность по общей подготовке работой по подготовке кадров для восстания... Не забывайте, что от Вас потребуется вскоре не только работа распорядителей публичными митингами в стенах университетов, но и работа на улицах, участие в баррикадной борьбе!»³⁰

Первыми в стране, как и год назад, открыто заявило о своей верности делу революции демократическое студенчество Петербургского университета. Еще накануне общеуниверситетской студенческой сходки, в конце августа, Совет старост, в котором большевики занимали прочные позиции, принял резолюцию, где он определил свое отношение к вопросу об открытии университета. Эта резолюция в своей основе и была принята на общестуденческой сходке, состоявшейся 1 сентября.

В актовом зале университета собралось более 2,5 тысячи студентов. Сходка единодушно приняла повестку дня, предложенную Советом старост: 1) открытие университета в связи с задачами студенчества в данный момент; 2) митинги и академические занятия³¹.

Ораторы социал-демократы горячо и убедительно говорили, что критерием при решении вопроса об открытии университета должно быть: выгодно это или нет для раз-

вития революции? Если в начале революции политическая забастовка учащихся высшей школы способствовала расширению революции, то теперь «закрытый университет не соответствует результатам революции»³². Вольнослушательница университета член РСДРП от имени женщин России потребовала демократизации высшего образования и свободного доступа в университет всех желающих слушать лекции.

По первому пункту было предложено три проекта резолюции: Совета старост, группы трудовиков и частная. Результаты голосования убедительно продемонстрировали, за кем шло большинство борющегося студенчества: за резолюцию Совета старост было подано 1203 голоса, трудовиков — 141, за частную — 114³³.

Резолюция сходки студентов столичного университета являлась типичной для решений сходок, состоявшихся в сентябре в других учебных заведениях Петербурга и страны, поэтому приведем ее текст полностью:

«Принимая во внимание, что студенческая забастовка, как форма пассивного протеста, не соответствует достигнутой уже степени российской революции; 2) что открытый университет, как показал прошлый год, играет крупную положительную роль в дальнейшем развитии революционной борьбы; 3) что интересы общереволюционного движения требуют концентрации студенчества в больших городах и мобилизации сил, как одного из отрядов революционной демократии, — общестуденческая сходка объявляет университет открытым»³⁴.

По второму вопросу на сходке разгорелась острая борьба. Оратор от партии кадетов выступил против предоставления помещения университета для народных митингов. Оратор-эсер высказал от имени своей партии явно авантюристическое предложение: университет открыть, но академических занятий не допускать, а проводить в нем лишь политические митинги народа³⁵. Провокационное предложение эсеров не было поддержано, принятие такого решения было бы достаточным «основанием» для закрытия учебных заведений царским правительством.

Ораторы социал-демократы разъяснили позицию РСДРП: организация митингов с участием рабочих в университете возможна лишь при условии нового подъема революционной борьбы в стране. В момент открытого-

выступления народа против правительства революционное студенчество сумеет широко открыть двери для политических митингов и собраний, для организации и политического просвещения трудящихся масс³⁶.

Подавляющим большинством присутствовавших (против 17) была принята резолюция, предложенная социал-демократической группой: «Считая преждевременным определение момента организации народных митингов, университетская сходка выражает уверенность, что революционные традиции студенчества заставят его предоставлять университетские здания для народных митингов, когда этого потребуют интересы революционной борьбы...»³⁷

15 сентября сходка студентов Московского университета, на которой присутствовало около 5 тысяч студентов, отметив в резолюции важность концентрации в городах радикально настроенной учащейся молодежи, постановила: «Открыть университет, использовать его в целях содействия революционной борьбе»³⁸.

В решениях общестуденческих сходов в других высших учебных заведениях страны по вопросу об устройстве публичных митингов в университетских помещениях победила реалистическая точка зрения: в настоящий момент у революционного народа не хватает сил для организации митингов явочным порядком, но как только настанет подходящий момент, демократическое студенчество будет готово широко открыть двери аудиторий и залов для проведения публичных собраний и митингов³⁹.

Почти во всех высших учебных заведениях страны было решено придерживаться тактики столичных университетов: в интересах революционной борьбы открыть университеты, не препятствовать желающим посещать лекции⁴⁰.

Конечно, далеко не все студенты готовы были проводить в жизнь решения сходов о примате революционной деятельности над учебной. Во всех высших учебных заведениях было немало студентов — «академистов», которые придерживались принципа «университеты должны быть научными и культурными центрами, а не очагами революционной пропаганды»⁴¹. В этом духе они и проводили свою агитацию среди студенчества. Но агитация «академистов», так же как и призывы их благочестивых отцов к «умеренности», не имела успеха среди радикально на-

строенного студенчества. В проекте доклада правительству особый отдел департамента полиции в октябре 1906 г. вынужден был признать, что в высших учебных заведениях «положением дела вновь овладело беспокойное меньшинство, которое, действуя под влиянием и руководством революционных организаций, стремится использовать открытие высших учебных заведений для революционных целей... Студенты до того привыкли к свободе в стенах университета, что последний представляется им «республикою в столице самодержавия». «Открытие университета для занятий, — заключает начальник особого отдела, — дало революционерам безопасное место для собраний»⁴².

И хотя «недремлющее око» охранного отделения вело пристальное наблюдение за «крамольным элементом» в университетах, тем не менее помещения высшей школы, правда в меньших масштабах по сравнению с 1905 г., все же использовались нашей партией для проведения публичных собраний, нелегальных заседаний партийных и профсоюзных комитетов и пр. Об этом свидетельствуют сами полицейские чины. Так, в докладной записке петербургского градоначальника от 9 октября 1906 г. говорится: «Обычными посетителями студенческих сходов являются рабочие и учащиеся других учебных заведений». В этом документе отмечено пять случаев сходов с участием «посторонних лиц», имевших место в учебных заведениях столицы за период с 28 сентября по 3 октября 1906 г.⁴³

Студенческие сходки с участием рабочих, представителей различных партий проходили и в учебных заведениях других городов страны. Так, 12 сентября в актовом зале Харьковского университета на студенческую сходку пришли «посторонние лица, принадлежавшие к противоправительственным партиям». Эта сходка «приняла большинством голосов (за — 573, против — 331) резолюцию социал-демократической группы». А Томский губернатор сообщал в министерство внутренних дел 4 октября, что «в университете и Технологическом институте идут ежедневно политические сходки...»⁴⁴.

Политическими сходками протеста отметило демократическое студенчество годовщину пресловутого царского манифеста 17 октября⁴⁵. Усилиями большевиков эти сходки превратились в публичные митинги протеста про-

тив реакционной политики самодержавного правительства, служили делу мобилизации масс на новые революционные выступления. Так, большинством присутствовавших на сходке студентов Петербургского университета 16 октября была принята резолюция (проект ее был предложен социал-демократической организацией): «В годовщину великой октябрьской борьбы... революционное студенчество Петербургского университета констатирует, что так же, как и год тому назад, *во всеоружии стоят друг против друга две непримиримые враждебные силы*: с одной стороны — правительство с карательными экспедициями, погромами, военно-полевыми судами, старающееся подавить народное движение, с другой — рвущийся к свободе народ. Столкновение этих двух сил неизбежно.

Декабрьское восстание, восстание солдат, деятельность Думы... окончательно разбили иллюзии о возможности мирного разрешения борьбы народа с правительством и поставили перед широкими массами пролетариата, крестьянства и городской демократии в качестве первоочередной задачи *всенародную борьбу за власть для созыва Учредительного собрания*».

В заключение резолюции собравшиеся на сходку-митинг выразили твердую уверенность в том, что в «надвигающемся великом бою российская революция и ее авангард — революционный пролетариат — найдет активного союзника в революционном студенчестве»⁴⁶.

От имени присутствовавших на собрании была послана приветственная телеграмма членам Петербургского Совета рабочих депутатов, находившимся в тюрьме⁴⁷.

В тот же день Совет профессоров университета на экстренном заседании постановил: «Предупредить гг. студентов, что в случае повторения ими сходки без разрешения ректора университет может быть закрыт»⁴⁸. Совет старост опротестовал решение профессорско-кадетов. Созванная советом 23 октября общеуниверситетская сходка поддержала его позицию в конфликте с Советом профессоров. От имени студенческой социал-демократической организации на этой сходке выступил студент-большевик Н. В. Крыленко («товарищ Абрам»). В своей речи он разоблачил трусливую позицию либеральной профессуры и под бурные аплодисменты присутствовавших заявил: «В деле же закрытия университета за студентами да будет всегда последнее и решающее слово»⁴⁹.

Подавляющим большинством голосов (за — 4000, против — 15) была принята резолюция: «В деле закрытия или открытия университета студенчество сумеет всегда сказать свое решающее слово»⁵⁰.

Конфликты между радикальным крылом студенчества и либерально-монархической частью профессоров становились частыми явлениями и в других учебных заведениях страны. Не удалась попытка профессорской коллегии Московского университета игнорировать решение студенческой сходки о трехдневной забастовке «в знак траура по погибшим в октябрьские дни 1905 г.». Не смогла помешать кадетско-монархическая профессура и проведению трехдневной забастовки студентами Томского университета и Технологического института. Не удалось учебной и полицейской администрации сорвать сходку протеста слушательниц Бестужевских курсов, состоявшуюся 20 октября в связи с казнью слушательниц Анны Венедиктовой и Анастасии Мамаевой. Сходка в знак траура решила объявить однодневную забастовку⁵¹.

Политические студенческие сходки, заседания и собрания партийных комитетов и организаций продолжались до конца 1906 г. почти во всех учебных заведениях страны. Только в течение ноября сходки состоялись в Технологическом (3, 6, 11), Гражданских инженеров (1, 12), университете (2, 11), Женском медицинском институте (23 и 29), на курсах профессора Лесгафта, ВЖК, в Политехническом и в некоторых других высших учебных заведениях Петербурга⁵².

В докладной записке товарища министра внутренних дел указывалось, что «в стенах высших учебных заведений города С.-Петербурга постоянно устраиваются собрания политического характера, вследствие чего эти учебные заведения, под защитой академической свободы, стали являться местом для противоправительственной агитации представителей революционных партий»⁵³.

Особенно озабочены власти были тем, что высшие учебные заведения по-прежнему использовались большевиками как штаб-квартиры местных комитетов и боевых организаций РСДРП. Так, столовая университета служила штаб-квартирой митинговых ораторов и агитаторов, а столовая Технологического института — штаб-квартирой боевой организации ПК РСДРП. В комнате дежурного университетской столовой неоднократно происходили за-

седания Исполнительной комиссии ПК РСДРП. В мае 1906 г. на нелегальном собрании партийного актива Петербурга В. И. Ленин сделал доклад об итогах работы IV (Объединительного) съезда РСДРП. На партийных собраниях и явках в помещениях университета в течение 1906 г. побывали И. Ф. Дубровинский, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, П. А. Красиков, Н. К. Крупская, К. Н. Самойлова, Е. М. Ярославский и другие большевики⁵⁴.

Помещения некоторых высших учебных заведений использовались также и для хранения оружия, нелегальной литературы, как штаб-квартиры боевых дружин. Так, при обыске в здании ИИПС 20 сентября 1906 г. было найдено полицией полтора пуда динамита, 36 оболочек для бомб, большое количество прокламаций, изданных РСДРП. При обыске общежития студентов Московского университета агентами охранки было изъято 50 чугунных оболочек для бомб «македонок» и несколько втулок к ним⁵⁵.

Революционно-демократическое студенчество продолжало вести упорную борьбу и за демократизацию высшего образования в стране, за подлинную университетскую автономию. На этом пути были одержаны первые победы. В 1906/07 учебном году открылись двери университетов для всех лиц, окончивших средние (в том числе и реальные училища) учебные заведения, при условии успешной сдачи экзаменов по программам гимназии⁵⁶. Большим завоеванием революции явилось признание права женщины на университетское образование. Постановлением правительства от 14 сентября 1906 г.⁵⁷ были, наконец, упразднены должности инспектора и его помощников (субинспекторов) — «глаза и уши» тайной полиции.

С каждым днем все труднее становилось работать студенческим революционным организациям.

В октябре 1906 г. за подписью председателя совета министров Столыпина была направлена директива московскому градоначальнику, в которой местным властям предписывалось «решительными мерами» «не допускать вторжения в университет посторонних лиц»⁵⁸.

«Студенческая вольница» вызывала немалую тревогу и со стороны большинства Советов профессоров. Профессорам-кадетам и монархистам помогали беспартийные студенческие «академические союзы». «Академисты» рев-

ностно следили за тем, чтобы на сходки не проникали «посторонние лица».

Особенно неблагоприятная обстановка для деятельности революционных студенческих организаций сложилась в 1907 г.

В документах департамента полиции за 1907 г. все чаще встречаются докладные записки о проведенных обысках в помещениях высших учебных заведений в целях обнаружения нелегальных складов литературы и оружия, об арестах студентов за «принадлежность к РСДРП», участие в «противоправительственной агитации», «в боевой дружине»⁵⁹.

Так, студент Киевского университета Николай Порохов был выслан на пять лет в Якутию «за принадлежность к боевой дружине», студенты Московского университета В. А. Алексеевский и А. А. Шепель — на три года в Вологодскую губернию⁶⁰, студент Электротехнического института Иван Болтаненков был привлечен к «дознанию по делу обнаруженных в общежитии института оболочек для бомб и нелегальной литературы»⁶¹.

Получив от агентов охранного отделения сведения о деятельности центральной инструкторской школы РСДРП в студенческом общежитии Политехнического института, царское правительство решило на разгроме этой школы нажать политический капитал, использовать результаты полицейской облавы в целях подрыва влияния большевиков в массах трудящихся, в частности дискредитации депутатов II Государственной думы от рабочей курии.

В ночь на 18 февраля 1907 г. около 2 тысяч полицейских и множество агентов охранки были двинуты к Политехническому, чтобы произвести обыск помещений студенческих общежитий, в которых проживало немногим более тысячи человек. Ожидая вооруженного сопротивления студентов, полиция запаслась специальными предохранительными щитами и панцирями.

Обыск в Политехническом институте, о котором в крикливых тонах шумела вся реакционно-монархическая пресса, был использован правящими кругами самодержавия не только в целях «обличения» «террористов» из «рабочей партии», но и для широкой кампании против автономных принципов в деятельности учебных заведений. «Автономия высших учебных заведений, — писала в

те дни газета «Новое время» — рупор махровых реакционеров, — является опасностью и дикою нелепостью, которую следует уничтожить немедленно»⁶². И правительство Николая II спешило покончить с этой «дикой нелепостью» в монархическом государстве.

Последние политические сходы-митинги в помещениях высшей школы удалось провести в феврале — марте 1907 г. в связи в основном с открытием и началом деятельности II Государственной думы. На общестуденческих сходах представители действовавших тогда партий и политических блоков защищали свою думскую тактику. Студенты-большевики разъясняли ленинскую идею «левого блока», ставящего целью сплотить под руководством пролетариата демократические силы страны (соглашения с трудовиками, эсерами против кандидатов правых партий и либеральной буржуазии) в борьбе против самодержавия. Они резко критиковали оппортунистическую платформу меньшевиков, допускавших возможность блока РСДРП с кадетами и считавших Думу «центром сплочения» революционных сил, вскрывали вред конституционных иллюзий, которые насаждали в массах представители буржуазных и мелкобуржуазных партий.

20 февраля, в день открытия II Государственной думы, состоялся публичный митинг в Московском университете, на котором присутствовало около 5 тысяч человек, в том числе более тысячи «посторонних лиц». В принятой на митинге резолюции выражалась готовность оказать представителям народа помощь в их борьбе за политическое освобождение России⁶³.

8 марта на общестуденческую сходку в Петербургском университете пришло 8,5 тысячи человек. Ораторы (с позиций своей партии) говорили о шагах правительства, направленных на ликвидацию университетской автономии, анализировали деятельность II Думы и представителей различных партий в ней. Студенты-большевики указывали на признаки нового подъема революции, «призывали студентов бороться всеми мерами с существующим правительством и полицией»⁶⁴.

Политические сходы в марте 1907 г. состоялись также в Лесном, Технологическом и Электротехническом институтах.

Правительство «подтягивало» университеты, катего-

рически требовало от «автономных» Советов профессоров покончить с «самовольством» студентов. Студенческие органы самоуправления решительно отстаивали свои права ссылаясь на сходы. Так, 17 и 18 марта по решению ЦУО базовали студенты Московского университета в знак протеста против решения Совета профессоров о воспрепятствии проведения политических сходов. В ответ на угрозу прекратить чтение лекций, если будут продолжаться «самовольные действия ЦУО», общестуденческая сходка 20 марта приняла решение не приступать к занятиям до 1 сентября 1907 г., а вопрос о дальнейшей тактике обсудить на первой осенней сходке⁶⁵.

Направляя главный удар на рабочий класс и его революционную партию, черносотенная столяпинская реакция начала весной 1907 г. жестокое наступление и на демократические завоевания высшей школы, обрушилась с репрессиями на демократическое студенчество, на его организации.

Прокатилась волна новых арестов вожakov студенческого движения: сотни юношей были исключены из учебных заведений, в административном порядке высланы из университетских городов.

Правительство решило, что наступило время для исправления «ошибки» перелуганного царя, «даровавшего» 27 августа 1905 г. автономии университетам. Учебная администрация и полицейские власти установили жесткий контроль за деятельностью выборных органов студенческого самоуправления, за студентами-партийцами, всякая попытка явочным порядком собрать сходку немедленно пресекалась властями.

Первым тяжелым ударом реакции, направленным на ликвидацию университетской автономии, было утверждение правительством Столыпина 11 июня 1907 г. пресловутых правил «О студенческих организациях и устройстве собраний в высших учебных заведениях»⁶⁶. Эти «правила» ставили вне закона деятельность социал-демократических и всех революционно-демократических организаций студенчества. «Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями, — писал В. И. Ленин, — приняла форму похода черносотенного министра Шварца... против автономии...»⁶⁷

«Правила 11 июня» и последовавшее затем разъяснение правительствующего сената по поводу царского ука-

за от 27 августа 1905 г. ликвидировали автономные начала в жизни высшей школы, демократические права студенчества, завоеванные им в упорной борьбе при помощи рабочего класса и его партии.

Реакция всеми средствами стремилась быстрее покончить со «студенческой вольницей», навсегда вытравить следы свободы в высшей школе. Но революционное и демократическое студенчество России не собиралось уступать без боя завоеванные позиции и продолжало борьбу. Об этом свидетельствует и хроника студенческого движения в период с 1907 по февраль 1917 г.

В невероятно трудных условиях ошеломительной реакции немногочисленные студенческие большевистские организации сумели возглавить студенческое движение и в те годы: в сентябре 1907 г. по их инициативе были организованы во всех учебных заведениях сходки протеста «правилам 11 июня 1907 г.»; 22 ноября 1907 г. они организовали однодневную политическую забастовку петербургских студентов в знак протеста против суда над депутатами социал-демократии II Государственной думы; в сентябре 1908 г. по призыву студенчества Петербургского университета началась всеобщая забастовка учащихся высших учебных заведений страны в знак протеста против разгрома правительством демократических студенческих организаций, запрета политических сходок и диспутов. В ноябре 1910 г., в дни всенародного траура по Л. Н. Толстому, студенты Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Юрьева прекратили занятия и вышли на улицы, где они вместе с демонстрантами-рабочими требовали отмены смертной казни. В этих рабоче-студенческих демонстрациях В. И. Ленин увидел начало поворота от реакции к новому революционному подъему.

В декабре 1910 г. во многих учебных заведениях страны прошли трехдневные забастовки протеста против истязаний политических заключенных в Вологде и Зерентуе.

Движение протеста в форме кратковременных стачек против реакционной политики правительства в отношении высшей школы имело место в течение 1911—1914 гг. в ряде учебных заведений. Особенно сильное брожение наблюдалось весной и осенью 1912 г. в связи с ленским расстрелом и кампанией в поддержку деятельности депутатов-большевиков IV Государственной думы.

Антивоенные настроения молодежи в годы первой мировой войны выливались в форму организации летучих митингов, отказа выехать на фронт, протеста против вынесения смертного приговора восставшим морякам Кронштадта и т. д.

Активное участие демократическое студенчество Петербурга приняло в Февральской революции 1917 г., оно с восторгом встретило весть о свержении ненавистного абсолютистского режима и установлении в стране республики.

Для студенческого движения как движения корпоративного дни Февральской революции явились заключительным аккордом. В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции размежевка борющихся классовых сил достигла такой степени, что вряд ли можно говорить о студенческом движении как о самостоятельном явлении в общественно-политической жизни страны.

Заключение

Характерной особенностью социально-экономических противоречий в России в начале XX в. являлось наличие почвы для развития одновременно двух разнородных социальных войн: одной — общенародной против самодержавия и помещиков, за демократическую республику, другой — пролетариата против буржуазии, за организацию социалистического общества¹.

Переплетение этих социальных войн предопределяло позицию классов, социальных групп и политических партий тогдашнего общества в предстоящей буржуазно-демократической революции.

Главная задача в деятельности революционных социал-демократов, большевиков состояла в руководстве классовой борьбой пролетариата, в политическом просвещении и организации вокруг него тех классов и слоев населения, которые были враждебны самодержавию и вели против него борьбу в тех или иных формах.

Это определяло и главное направление в пропагандистской и агитационной деятельности марксистской партии — излагать перед народом общедемократические задачи освободительной борьбы российского пролетариата, делать ее близкой и понятной для широких народных масс, чтобы они сознательно и охотно помогали рабочему классу свергнуть царско-полицейский режим в стране.

История студенческих волнений в пролетарский период русского освободительного движения убедительно свидетельствует, что революционные социал-демократы, большевики успешно выполняли авангардную роль в подготовке народной революции, были *«вперед»* в по-

становке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса»².

Приведенные в книге документы и материалы показывают, что революционные социал-демократы во главе с В. И. Лениным умело использовали малейшие признаки недовольства молодежи реакционной политикой царского правительства, чтобы расширить и обострить ее конфликт с последним.

Деятельность редакции газеты «Искра», во главе которой (с 1-го по 51-й номер) стоял В. И. Ленин, по обличению царского правительства, по разоблачению его насквозь реакционной политики является замечательным образцом последовательной борьбы коммунистов за решение общедемократических задач. Известно, что организацию всесторонних политических обличений царского режима Ленин рассматривал как необходимое и основное условие воспитания революционной активности народных масс³.

В отделе «Из нашей общественной жизни» редакция «Искры» регулярно помещала многочисленные статьи и корреспонденции о студенческих волнениях, забастовках и уличных демонстрациях, о произволе полицейских властей в отношении студенчества. В. И. Ленин пристально следил за развитием студенческого движения в России. Его выступления на страницах «Искры» имели огромное значение для расширения и углубления движения демократического студенчества, для политического воспитания молодежи. Своими советами Ленин помогал передовой учащейся молодежи найти верный путь и место в освободительной борьбе. Он неустанно учил молодежь: залогом успеха студенческого движения является переход от академических методов и форм борьбы к политическим, всемерное содействие пролетариату в решении демократических задач предстоящей революции.

Изученные нами документы и материалы, часть из которых приведена в работе, позволяют сделать некоторые выводы о характере студенческого движения, о его роли в решении демократических задач борьбы российского пролетариата.

Студенческое движение в России с момента своего возникновения носило глубоко демократический характер: определяющим мотивом всех волнений радикально настроенной молодежи была ее враждебность самодер-

жавно-полицейскому строю, реакции и мракобесию, насаждавшимся царизмом в университетах. Вместе с тем студенческие волнения (с каждым годом все явственнее) отражали и рост недовольства народных масс царским режимом.

С конца 90-х годов в студенческом движении отчетливо прослеживается борьба двух политических группировок (тенденций) — последовательно демократической, опиравшейся на растущее пролетарское движение, и либеральной (буржуазной по своей классовой сущности), или борьба между «политиками» и «академистами», как она отражалась в документах тех лет.

Антиправительственный революционно-демократический характер студенческих выступлений заметно усилился в начале XX в. в связи с расширением социал-демократической пропаганды и ростом пролетарского движения, когда рабочий класс на деле доказал свою готовность возглавить общенародную борьбу за ликвидацию царизма.

В. И. Ленин, «Искра» и искровцы неустанно разъясняли передовой молодежи, что демократизацию среднего и высшего образования, введение академических свобод (а это являлось первоочередным требованием волнующегося студенчества) можно осуществить лишь в результате победоносной буржуазно-демократической революции, а подлинный расцвет народного образования, науки наступит лишь с победой социалистической революции. В то же время наша партия разъясняла молодежи необходимость борьбы за частичные реформы высшего образования в целях расширения и углубления ее конфликта с самодержавием. Особенно важное значение академическая борьба молодежи как начало ее политического конфликта с царским правительством приобретала в обстановке затишья революционных выступлений пролетариата⁴. Поддержка академической борьбы студенчества со стороны РСДРП «должна состоять больше всего и главным образом в идейном и организационном воздействии на более широкие слои, возбужденные конфликтом и переживающие сплошь да рядом в этой форме конфликта *первый* политический конфликт»⁵, — подчеркивал Ленин.

В первые годы XX в. революционно-демократическое студенчество все отчетливее начинало понимать, что его

движение само по себе, вне органической связи с борьбой народа во главе с рабочим классом не может представлять серьезной угрозы существующему строю, иметь практически революционную перспективу. И борющееся студенчество приходит к выводу, что его движение должно быть подчинено главной задаче освободительной борьбы пролетариата — подготовке буржуазно-демократической революции, ликвидации абсолютистского режима в стране.

Политическая платформа студенческого движения, впервые открыто провозглашенная осенью 1901 г. и усвоенная большинством радикально настроенной молодежи в период третьей всеобщей забастовки, тактические приемы борьбы (забастовка, уличная демонстрация) открыли новую страницу в истории демократического движения учащейся молодежи, русского освободительного движения пролетарского периода.

К сожалению, утвердившееся в нашей исторической литературе ошибочное положение об оппозиционной сущности студенческого движения серьезно затрудняло изучение этого общественного движения. В соответствии с историческими фактами, изложенными в данной работе, объективной оценкой этого общественного движения, данной В. И. Лениным⁶, читатель может сделать правильные выводы о характере и значении студенческого движения.

В самом деле: разве можно ставить знак равенства, как это в сущности сделано в «Кратком курсе», между студенческим и буржуазно-либеральными движениями⁷. В 1903 г., когда русская либеральная буржуазия, группировавшаяся вокруг журнала «Освобождение», еще далеко не раскрыла своего политического поведения «применительно к подлости», В. И. Ленин решительно выступил против попытки меньшевиков поставить на одну доску студенческое и «освобожденческое» движение: «Студенческое движение и «освобожденческое» — две вещи различные. Одинаковое отношение к ним будет вредным»⁸. А различный подход к основным задачам революции и средствам борьбы с самодержавием со стороны демократического студенчества и либеральной буржуазии дали основание В. И. Ленину спустя два года, в октябре 1905 г., назвать радикальное студенчество «авангардом всех демократических сил, которые гнушаются подлостью «конституционно-демократических «реформистов...»⁹.

Говоря о предпосылках и условиях возникновения всеобщей политической стачки в октябре 1905 г., о тесной связи борьбы рабочего класса и студенческого движения и отмечая важную роль народных митингов, организованных радикальным студенчеством Москвы и Петербурга, В. И. Ленин прямо указывает, что «социалистический пролетариат и передовой отряд революционной буржуазной демократии вел борьбу»¹⁰, а либеральная буржуазия торговалась с царским правительством об условиях и формах участия в управлении страной, кралась за спиной народа к власти.

Приведенные в книге факты из истории студенческого движения с достаточной убедительностью свидетельствуют, что одним из передовых отрядов революционной буржуазной демократии, ее левым флангом являлась радикально настроенная часть российского студенчества.

Важное научное и политическое значение имеет выяснение предпосылок и условий, при которых значительная часть радикально настроенного студенчества, равно как и других отрядов революционной демократии в России в годы первой революции, группировалась вокруг рабочего класса, определяя свое поведение задачами его борьбы. И поскольку в исторической литературе эта проблема вовсе не освещена, остановимся на ней подробнее.

Прежде всего возникает вопрос: почему демократическое крыло российского студенчества в основной массе не пошло в годы революции за либеральной буржуазией, а группировалось вокруг борющегося пролетариата и крестьянства, принимало основные тактические лозунги нашей партии?

Политическая борьба в России на рубеже XIX—XX вв. концентрировалась вокруг самого злободневного вопроса — уничтожения монархического строя. В ликвидации царского режима была весьма заинтересована трудовая интеллигенция и ее пополнение из учащихся, которые стремились расширить узкие при царизме рамки для своей профессиональной и общественной деятельности¹¹. Это стремление стало особенно заметно накануне и в годы революции, когда рабочий класс выступил главной движущей силой и гегемоном революции, определил ее направление, перспективы общественного развития России. А политическая платформа русской либеральной буржуазии, ее трусливое поведение в дни революции

окончательно убедили демократическое студенчество в ее нежелании и неспособности последовательно решать задачи буржуазно-демократической революции. Логика борьбы подсказала студенчеству, что ему не по пути с кадетствующей буржуазией, готовой за счет народа заключить сделку с монархией, предать дело революции. Поэтому, представляя в основном классовые интересы мелкой буржуазии и трудовой интеллигенции, радикально настроенное студенчество, несмотря на двойственность природы этого класса, больше тяготело к пролетариату в понимании задач и тактики революционной борьбы.

Наша партия с первых шагов своей деятельности вела повседневную работу по политическому воспитанию и мобилизации всех классов и слоев населения, в той или иной мере враждебных самодержавию.

Развертывая работу среди учащейся молодежи, социал-демократы во главе с В. И. Лениным стремились прежде всего расширить и углубить демократическое движение студенчества, придать ему боевой, антиправительственный характер. Распространяя идеи научного социализма в студенческой среде, русские коммунисты заботились и о пополнении своих рядов лучшими, идейно закаленными представителями революционной молодежи. В. И. Ленин хорошо понимал важную роль прогрессивной интеллигенции в революционном переустройстве общества, огромное значение науки, культуры, накопленного человечеством, в строительстве социализма. РСДРП была озабочена тем, чтобы рабочий класс, придя к власти, имел хотя бы минимум лояльно настроенной интеллигенции, готовой отдать рабочим свои знания и опыт для управления государством и народным хозяйством: «...нам нужны в большем и большем, против прежнего, — писал В. И. Ленин накануне Октября, — числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода, — скажет пролетарское государство»¹².

Многогранная деятельность нашей партии содействовала воспитанию у молодежи чувства высокой гражданственности, долга перед угнетенным и обездоленным народом, выбору ею верного пути борьбы.

Радикально настроенное студенчество искало в те годы такую политическую программу, которая содержала бы четкие, последовательно революционные тактические лозунги и приемы борьбы за победу республикан-

ского строя в России. Единственная в стране партия — партия большевиков — имела такую программу и тактику, обеспечивавшие победу народных масс в революции. Опыт освободительной борьбы в России и в странах Западной Европы убеждал молодежь, что последовательно революционным классом является пролетариат, и только он во главе с марксистской партией может свалить царский режим и завоевать демократическую республику.

Буржуазно-демократический характер революции 1905—1907 гг., специфические особенности освободительной борьбы в России начала XX в. послужили главной предпосылкой активного участия студенческой молодежи в демократическом движении, популярности тактических лозунгов РСДРП в среде демократического студенчества. «Наше социалистическое движение, — указывал В. И. Ленин, — концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием»¹³. А борьба с царизмом составляла главное содержание демократического движения студенчества. Непререкаемый авторитет и влияние РСДРП на радикальное студенчество объясняются прежде всего непримиримостью рабочей партии к самодержавию, ясностью и последовательностью революционных лозунгов и средств борьбы. Установлению прочных связей революционных социал-демократов с демократически настроенной молодежью благоприятствовало и то обстоятельство, что РСДРП возникла и развернула свою деятельность среди молодежи раньше других политических партий (в частности, эсеров и кадетов).

В студенческом движении, конечно, было немало заблуждений, ошибочных тенденций, вытекавших из неоднородного социального и возрастного состава его участников. Однако логика борьбы все больше вынуждала демократическое студенчество искать себе союзников в борьбе против царского правительства в лице рабочего класса и его партии.

Большинство учащейся молодежи, принимавшей участие в движении и поддерживавшей основные тактические лозунги РСДРП, всерьез еще не задумывалось над вопросом: где должен проходить водораздел между буржуазной и пролетарской демократией, не ясно представляло себе тесную взаимозависимость и вместе с тем принципиальное различие в решении демократических и

социалистических задач освободительной борьбы российского пролетариата. Нельзя, например, считать, что все студенты, которые голосовали на сходках в поддержку требования большевиков о создании Временного революционного правительства как органа победоносного восстания и революционной власти в стране, вкладывали в него то же содержание, какое было определено на III съезде РСДРП, в книге В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». «...С Аннибаловой клятвой борьбы вместе с передовым классом» вступали на тернистый путь революционера лишь те юноши и девушки, которые хорошо осознали великую освободительную миссию пролетариата, кто испытал «всю силу произвола и угнетения на собственном опыте»¹⁴.

Очевидным является и то, что революционно-демократическое студенчество могло находиться *in cogro* по одну сторону баррикад с пролетариатом лишь на буржуазно-демократическом этапе революции. Поэтому и само понятие «революционно-демократическое студенчество» является правомерным в эпоху борьбы за победу буржуазно-демократической революции в России.

Понятно, что выбор дальнейшего пути радикально настроенной молодежи зависел от многих обстоятельств, и в особенности от соотношения борющихся сил в стране.

Приведенные в книге факты совместных открытых выступлений рабочих и демократического студенчества во время второй и третьей всероссийских студенческих забастовок, в октябре и декабре 1905 г. на баррикадах Харькова, Одессы, Москвы — явления настолько знаменательные, что мимо них, казалось бы, не должны пройти советские историки. К сожалению, до сего времени эти явления по-настоящему не исследованы.

Анализ изученных нами документов и событий позволяет сделать вывод о том, что многогранная деятельность В. И. Ленина, искровцев, большевиков по воспитанию и организации революционной молодежи, руководство партией движением демократического студенчества наложили глубокую печать на характер этого общественного движения. В. И. Ленин и его сторонники умели в нужный момент «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недо-

вольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям... *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка»¹⁵.

Русские коммунисты во главе с Лениным умело направляли все ручейки демократического движения в единый революционный поток. Они проделали громадную работу — по масштабу и значению — по вовлечению радикального студенчества в освободительное движение пролетарского периода.

Несомненно, переход учащейся молодежи от стихийных вспышек протеста к всеобщим забастовкам и уличным демонстрациям — это закономерный итог развития самого движения, благотворного влияния стачечной борьбы пролетариата и систематической пропаганды «Искры», искровских организаций РСДРП.

Трудно переоценить значение первых уличных демонстраций в развитии революционного кризиса в России, когда на помощь студенту пришел рабочий и они вместе стали провозглашать на улицах боевые лозунги борьбы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» Отныне рабочий класс все чаще и во все возрастающих масштабах стал выносить свой протест на улицы городов, втягивая в политическую борьбу широкие народные массы.

Участие тысяч рабочих в студенческих демонстрациях протеста явилось наглядным свидетельством готовности русских рабочих возглавить борьбу масс за демократические свободы; это нанесло серьезный удар по хвостистской теории и тактике «экономистов», приближало идейную и организационную победу ленинской «Искры» в социал-демократических организациях России.

Не вызывает сомнения тесная связь и зависимость революционной борьбы трудящихся масс и студенческого движения: борьба рабочих и крестьян, растущая поддержка народными массами студенческого протеста оказывали благотворное влияние на размах и боевой характер движения молодежи, воодушевляли новые тысячи юношей в студенческой фуражке на борьбу за свободу и демократию. В свою очередь упорная борьба учащейся молодежи против полицейского режима царизма способ-

ствовала расширению и углублению революционного процесса в стране.

Из факта почти не прекращавшихся аграрных и студенческих волнений рабочие делали вывод, что в борьбе за демократический переворот они не будут одиноки. А сознание этого удесят�ряло силы борющегося пролетариата, укрепляло его веру в победоносный исход предстоящей революции.

В мобилизации всех революционных и оппозиционных сил на борьбу с самодержавием важную роль сыграли не только уличные демонстрации 1901—1905 гг., но также и стачки протеста рабочих и борющегося студенчества.

Переход студенчества к забастовке — это результат прежде всего благотворного влияния стачечной борьбы пролетариата. Даже господа профессора Московского университета в своем открытом письме к студентам от 25 февраля 1901 г. были вынуждены констатировать влияние забастовочной борьбы рабочих на учащихся: «Люди, непричастные к интересам науки и университета, — корили «духовные наставники» молодежь, — навязали Вам новое несвойственное студенту слово и деяние «забастовка», т. е. заставили Вас смотреть на университет как учреждение фабричное...»¹⁶

Приняв на вооружение пролетарское средство борьбы, демократическое студенчество сумело уже в период первой всеобщей забастовки придать ему организованный, стойкий характер.

Всероссийские студенческие забастовки 1899, 1901, 1902 и 1905 гг. сыграли большую роль в развитии революционного процесса. Они нашли отклик и в пролетарской среде. Рабочие интересовались: почему студенты бунтуют? Симпатии их были всецело на стороне студентов-забастовщиков. Студенческие выступления возбуждали общественное мнение всех прогрессивных слоев населения России и стран Западной Европы, свидетельствовали о непрочности царского режима.

Хроника студенческого движения в период революции 1905—1907 гг., его ярко политический, антиправительственный характер с очевидностью свидетельствуют о том, что в сущности движение радикального студенчества являлось отражением революционной борьбы рабочих и крестьян, оно развивалось в прямой зависимости

от ее размаха, вливалось в общий поток борьбы пролетариата за демократический переворот в России.

Эта связь особенно отчетливо выступает в таких событиях, как всероссийская политическая стачка студенчества, начавшаяся зимой 1905 г., организация народных собраний в помещениях университетов и институтов явочным порядком осенью 1905 г. Большевики ориентировали радикальное студенчество на самочинное установление таких порядков в университетах, которые позволяли бы им свободно обсуждать не только академические, но и политические проблемы, принимать активное участие в общественной жизни страны. Они нацеливали радикальное студенчество на более полное использование университетской автономии в интересах расширения и углубления революции, призывали молодежь превратить помещения высшей школы в очаги и трибуны революционного народа. Народные собрания явились подлинными университетами политических знаний, университетами, в которых рабочий класс, само студенчество, все социальные группы, враждебно или оппозиционно настроенные по отношению к самодержавию, уясняли тактические лозунги борющихся классов и партий и делали отсюда соответствующие выводы.

Отмечая большую роль политических собраний в мобилизации масс на борьбу с царизмом, В. И. Ленин писал в газете «Пролетарий»: «Пролетарият сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством»¹⁷.

В статье «Этапы, направление и перспективы революции» В. И. Ленин, подчеркнув решающую роль русского пролетариата в развитии революции, определил политическую платформу представителей революционной буржуазной демократии (в основном студенчества и интеллигенции): «...радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции: 1905 (особенно конец)»¹⁸.

Подводя итог сказанному выше о месте и роли революционно-демократического студенчества в русском освободительном движении, можно сделать вывод, что студенческое движение занимает по своей значимости третье (после рабочих и крестьян) место в решении демократических задач революционной борьбы русского пролетариата. Еще накануне революции, говоря о роли сосло-

вий и классов в истории русского освободительного движения, В. И. Ленин указывал, что по количеству лиц, привлеченных за «государственные преступления» в период с 1901—1903 гг., «интеллигенция и учащиеся *уже* стоят на втором (после рабочих. — П. Г.) плане»¹⁹.

Боевой, наступательный характер студенческого движения в начале XX в. показал рабочему классу России, что он имеет многочисленных помощников в борьбе за демократические свободы. А вся практическая деятельность искровцев, большевиков, их тактические лозунги и приемы борьбы на деле доказали жизнеспособность левоблокстской тактики, провозглашенной Лениным, возможность широкого фронта борцов за демократический переворот в России. Политическая платформа борющегося студенчества в начале XX в. является подтверждением верности ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократических революциях эпохи империализма.

Безусловно правильным является вывод авторов многолетней истории партии о том, что движение радикального студенчества России являлось «составной частью общенародного революционного движения, возглавляемого пролетариатом и его партией»²⁰.

Научно обоснованная Лениным и блестяще впервые осуществленная большевиками в революции 1905—1907 гг. левоблокстская тактика объединения всех демократических сил вокруг борющегося пролетариата не утратила своей актуальности и сегодня, когда в революционный процесс вливаются новые группы молодежи: «Коммунисты высоко ценят подъем молодежного, в том числе и студенческого движения, видят в нем один из важных факторов общей антимонаполистической борьбы. Они активно участвуют в этом движении, распространяют среди молодежи идеи научного коммунизма...»²¹.

Что касается помощи студентов социал-демократов и их организаций пролетариату в его классовой борьбе, то здесь мы ограничимся лишь краткими замечаниями, поскольку проблема требует специального исследования.

Участие революционного студенчества в борьбе пролетариата за свержение царизма и установление демократической республики самой логикой вещей подводило его к пониманию той истины, что демократия и социализм — органически взаимосвязанные факторы общест-

от ее размаха, вливалось в общий поток борьбы пролетариата за демократический переворот в России.

Эта связь особенно отчетливо выступает в таких событиях, как всероссийская политическая стачка студенчества, начавшаяся зимой 1905 г., организация народных собраний в помещениях университетов и институтов явочным порядком осенью 1905 г. Большевики ориентировали радикальное студенчество на самоинициативное установление таких порядков в университетах, которые позволяли бы им свободно обсуждать не только академические, но и политические проблемы, принимать активное участие в общественной жизни страны. Они нацеливали радикальное студенчество на более полное использование университетской автономии в интересах расширения и углубления революции, призывали молодежь превратить помещения высшей школы в очаги и трибуны революционного народа. Народные собрания явились подлинными университетами политических знаний, университетами, в которых рабочий класс, само студенчество, все социальные группы, враждебно или оппозиционно настроенные по отношению к самодержавию, уясняли тактические лозунги борющихся классов и партий и делали отсюда соответствующие выводы.

Отмечая большую роль политических собраний в мобилизации масс на борьбу с царизмом, В. И. Ленин писал в газете «Пролетарий»: «Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством»¹⁷.

В статье «Этапы, направление и перспективы революции» В. И. Ленин, подчеркнув решающую роль русского пролетариата в развитии революции, определил политическую платформу представителей революционной буржуазной демократии (в основном студенчества и интеллигенции): «...радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции: 1905 (особенно конец)»¹⁸.

Подводя итог сказанному выше о месте и роли революционно-демократического студенчества в русском освободительном движении, можно сделать вывод, что студенческое движение занимает по своей значимости третье (после рабочих и крестьян) место в решении демократических задач революционной борьбы русского пролетариата. Еще накануне революции, говоря о роли сосло-

вий и классов в истории русского освободительного движения, В. И. Ленин указывал, что по количеству лиц, привлеченных за «государственные преступления» в период с 1901—1903 гг., «интеллигенция и учащиеся уже стоят на втором (после рабочих. — П. Г.) плане»¹⁹.

Боевой, наступательный характер студенческого движения в начале XX в. показал рабочему классу России, что он имеет многочисленных помощников в борьбе за демократические свободы. А вся практическая деятельность искровцев, большевиков, их тактические лозунги и приемы борьбы на деле доказали жизнеспособность левоблоккистской тактики, провозглашенной Лениным, возможность широкого фронта борцов за демократический переворот в России. Политическая платформа борющегося студенчества в начале XX в. является подтверждением верности ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократических революциях эпохи империализма.

Безусловно правильным является вывод авторов многолетней истории партии о том, что движение радикального студенчества России являлось «составной частью общенародного революционного движения, возглавляемого пролетариатом и его партией»²⁰.

Научно обоснованная Лениным и блестяще впервые осуществленная большевиками в революции 1905—1907 гг. левоблоккистская тактика объединения всех демократических сил вокруг борющегося пролетариата не утратила своей актуальности и сегодня, когда в революционный процесс вливаются новые группы молодежи: «Коммунисты высоко ценят подъем молодежного, в том числе и студенческого движения, видят в нем один из важных факторов общей антимонополистической борьбы. Они активно участвуют в этом движении, распространяют среди молодежи идеи научного коммунизма...»²¹.

Что касается помощи студентов социал-демократов и их организаций пролетариату в его классовой борьбе, то здесь мы ограничимся лишь краткими замечаниями, поскольку проблема требует специального исследования.

Участие революционного студенчества в борьбе пролетариата за свержение царизма и установление демократической республики самой логикой вещей подводило его к пониманию той истины, что демократия и социализм — органически взаимосвязанные факторы общест-

венного прогресса, что не может быть подлинной демократии без завоевания пролетариатом политической власти. И те студенты, которые под воздействием идей марксизма, научного анализа борьбы международного пролетариата поняли это, становились под знамя марксистской партии, бойцами армии Ленина.

Радикально настроенной учащейся молодежи России завидно повезло: у истоков ее революционного движения стояла партия коммунистов во главе с Лениным. В. И. Ленин был истинным другом молодежи, он глубоко верил в ее революционность и проделал огромную работу, чтобы «каждый практический шаг революционного движения» учил «молодых рекрутов именно социал-демократической науке»²². Постоянная забота В. И. Ленина и его соратников об идейно-политическом воспитании революционного студенчества позволила партии успешно решать очень важную для того периода задачу вовлечения в свои ряды «лучших представителей молодого поколения образованных классов».

В ленинскую партию еще на этапе ее зарождения и образования вступила славная когорта борцов, начавших свой революционный путь в студенческие годы. Первоначальную марксистскую закалку, первое боевое крещение получили в студенческом движении известные деятели Коммунистической партии и Советского государства, науки и культуры: В. В. Адоратский, М. А. Азизбеков, Н. А. Алексеев, В. П. Антонов (Саратовский), А. А. Байков, Н. Н. Баранский, Н. Н. Батурин, Н. Э. Бауман, Г. И. Бокий, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. П. Брюханов, А. С. Бубнов, Н. Е. Буренин, А. А. Ванеев, О. А. Варенцова, М. И. Васильев-Южин, В. И. Вегер, А. Н. Винокуров, М. Ф. Владимирский, В. П. Воинов, В. П. Волгин, В. П. Вологдин, В. В. Воровский, О. М. Генкина, С. И. Гусев, А. Л. Джапаридзе, Ф. И. Драбкина, И. Ф. Дубровинский, В. Н. Залежский, П. К. Запорожец, С. И. Кавтаградзе, Л. Я. Карпов, М. С. Кедров, Б. М. Кнунянц, П. А. Красиков, Л. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Н. В. Крыленко, В. В. Куйбышев, В. К. Курнатовский, Д. И. Курский, Г. И. Ломов, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, Ф. И. Махарадзе, В. Р. Менжинский, С. И. Мицкевич, А. Ф. Мясников, Г. И. Окулова, Ф. Н. Петров, Н. И. Подвойский, Б. П. Позерн, В. А. Радус-Зенькович, И. И. и С. И. Радченко, К. Н. Самой-

лова, Н. А. Семашко, М. В. Серебряков, Ф. А. Сергеев (Артем), Н. А. Скрыпник, С. С. Спандарян, Е. Д. Стасова, С. Г. Струмилин, П. И. Стучка, И. Д. Удальцов, Д. И. Ульянов, А. И. и М. И. Ульяновы, М. В. Фрунзе, А. Г. Цулукидзе, А. Д. Цюрупа, В. Л. Шанцер (Марат), С. Г. Шаумян, А. Г. Шлихтер, А. М. Эссен и Э. Э. Эссен и многие другие*.

Вступление в те годы сотен юношей и девушек — выходцев из непролетарской среды — в партию рабочего класса является ярким свидетельством огромной жизнеутверждающей силы марксистско-ленинского учения, ставшего с конца XIX — начала XX в. властителем дум передовой молодежи России. И это явление закономерно: будущее принадлежит молодежи, и ей неизбежно, в какой стране (с каким общественным строем) придется жить и бороться. В статье «Кризис меньшевизма» В. И. Ленин приводит известные слова Ф. Энгельса: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь»²³.

Важное значение в деле завоевания сравнительно большого числа революционно настроенного студенчества на позиции марксизма имели ленинские принципы организационной самостоятельности общественных и партийных организаций учащейся молодежи. В. И. Ленин считал, что лучшей формой мобилизации молодежи на борьбу за революционное переустройство страны является объединение ее в самостоятельные общественно-политические организации, в которых бы она приобрела навыки организационно-политической деятельности. Позиция Ленина, искровцев была достаточно гибкой, позволявшей им работать и в тех кругах молодежи, которые не могли или еще не были готовы к восприятию идей научного коммунизма, а подчас не имели четкой политической платформы. Ленин верил, что семена правды дадут обильные всходы, ибо «за наши взгляды вступается

* Преследования царских властей за революционную деятельность не позволили некоторым из них получить высшее образование; другим в течение долгих лет приходилось сдавать экзамены в перерывах между арестами.

сама история, вступается на каждом шагу действительность»²⁴.

В данной работе мы стремились также полнее раскрыть значение для углубления студенческого движения советов В. И. Ленина коммунистам, работавшим в студенческой среде: стремиться «расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве»²⁵. Совершенно очевидно, насколько актуальны эти ленинские указания сегодня для деятельности братских коммунистических партий, ведущих борьбу за расширение своего влияния среди молодежи.

В начале нынешнего века Россия была единственной в мире страной, где студенческое движение приняло столь широкий размах и приобрело видное место в освободительной борьбе пролетариата против одряхлевшего самодержавия.

Сегодня студенческое движение в странах Западной Европы и Америки превращается в серьезный фактор антиимпериалистической борьбы. Это является одним из красноречивых свидетельств того, что социально-политические устои, моральные ценности буржуазного общества переживают глубокий кризис, что интересы общественного прогресса требуют коренных изменений этого общества. И революционное, демократическое студенчество капиталистических стран, несмотря на полицейские дубинки, тюрьмы и солдатские штыки, все дружнее поднимается за свои права, за свободу, демократию и социальный прогресс.

Сбывается предвидение Ф. Энгельса о том, что из среды студенчества «должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции»²⁶.

Всякое революционное, демократическое движение не проходит бесследно для общественного прогресса, оно подмывает устои старого, отживающего мира — мира эксплуатации и угнетения. И хотя имена многих участников демократического студенческого движения незаслуженно забыты, но дело, за которое они боролись вместе с народными массами, составляет слагаемое великой победы пролетариата России в октябре 1917 г.

Далеко и безвозвратно отошли те дни, когда в нашей стране господствовал помещичье-капиталистический строй. То, за что боролись рабочие и крестьяне России, революционное, демократическое студенчество, наша молодежь получила от Советской власти, из рук большевиков, доказавших на деле, что подлинный расцвет демократии и науки возможен лишь при социализме. Сегодня советское студенчество вместе со своим народом живет едиными интересами и стремлениями, настойчиво овладевает знаниями, чтобы отдать их делу строительства коммунистического общества. Советской молодежи дороги революционные, боевые и трудовые традиции своего народа, прошедшего славный путь борьбы и побед под руководством Коммунистической партии. Она должна знать, как самая честная, мыслящая часть студенческой молодежи России не только овладевала основами научных знаний, но и училась благородному делу революционеров, как шла за рабочим классом на штурм помещичье-буржуазной России, беззаветно боролась за общественный прогресс, за светлое будущее своего народа.

Источники и литература

Введение. Задачи исследования. Историография. Источники

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 16.
- ² См. там же, стр. 35.
- ³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397.
- ⁴ См. там же, стр. 399.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 395.
- ⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 365; т. 11, стр. 49.
- ⁷ См. «История ВКП(б). Краткий курс». М., 1940, стр. 28.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 384; т. 12, стр. 19.
- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 226; т. 16, стр. 26; т. 17, стр. 50.
- ¹⁰ В Полном собрании сочинений В. И. Ленина помещено восемь статей, посвященных студенческому движению; в десятках других работ он в той или иной степени касается исследуемой темы.
- ¹¹ Сибиряк. Студенческое движение в России. Изд-во Лиги русской социал-демократии. Женева, 1899; Р. Выдрин. Основные моменты студенческого движения в России. Изд-во «Студенческий голос». М., 1908; Д[ьяконов]. 1905 и 1906 гг. в Петербургском университете. Сходки, митинги (хроника). СПб., 1907; Г. Энгель и В. Горохов. Из истории студенческого движения. 1899—1906 гг. М., 1908.
- ¹² См. «Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г.». Лондон, 1900; «Доклад комиссии московских профессоров». Лондон—СПб., 1900—1901; А. И. Георгиевский. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1899; Русский. Доброе слово студентам и русской молодежи. М., 1905; А. С. Суворин. Дневник. М.—Пг., 1923.
- ¹³ «История Московского университета». В двух томах, т. I—II. М., 1955; «История Ленинградского университета. 1819—1969». Очерки. Л., 1969; А. Калинин, С. Мандель. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969; «Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. История института». — «Труды ЛПИ», № 190. Л., 1957; М. И. Матвеев. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966; «Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955; «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы». Сборник статей и воспоминаний. Л., 1965.
- ¹⁴ К. Н. Кожарин. Большевистское руководство революционным движением учащейся молодежи в годы первой русской революции (По материалам Казанского учебного округа). Канд. дисс. Л., 1955; О. И. Лагышева. Московский университет в революционной

борьбе в период первой революции. Канд. дисс. М., 1954; Л. К. Эрингсон. Тартуский университет в период первой революции 1905—1907 гг. Канд. дисс. Тарту, 1957; А. П. Абрамов. Ленинская «Искра» и революционное движение студенческой молодежи накануне первой русской революции (1900—1903 гг.) (По материалам Украины). Канд. дисс. Харьков, 1969.

¹⁵ См. письмо в редакцию «Создать научную историю вузов страны». — «Вестник высшей школы», 1958, № 8.

¹⁶ М. И. Матвеев. Указ. соч., стр. 219.

¹⁷ «Ленинская «Искра» — вдохновитель и организатор уличных демонстраций в России в 1901—1903 гг.» — «Вопросы истории», 1951, № 1; «Студенческое движение в 1905 году». — «Вопросы истории», 1955, № 10; «Назревание революционного кризиса в России в начале XX в.». М., 1959; «Борьба В. И. Ленина, искровцев за революционно-демократическое студенчество». — «Конференция по итогам научной работы кафедр общественных наук ПГУ имени О. В. Куусинена». Петрозаводск, 1965; «Деятельность петербургских большевиков среди демократического студенчества». — «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», т. XIII, вып. 4. Петрозаводск, 1966; «Борьба В. И. Ленина, искровцев за революционно-демократическое студенчество (1901—1903 гг.)». — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1.

Студенческое движение в годы назревания революционного кризиса (1899—1904 гг.)

Предпосылки демократического движения российского студенчества

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 52.
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 334.
- ³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 219.
- ⁵ По данным работы В. И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в 19 столетии». М., 1934, стр. 217.
- ⁶ См. Л. К. Эрингсон. Тартуский университет в период первой русской революции. Канд. дисс. Тарту, 1957, стр. 50.
- ⁷ См. А. Л. Мильштейн. Технологический институт в 1905 г. Л., 1959, стр. 7.
- ⁸ См. Г. А. Калиновский. Участие студентов и преподавателей Петербургского электротехнического института в борьбе против царизма. — «Известия ЛЭТИ имени В. И. Ульянова», вып. XXXII. Л., 1955, стр. 6.
- ⁹ См. М. И. Матвеев. Указ. соч., стр. 26—27.
- ¹⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 328.
- ¹¹ См. В. И. Орлов. Указ. соч., стр. 9.
- ¹² М. И. Воронков. Из жизни дореволюционного студенчества. [Записки]. М., 1947, стр. 7.
- ¹³ «Искра» № 30, 15 декабря 1902 г., вып. IV. Л., 1927, стр. 151.
- ¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 132.
- ¹⁵ Там же, стр. 135.
- ¹⁶ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИА), ф. 733, оп. 151, д. 653, л. 5.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 392.

¹⁸ См. «Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве». СПб., 1909, стр. 28—29.

¹⁹ См. «Образование», 1899, № 12, стр. 47.

²⁰ См. «Материалы по истории студенческого движения в России», вып. 2. Лондон—СПб., 1906, стр. 13.

²¹ См. В. Ф. Федоров. Томское студенчество в революционном движении (1898—1905 гг.). — «Труды Томского медицинского института», т. XVI. Томск, 1949, стр. 36.

²² Г. А. Арутюнов, Л. Х. Тер-Мкртчян. Жизнь и деятельность С. Спандаряна. М., 1958, стр. 8.

²³ См. З. С. Двойрис. Пламенное сердце [О коммунисте Ф. Н. Петрове]. М., 1964, стр. 55.

²⁴ «Сибирская жизнь», 23 сентября 1903 г.

²⁵ Ленинградский государственный исторический архив (далее—ЛГИА), ф. 14, оп. 3, д. 40610, л. 12.

²⁶ «Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве», стр. 50.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 31.

²⁸ Ленинградский партийный архив Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС (далее—ЛПА), ф. 4000, оп. 5, д. 42, л. 8.

²⁹ Х. Барсебян. Степан Шаумян. М., 1960, стр. 5.

³⁰ «Вестник общества технологов», 1905, № 9, стр. 388.

Первая всероссийская студенческая забастовка

¹ «Очерки по истории Московского университета». — «Ученые записки МГУ», вып. 51, 1940, стр. 10.

² См. Н. И. Иорданский. Миссия П. С. Ванновского (Из воспоминаний о студенческом движении 1899 г.). — «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 94; Г. А. Калиновский. Участие студентов и преподавателей Петербургского электротехнического института в борьбе против царизма. — «Известия ЛЭТИ», т. XXXII, 1957, стр. 9.

³ Сибиряк. Указ. соч., стр. 6.

⁴ Н. Пугановская. Конкордия Николаевна Самойлова. — «Славные большевички». Сборник статей. М., 1958, стр. 245.

⁵ С. Г. Струмилин. Из пережитого. 1897—1917 гг. М., 1957, стр. 54—55.

⁶ См. С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 55.

⁷ «Искра» № 12, 6 декабря 1901 г., вып. II. Л., 1926, стр. 81.

⁸ ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 1355, л. 2.

⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 244, л. 5—6.

¹⁰ Там же, л. 23; «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 98.

¹¹ Сибиряк. Указ. соч., стр. 11.

¹² Там же, стр. 11—12.

¹³ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8732, л. 85.

¹⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 47, л. 54; Сибиряк. Указ. соч., стр. 13; «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 99; Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее—ЦГАОР), ф. 102, 00, 1898 г., д. 3, ч. 1, лит. Б, т. 1, л. 80.

¹⁵ См. «Журнал министерства просвещения», 1901, № 7, стр. 51; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 47, л. 54.

¹⁶ См. «Правительственный вестник», 1899, № 73.

¹⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 46, л. 128.

¹⁸ См. Сибиряк. Указ. соч., стр. 16; ЦГАОР, ф. 102, 00, 1898 г., д. 3, ч. 1, лит. Б, т. 1, л. 115.

¹⁹ См. «Деятели революционного движения в России». Биобиблиографический словарь, т. 5. «Социал-демократы 1880—1904», вып. 1. А—Б. М., 1931, стр. 415; ЛГИА, ф. 963, оп. 1, д. 13 608, л. 19; О. Г. Инджикян. Богдан Кнунянц. Ереван, 1961, стр. 12; Е. Г. Шуляковский. Жизнь, отданная партии. Воронеж, 1964, стр. 9.

²⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 49, л. 4; д. 48, л. 8, 8 об., 249; ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8732, л. 95, 159, 186, 208, 234; ф. 14, оп. 3, д. 35426, л. 8; д. 29928, л. 1—7.

²¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 46, л. 215, 215 об.; д. 48, л. 237; д. 49, л. 176.

²² См. Сибиряк. Указ. соч., стр. 16—17.

²³ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8732, л. 84.

²⁴ Там же, л. 110.

²⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 48, л. 126, 201, 233—235, 241—246.

²⁶ См. «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 102. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), библиотека, фонд архивного хранения (ФАХ) (далее—ИМЛ, ФАХ), ЦЛ. 22. 148. ЦЛ. 22. 148;

1899. III. 17; 1899. III. 28

²⁷ «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 103.

²⁸ См. Сибиряк. Указ. соч., стр. 17.

²⁹ См. там же, стр. 17.

³⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 48, л. 237—240; Сибиряк. Указ. соч., стр. 17.

³¹ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8732, л. 179. Подсчитано автором.

³² См. «Деятели революционного движения в России». Биобиблиографический словарь, т. 5. «Социал-демократы 1880—1904», вып. 2, В—Г. М., 1933, стр. 633—647, 692, 879, 851, 899, 971; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 62, л. 2, 6, 14, 17; В. И. Орлов. Указ. соч., стр. 366.

³³ Р. Выдрин. Указ. соч., стр. 41.

³⁴ «Рабочее движение в Харькове». Женева, 1900, стр. 8.

³⁵ См. «Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет», стр. 122.

³⁶ «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 102.

³⁷ См. там же, стр. 130.

От академических целей и средств борьбы к политическим, антиправительственным

¹ Более подробно о развитии революционного движения в стране см. работу автора «Назревание революционного кризиса в России в начале XX в.».

² См. «Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом Совета тайным советником Спешковым, о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения». СПб., 1908, стр. 11.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 391.

⁴ Там же.

⁵ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 8790, л. 1; ЦГАОР, ф. 124, 1900 г., д. 269, л. 2—4; ЦГИА, ф. 744, 1900 г., оп. 6, д. 68, л. 1—2.

⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 62, л. 109.

- 7 Там же, л. 117 об., 118.
 8 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 10 об.
 9 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 62, л. 183.
 10 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 11.
 11 ЦГАОР, ф. 102, оп. 166, д. 16, л. 35, 35 об.
 12 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 62, л. 239.
 13 Там же, л. 235. Это решение суда было утверждено 9 января 1901 г. царем.
 14 А. М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 28. М., 1954, стр. 153.
 15 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 170, ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 63, л. 79. 1901. II. 23.
 16 См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг. Л., 1962, стр. 83; «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I. Л., 1925, стр. 51.
 17 ЛГИА, ф. 139, оп. 1, 1901 г., л. 9044, л. 13, 14 об.
 18 Там же, л. 16—17, 23.
 19 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 241, л. 1.
 20 Там же, л. 35.
 21 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 52, 63.
 22 Там же, стр. 52.
 23 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 72.
 24 Второй номер «Искры» был уже сверстан, когда было получено это сообщение. Тем не менее Ленин счел необходимым уже в этом номере определить позицию РСДРП по этому вопросу.
 25 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 394—395.
 26 Там же, стр. 395.
 27 Там же, стр. 396.
 28 См. Ленинский сборник III, стр. 150.
 29 «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 51.
 30 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148, ЦЛ. 22. 170, ЦЛ. 22. 148, ЦЛ. 22. 170, ЦЛ. 22. 170, 1901. II. I, 1901. II. 24, 1901. II. 26, ЦЛ. 22. 148, 1901. III. I.
 31 См. Л. К. Эрингсон. Указ. соч., стр. 83; «Труды Томского медицинского института, т. XVI. Томск, 1949, стр. 41; П. Н. Дружинин. Революционное движение учащейся молодежи в Ярославле (1900—1905). — «Краеведческие записки Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, вып. IV. Ярославль, 1960, стр. 156.
 32 ЦГИА, ф. 733, 1901 г., оп. 151, д. 48, л. 32.
 33 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 90; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27909, л. 3; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148, ЦЛ. 22. 170, ЦЛ. 22. 148, ЦЛ. 22. 170, 1901. II. I, 1901. II. 23, 1901. II. 26, 1901. III.
 34 ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 14у, ед. хр. 39859, л. 1; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 63, л. 214.
 35 См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 83—84.
 36 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 127—130.
 37 ЦГАОР, ф. 102, оп. 166, д. 16, л. 60.
 38 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 128 об.
 Арест большой группы студентов, руководивших подготовкой

- демонстрации, и последующие «ликвидации главных агитаторов беспорядка» охранкой подтверждают слова доклада директора департамента полиции Зволянского царю от 15 августа 1901 г., что «со стороны ДП был установлен контроль за собраниями молодежи» (ЦГИА, ф. 102, оп. 166, д. 16, л. 108).
 39 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 52.
 40 См. М. Мительман и др. История Путиловского завода. 1801—1917. М., 1961, стр. 138.
 41 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 130.
 42 «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 53, 52.
 43 ЦГАОР, ф. 1741, инв. № 8579.
 44 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 170, 1901. II. 21.
 45 См. «Вопросы истории КПСС», 1963, № 12, стр. 97; Л. Кречет, С. Сидович. Славные большевички. Сборник рассказов. М., 1958, стр. 276.
 46 Цит. по: «История Московского университета», т. 1, стр. 508.
 47 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г.: «Из нашей общественной жизни».
 48 Там же, стр. 57.
 49 А. Титов. Воспоминания о студенческом движении. 1901. М., 1907, стр. 14.
 50 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 57, 58.
 51 См. там же, стр. 58—59.
 52 См. там же, стр. 59.
 53 См. «История Московского университета, т. I, стр. 508.
 54 См. «Вопросы истории», 1963, № 12, стр. 97.
 55 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148, 1901. II. 26.
 56 С. М. Левидова, Е. Г. Салита. Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969, стр. 61.
 57 ЦГАОР, ф. 102, оп. 166, д. 16, л. 66.
 58 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 330 об., 331.
 59 ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1901 г., д. 4, ч. 1, т. 3, л. 31; 1904 г., д. 5, ч. 2, лит. Б, л. 58 об.; ЛГИА, ф. 492, оп. 2, д. 5415, л. 22; д. 6866, л. 33; ЦГАОР, ф. 102, оп. 166, д. 16, л. 61; ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9044, л. 67, 68, 73—74, 80.
 60 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 53.
 61 ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27905, л. 2.
 62 М. Мительман и др. Указ. соч., стр. 138.
 63 «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 53, 54.
 64 Там же, стр. 54.
 65 См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 85; «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 56.
 66 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 333 об.
 67 ЛГИА, ф. 492, оп. 2, д. 6866, л. 33; ЦГИА, ф. 741, оп. 2, д. 34, л. 8; Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 3, стр. 47, 50.
 68 «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 56.
 69 П. Лавров. «Временные правила» (Студенческое движение в Киевском университете в 1900—1901 гг. — «Советское студенчество», 1936, № 1, стр. 79.
 70 См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 61.
 71 Там же.

- 72 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148, ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 64, л. 24.
1901. III. 18
- 73 ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, д. 27896, л. 1.
- 74 См. П. Н. Дружинин. Указ. соч., стр. 156.
- 75 ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 243, л. 52.
- 76 С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 701.
- 77 «Искра» № 4, май 1901 г., вып. I, 81—82.
- 78 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 254, л. 31.
- 79 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148
1901. IV. 23
- 80 ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27916, л. 1.
- 81 ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 3, ч. 125, т. 5, л. 74.
- 82 ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9044, л. 82, 88 об.
- 83 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 272, л. 319—320.
- 84 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 145
1901. V. 1
- 85 См. «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь», т. 5. «Социал-демократы 1880—1904», вып. 2, стр. 605, 778, 840, 946; 1154, 1206; вып. 1., стр. 30, 313, 152, 222, 272, 393, 519; Н. Викторов. Подпольщик, воин, чекист. М., 1963, стр. 6.
- 86 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 275.
- 87 В январе 1902 г. в газете «Россия» был опубликован фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», в котором изображалась семья правящей династии Романовых. Это название прочно закрепилось за домом Романовых, чему в значительной мере способствовал Николай II: усмотрев в главном персонаже фельетона свой портрет, он распорядился немедленно выслать писателя в Минусинск, а газету закрыть.
- 88 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, л. 2; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 290, л. 6; д. 288, л. 50—54, 59, 61—63, 68 и др.; ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 9648 а, л. 16; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 54.
- 89 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 294.
- 90 «Искра» № 13, 20 декабря 1901 г., вып. II. Л., 1925, стр. 101; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 50—51.
- 91 См. «Искра» № 13, 20 декабря 1901 г., вып. II, стр. 101—102; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 290, л. 102—104, 322.
- 92 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 91.
- 93 «Искра» № 15, январь 1902 г., вып. II, стр. 133, 134.
- 94 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370.
- 95 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 70.
- 96 «Искра» № 10, ноябрь 1901 г., вып. II, стр. 60.
- 97 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 289—294.
- 98 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148, ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 169
1901. XI. 13
- об.; д. 288, л. 49; д. 290, л. 347, 439; «Искра» № 13, 20 декабря 1901 г., вып. II, стр. 106.
- 99 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, л. 44.
- 100 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. I. 45, ЦЛ. I. 45, ЦЛ. I. 45
1901. III. 4, 1901. III. 17, 1901. III. 20
- 101 «Труды Томского медицинского института», т. XVI. Томск, 1949, стр. 43.

- 102 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 290, л. 304; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 170
1901. XI. 29
- 103 См. «Искра» № 13, 20 декабря 1901 г., вып. II, стр. 106; И. М. Дубинский-Мухадзе. Шаумян (1878—1918). М., 1965, стр. 49.
- 104 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 170
1901. XI. 29
- 105 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 8 декабря 1901 г.
- 106 Там же.
- 107 «История Московского университета», т. I, стр. 509.
- 108 В фонде «Искры» (фонд № 24 ЦПА ИМЛ) хранятся десятки корреспонденций о студенческом движении в университетских городах России; большая часть этих корреспонденций была опубликована на страницах газеты.
- 109 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370—371.
- 110 Там же, стр. 372.
- 111 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 275.
- 112 Там же, стр. 279.
- 113 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. I. 45, ЦГИА, ф. 773, оп. 151, д. 289, л. 87—90; д. 288, л. 155, 278; д. 299, л. 252 об.
- 114 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59; из списка студентов высших учебных заведений, агитирующих за устройство беспорядков и забастовок, л. 75—85; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, л. 193—204; д. 293, л. 123.
- 115 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 291, л. 187—188.
- 116 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 8 декабря 1901 г.
- 117 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 211—212.
- 118 Там же, л. 210.
- 119 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 121.
- 120 ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 15 января 1902 г.
- 121 Там же, еженед. записка от 15 января 1902 г.
- 122 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 216.
- 123 «Искра» № 17, 1 февраля 1902 г., вып. III. Л., 1926, стр. 17.
- 124 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 124.
- 125 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 241.
- 126 «Искра» № 17, 15 февраля 1902 г., вып. III, стр. 19; ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 13 февраля 1902 г.
- 127 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 150, ЦЛ. 170, ЦЛ. 22. 148, ЦЛ. 22. 148.
1902. II. 11, 1902. II. 18, 1902. II. 14, 1902. II. 19
- ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, л. 3; «Искра» № 17, 15 февраля 1902 г., вып. III, стр. 19.
- 128 Подсчитано по материалам фондов ЦГИА (ф. 733) и ЛГИА (ф. 139).
- 129 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 169, 217 об., 269, 435; д. 289, л. 55, 111 и др.
- 130 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148
1902. II. 7
- 131 ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 195 об.
- 132 ИМЛ, ФАХ, ЦЛ. 22. 148
1902. II.

- ¹³³ ЦГАОР, ф. 1741, № 29636.
¹³⁴ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 23 января 1902 г.
¹³⁵ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145
1902.И.8
¹³⁶ «Красный архив», 1938, № 4—5 (89—90), стр. 276.
¹³⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 281.
¹³⁸ *И. М. Дубинский-Мухадзе*. Указ. соч., стр. 51.
¹³⁹ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.150. ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, 1902.И.23'
л. 281—282 об.
¹⁴⁰ См. «Искра» № 18, 10 марта 1902 г., вып. III, стр. 49.
¹⁴¹ «Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III съезду РСДРП». «Третий съезд РСДРП». Сборник документов и материалов. М., 1955, стр. 580.
¹⁴² ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9044; л. 50, д. 9045, л. 39.
¹⁴³ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
1902.И.21
¹⁴⁴ «Искра» № 17, 15 февраля 1902 г., вып. III, стр. 17.
¹⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3у, ед. хр. 27844, л. 1.
¹⁴⁶ «Искра» № 17, 15 февраля 1902, вып. III, стр. 20.
¹⁴⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 285.
¹⁴⁸ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 248—249.
¹⁴⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 223.
¹⁵⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 227.
¹⁵¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 13 февраля 1902 г.
¹⁵² ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
1902.И.9
¹⁵³ См. «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 480.
¹⁵⁴ «Искра» № 16, 1 февраля 1902 г., вып. III, стр. 6.
¹⁵⁵ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 6 февраля 1902 г.
¹⁵⁶ ЦГИА, ф. 102, ОО, 1898 г., ч. 150, т. 2А, л. 6.
¹⁵⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 288, л. 324.
¹⁵⁸ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка 13 февраля 1902 г.
¹⁵⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 265.
¹⁶⁰ «Искра» № 18, 10 марта 1902 г., вып. III, стр. 44.
¹⁶¹ «Искра» № 18, 10 марта 1902 г., вып. III, стр. 44—45; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 425.
¹⁶² «Искра» № 18, 10 марта 1902 г., вып. III, стр. 45.
¹⁶³ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 303.
¹⁶⁴ «Искра» № 18, 10 марта 1902 г., вып. III, стр. 45.
¹⁶⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 303 об., 304 об.
¹⁶⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, л. 92.
¹⁶⁷ См. «Искра» № 19, 1 апреля 1902 г., вып. III, стр. 66; *Сибирский*. Отправка студентов в Сибирь. Женева, 1902, стр. 1.
¹⁶⁸ «Искра» № 19, 1 апреля 1902 г., вып. III, стр. 66.
¹⁶⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 292, л. 494—511, 661; д. 293, л. 362—371.

- ¹⁷⁰ *И. М. Дубинский-Мухадзе*. Указ. соч., стр. 52.
¹⁷¹ См. *Б. Л. Могилевский*. Артем (Ф. Сергеев). М., 1960, стр. 17.
¹⁷² См. *Б. Л. Могилевский*. Указ. соч., стр. 18, 20, 21.
¹⁷³ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, 1883—октябрь 1917 гг., стр. 94.
¹⁷⁴ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, 1902.И
л. 52, 53, 67.
¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, л. 59; еженед. записка, 6 марта 1902 г.
¹⁷⁶ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. ф., т. 2, л. 11—11 об.
¹⁷⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, л. 143 об.; ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59; еженед. записка 6 марта 1902 г.
¹⁷⁸ «Искра» № 19, 1 апреля 1902 г., вып. III, стр. 63.
¹⁷⁹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59; еженед. записка, 6 марта 1902 г.
¹⁸⁰ Там же; см. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, 1883—октябрь 1917 гг., стр. 94.
¹⁸¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 13 марта 1902 г.; ЦГИА, ф. 741, оп. 2, д. 34, л. 98—99; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 293, л. 370—371.
¹⁸² ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 13 марта 1902 г.
¹⁸³ Там же, еженед. записка, 20 марта 1902 г.; *И. Викторов*. Указ. соч., стр. 7.
¹⁸⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 289, л. 45.
¹⁸⁵ ЦГИА, ф. 741, оп. 11, д. 31, л. 14.
¹⁸⁶ ЦГИА, ф. 963, оп. 2, д. 25, л. 6—7.
¹⁸⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 369.
¹⁸⁸ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 294, л. 3, 4, 4 об., 6—8, д. 299, л. 369; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148.
1902.И. 29
¹⁸⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 226, д. 91, л. 514.
¹⁹⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 370; ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 59, еженед. записка, 27 апреля 1902 г.
¹⁹¹ Статья была написана в октябре, а опубликована в декабре 1901 г. в журнале «Заря» № 2—3.
¹⁹² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 334.
¹⁹³ См. там же.
¹⁹⁴ «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 47.
¹⁹⁵ Там же.
¹⁹⁶ «Искра» № 13, 20 декабря 1901 г., вып. II, стр. 97.
¹⁹⁷ *М. Мительман* и др. Указ. соч., стр. 139.
¹⁹⁸ «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 47.
¹⁹⁹ *Е. Ермаков*. Обуховская оборона. Л., 1928, стр. 13.
²⁰⁰ См. «Искра» № 1, 2, 3, 4, 5, 12, 13 за 1901 г.; № 16, 17, 18, 19, 29 за 1902 г.; № 32, 34, 35, 36, 38, 40 за 1903 г.
²⁰¹ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3н, ед. хр. 1286, л. 7; «История Московского университета», т. I, стр. 509—510; *М. И. Матвеев*. Указ. соч., стр. 66.
²⁰² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 94.
²⁰³ См. «Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет», стр. 168.

- ²⁰⁴ См. «Искра» № 21, 1 июня 1902 г., вып. III, стр. 111, 120 и др.
²⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 251.
²⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 93.
²⁰⁷ Там же, стр. 277.
²⁰⁸ См. *Сибирский*. Указ. соч., стр. 14.
²⁰⁹ См. «Искра» № 3, апрель 1901 г., вып. I, стр. 56; ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 12у, ед. хр. 28424, л. 1—2.
²¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27744, л. 39—40.
²¹¹ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.170.

- 1901.IV.4
²¹² ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27744, л. 59.
²¹³ «Искра» № 4, май 1901 г., вып. I, стр. 89.

*Политическая дифференциация
российского студенчества*

- ¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 343.
² «История Московского университета», т. 1, стр. 509.
³ Там же.
⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 342.
⁵ Там же, стр. 343.
⁶ См. там же.
⁷ Там же, стр. 344.
⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 185.
⁹ См. Г. Нестеров. К истории студенческого движения в России (1902—1903 гг.). — «Каторга и ссылка», 1926, кн. 28-29, стр. 144.
¹⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 638, л. 226 об.
¹¹ Там же (из доклада III всероссийского съезда студентов). Степень развития этого процесса в городах соответствовала порядку их перечисления.
¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 855.
¹³ См. там же, стр. 348.
¹⁴ Там же, стр. 354—355.
¹⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 638, л. 226.
¹⁶ См. Г. Энгель. 1905 год и движение студентов в Петербургском университете. — «Красная летопись», 1925, № 2 (13), стр. 99.
¹⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 638, л. 227.
¹⁸ Там же, л. 227 об.
¹⁹ Там же, л. 228.
²⁰ Там же.
²¹ Там же, л. 226.
²² См. «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 85.
²³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 18, 32, 37.
²⁴ «Минувшие годы», 1908, № 12, стр. 285.
²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 87.
²⁶ Там же, стр. 389.
²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 81.
²⁸ См. там же, стр. 14.
²⁹ Там же, стр. 19.
³⁰ Там же, стр. 21.
³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.
³² См. там же.
³³ Запись беседы автора с Е. Д. Стасовой в июле 1950 г.
³⁴ См. «Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга...» — «Третий съезд РСДРП». Сборник

документов и материалов. М., 1955, стр. 580, 581; ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3н, ед. хр. 1286, л. 11 об.

- ³⁵ См. Н. В. Дорошенко. Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования. — «Красная летопись», 1931, № 2 (41), стр. 84; «Красная летопись», 1925, № 2 (13), стр. 95.
³⁶ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 580.
³⁷ См. «Красная летопись», 1931, № 2 (41), стр. 85; «История Ленинградского университета. 1819—1869», стр. 157.
³⁸ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145

1903.II.8

- ³⁹ См. «Красная летопись», 1931, № 2 (41), стр. 89.
⁴⁰ Там же, стр. 90.
⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3н, ед. хр. 1286, л. 11 об.
⁴² См. А. П. Абрамов. Ленинская «Искра» и революционное движение студенческой молодежи накануне первой русской революции (1900—1903 гг.) (По материалам Украины). Канд. дисс., стр. 18; А. А. Элерт. Студенческое движение в Казани накануне и в период революции 1905—1907 гг. Канд. дисс., Казань, 1955, стр. 183; М. Матвеев. Указ. соч., стр. 55; «История Московского университета», т. 1, стр. 515.
⁴³ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (далее — «КПСС в резолюциях и решениях...»). Изд. 8, т. 1. М., 1970, стр. 77.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ «Второй съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, стр. 411.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 1285, л. 1; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 219, л. 31.
⁴⁸ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 5, ч. 1, т. 3^г, л. 22.
⁴⁹ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 3, ч. 10, т. 1, л. 70—70 об.
⁵⁰ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 589.
⁵¹ См. А. Калинин, С. Мандель. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, стр. 119.
⁵² См. «История Ленинградского университета. 1819—1969», стр. 159.
⁵³ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 582.
⁵⁴ См. «Протокол заседания ПК РСДРП от 2 февраля 1905 г.» — «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 29.
⁵⁵ См. «История Московского университета», т. 1, стр. 515; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 3, ч. 10, т. 2, л. 118; ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 45, л. 120.
⁵⁶ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 584.
⁵⁷ См. там же.
^{58—59} «Третий съезд РСДРП», стр. 558.
⁶⁰ См. там же, стр. 584.
⁶¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 72, л. 10—124; там же, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. Ш, л. 8—9 об., 24—25, 38—41, 110—123.
⁶² ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9044, л. 50.
⁶³ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1, 1883—октябрь 1917 гг., стр. 106—107; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 1, т. 3^г, л. 14, 16, 61, 92, 101.
⁶⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 467—470; т. 7, стр. 12—15.

- ⁶⁵ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 35, л. 30, 30 об.
⁶⁶ Там же, стр. 140.
⁶⁷ ЦГАОР, ф. 124, 1903 г., д. 345, л. 5; «Искра» № 40, 15 мая 1903 г., вып. VI. Л., 1928, стр. 64.
⁶⁸ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 3, ч. 213, т. 4, л. 113; оп. 168, д. 72, л. 39, 39 об.; ф. 102, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. III, л. 34.
⁶⁹ ЦГАОР, ф. 124, 1905 г., д. 219, л. 3; ф. 102, ОО, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. III, л. 199—205.
⁷⁰ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 219, л. 31—32.
⁷¹ Л. П. Позмогова. Ольга Генкина. Горький, 1963, стр. 21.
⁷² См. Н. Е. Буренин. Люди большевистского подполья. М., 1958, стр. 7, 18; С. М. Левидова, Е. Г. Салита. Елена Дмитриевна Стасова, стр. 78; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 5, ч. 1, т. 3г, л. 34, 36—37.
⁷³ ЦГАОР, ф. 102, 1904 г., оп. 168, д. 74, л. 252.
⁷⁴ См. «Известия Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова», вып. XXXII, 1957, стр. 12.
⁷⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 217, л. 8. Воспоминания Е. Д. Стасовой и П. С. Араратова, записанные автором в 1950 г.
⁷⁶ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 584.
⁷⁷ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 219, л. 24.
⁷⁸ См. указанные работы М. И. Воронкова, П. Н. Дружинина, О. И. Латышевой, М. И. Матвеева, В. Ф. Федорова, К. Н. Кожарина, Л. К. Эригсона.
⁷⁹ См. М. Лядов. Из жизни партии. М., 1956, стр. 7—27.
⁸⁰ См. В. Н. Степанов. Ленин и русская организация «Искры». М., 1968, стр. 13—133.
⁸¹ М. Лядов. Указ. соч., стр. 9.

*В ногу с авангардом революции
Студенческое движение 1903—1904 гг.*

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 251.
² ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.145}}{1903.XII}$, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1903.II.25}$, $\frac{\text{ЦЛ.145.}}{1903.III.18}$
ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 13у, ед. хр. 28514, л. I и др.
³ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.145}}{1903.II.8}$
⁴ Там же.
⁵ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 110; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 213, т. 4, л. 301; ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 13у, ед. хр. 28514, л. 1.
⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 13у, ед. хр. 28514, л. 1; «Искра» № 35, 1 марта 1903 г., вып. V. Л., 1928.
⁷ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 35, л. 63, 83 об.
⁸ Там же, л. 49 об., 58.
⁹ См. «Труды Томского медицинского института, т. XVI. Томск, 1949, стр. 45; «Искра» № 36, март 1903 г., вып. V, стр. 127—128; ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 6н, ед. хр. 41665, л. 1—2.
¹⁰ См. «Труды Томского медицинского института», т. XVI. Томск, 1949, стр. 46.
¹¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 537, л. 218.
¹² ЦГАОР, ф. 102, 1903 г., оп. 168, д. 35, л. 85.

- ¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27926, л. 1; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 537, л. 146.
¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4у, ед. хр. 27926, л. 1.
¹⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 597, л. 146.
¹⁶ Там же, л. 163.
¹⁷ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 3, ч. 213, т. II, л. 83; ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 597, л. 116, 117.
¹⁸ ЦГАОР, ф. 102, 1903 г., оп. 168, д. 35, л. 182 об., 204; ф. 124, 1903 г., д. 190, л. 3.
¹⁹ См. «Искра» № 42, 15 июня 1903 г., вып. VI, стр. 124.
²⁰ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 35, л. 141 об.
²¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 538, л. 40.
²² ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 638, л. 6; д. 639, л. 90; д. 641, л. 14, 83—85.
²³ ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 3н, ед. хр. 1285, л. 1 об.
²⁴ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 5, ч. 1, т. 3², л. 22.
²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 157.
²⁶ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 589.
²⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 642, л. 5, 32; д. 644, л. 25; д. 645, л. 15; д. 646, л. 48, 51, 55 и др.
²⁸ См. «Красная летопись», 1925, № 2(13), стр. 100.
²⁹ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1904.II.16}$
³⁰ См. «На пути к победе. Горный институт». Л., 1928, стр. 111; ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1904.III.1}$, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1904.III.17}$, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1904.II.16}$, $\frac{\text{ЦЛ.22.170}}{1904.II.22}$
³¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 642, л. 20, 21.
³² ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 641, л. 74 об., 75—77.
³³ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.145}}{1904.II}$
³⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 125, л. 12, 46; д. 126, л. 5, 34, 41, 48, 66, 69.
³⁵ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.22.148}}{1904.II.16}$
³⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 645, л. 78 об.
³⁷ «Вперед» № 14, 12 апреля (31 марта) 1905 г., передовая.
³⁸ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.22.170}}{1904.IX.21}$, ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 184, л. 14, 36—37.
³⁹ ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.145}}{1904.XI.7}$, ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 184, л. 13.
⁴⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 226, д. 110, л. 16.
⁴¹ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 585; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 603, ч. 10, т. 1, л. 65.
⁴² ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 5, ч. 1, т. 4, л. 29—32; т. 4, лит. А, л. 4, 9, 15, 27; В. Лебедев, К. Ананьев. Фрунзе. М., 1960, стр. 42—43.
⁴³ Об одном из таких случаев, имевших место в Петербургском политехническом институте, рассказывается в повести В. Лебедева, К. Ананьева. Фрунзе, стр. 41—42.
⁴⁴ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 585; ИМЛ, ФАХ, $\frac{\text{ЦЛ.145}}{1904.XI.1}$;

ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 176, л. 63.

- ⁴⁵ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 585.
⁴⁶ См. *М. Н. Симонян*. Жизнь для революции. М., 1962, стр. 5.
⁴⁷ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
 1904.XI.I
⁴⁸ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145; ЦЛ.145; ЦЛ.22.159; ЦГИА,
 1904.XI.5; 1904.XI.25; 1904.XI.29;
 ф. 733, оп. 152, д. 176, л. 63.
⁴⁹ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145
 1904.XI.5
⁵⁰ См. «Третий съезд РСДРП», стр. 585.
⁵¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 176, л. 44.
⁵² ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10199, л. 29—30.
 И. М. Малышев был до ареста ответственным организатором РСДРП
 Василеостровского района в Петербурге.
⁵³ ЦГАОР, ф. 102, 1904 г., д. 3, ч. 10, т. 1, л. 113.
⁵⁴ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», т. 1.
 М.—Л., 1939, стр. 134.
⁵⁵ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1904 г., д. 5, ч. 10, т. 1, л. 24.
⁵⁶ Там же, л. 56.
⁵⁷ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 5, ч. 1, т. 4, л. 29.
⁵⁸ См. «Вперед» № 1, 4 января 1905 г.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 25—26, оп. 5н, ед. хр. 37208, л. 1; ЦГАОР,
 ф. 102, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 1, т. 3, л. 31, 39—40.
⁶¹ «Вперед» № 1, 4 января 1905 г.
⁶² ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145
 1904.XII.I
⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 5н, ед. хр. 37212, л. 3; ЦГИА, ф. 733,
 оп. 152, д. 186, л. 6—7; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.159
 1904.XII.I
⁶⁴ «История Московского университета», т. 1, стр. 513—514.
⁶⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 196, л. 24.
⁶⁶ «Деятели революционного движения в России». Библиогра-
 фический словарь, т. 5, вып. 1, А—Б, стр. 519; «Московский универ-
 ситет в воспоминаниях современников», стр. 402.
⁶⁷ «История Московского университета», т. 1, стр. 514; ЦГИА,
 ф. 733, оп. 152, д. 110, л. 30.
⁶⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 146, 148.

**Участие студенческой молодежи в революции
1905—1907 гг.**

Барометр показывает бурю

- ¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 49.
² Там же, стр. 342.
³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 276.
⁴ Там же, стр. 282.
⁵ Там же, стр. 302.
⁶ Там же, стр. 304.
⁷ Там же, стр. 247.
⁸ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 19.
⁹ См. «Вперед» № 4, 31(18) января 1905 г.; *А. Горький*. Собр.

соч. в 30-ти томах. М., 1950, т. 7, стр. 187; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 217,
 л. 7.

¹⁰ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС»,
 ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 129.

¹¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 217, л. 7; «Начало первой русской ре-
 волюции. Январь—март 1905 года». М., 1955, стр. 97.

¹² ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10199, л. 192.

¹³ См. «Вперед» № 13, 5 апреля (23 марта) 1905 г.

¹⁴ См. «Ленинградский политехнический институт имени М. И.
 Калинина. История института». — «Труды ЛПИ» № 190. Л., 1957,
 стр. 10—16.

¹⁵ Ленинский сборник XXVI, стр. 146.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 102, 1905 г., оп. 168, д. 39, л. 33.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 4, т. 5, ч. 26, л. 1.

¹⁸ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10199, л. 175.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 27, л. 24—25. На сходке
 было собрано 170 рублей.

²⁰ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
 1905.I.II

²¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 39, л. 19.

²² ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148; ЦГАОР, ф. 102, 1905 г., оп. 168, д. 39,
 1905.I.I6

л. 20 об.

²³ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 186, л. 55.

²⁴ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148.
 1905.I.15

²⁵ ЦГАОР, ф. 102, оп. 168, д. 39, л. 27.

²⁶ Там же, л. 19 об.

²⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 192, л. 12, 13.

²⁸ См. *П. А. Зайченко*. Указ. соч., стр. 93, 94.

²⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 192, л. 15 об., 16.

³⁰ ЦГАОР, ф. 124, 1905 г., д. 3369, л. 5.

³¹ См. «Листовки большевистских организаций в первой русской
 революции 1905—1907 гг.», ч. 1. М., 1956, стр. 622—623; ЦГАОР,
 ф. 102, ОО, 1905 г., д. 4, ч. 10, л. 35.

³² ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 45, л. 223.

³³ См. «История Московского университета», т. 1, стр. 515, 516.

³⁴ ЦГИА, ф. 1326, 1905 г., оп. 6, д. 7, ч. II, л. 45—47, 46—46 об.

³⁵ См. *М. Н. Симонян*. Указ. соч., стр. 8.

³⁶ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10198, л. 14.

³⁷ См. *Дьяконов*. Указ. соч., стр. 7; ЦГИА, ф. 1326, 1905 г.,
 оп. 6, д. 7, ч. II, л. 46.

³⁸ ЦГИА, ф. 1326, 1905 г., оп. 6, д. 7, ч. II, л. 46 об.

³⁹ *Дьяконов*. Указ. соч., стр. 10.

⁴⁰ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10198, л. 46.

⁴¹ *Дьяконов*. Указ. соч., стр. 11.

⁴² ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10198, л. 46.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 1326, 1905 г., оп. 6, д. 7, ч. II, л. 47—47 об.; «Ленин-
 градский университет» № 4(354), 21 января 1939 г. Аналогичным
 образом поступили и студенты Московского и Томского универси-
 тетов.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 176, л. 105.
⁴⁶ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 27, л. 24; ч. 37, л. 1; ч. 85, л. 1—2; оп. 168, д. 39, л. 27, 33; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148, ЦЛ.22.148;
1905.I.10, 1905.I.II;

ЦЛ.22.148, ЦЛ.22.148; ФГТЗЛП, ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 196, 1905.I.16, 1905.I.15, 1905.I.19, л. 55; д. 45, л. 223, 224; д. 192, л. 22; д. 176, л. 329; ф. 1326, 1905 г., оп. 6, д. 7, ч. II, л. 19; ф. 922, оп. 1, д. 173, л. 1—2; «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 года», стр. 709—710.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 176, л. 329; д. 196, л. 58, 62; д. 186, л. 38; д. 188, л. 117; д. 45, л. 275; ф. 1326, 1905 г., оп. 6, д. 7, ч. II, л. 47; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 45, л. 5; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.170, ЦЛ.22.170, ЦЛ.22.148, ЦЛ.22.148. При этом следует

иметь в виду, что в некоторых учебных заведениях страны решением Советов профессоров, учитывавших ситуацию в стране и настроение студентов, учебные занятия не возобновлялись после зимних каникул.

⁴⁸ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.170
1905.II.9

⁴⁹ «История Московского университета», т. 1, стр. 515.

*Демократическое студенчество
открывает университеты и институты
в интересах революции*

¹ «Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г.
² См. «Полное собрание законов Российской империи...». Собр. 3, т. XXV, 1905, № 2665. СПб., 1908.

³ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 158, л. 24.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 377.

⁵ См. М. М. Эссен. В 1905 году. — «Красная летопись», 1926, № 1, с. 100.

⁶ См. И. Лейберов. Пламенный солдат революции (Н. И. Подвойский). М., 1962, стр. 21.

⁷ См. М. М. Эссен. Памяти товарища А. М. Эссен (Бура). — «Пролетарская революция», 1930, № 9, стр. 145; И. Лейберов. Указ. соч., стр. 21—22; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 25, л. 17.

⁸ «Красный архив», 1936, № 1(74), стр. 197.

⁹ Там же, стр. 196. Сравни резолюции III съезда РСДРП: о временном революционном правительстве и об отношении к тактике правительства накануне переворота. См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1, изд. 8, стр. 113—115.

¹⁰ «Красный архив», 1936, № 1(74), стр. 197.

¹¹ См. «Пролетарий» № 18, 26(13) сентября 1905 г.

¹² См. «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. I. М., 1955, стр. 97, 96.

¹³ П. А. Зайченко. Указ. соч., стр. 95; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 43, л. 18; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.159
1905.IX.6

¹⁴ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 514, л. 1—3; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 25, 29, 32, 34—36; ч. 28, л. 9, ч. 29, л. 8.

¹⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 359, л. 3 об.; В. Залезский. Молодежь в подполье. — «Юный коммунист», 1933, № 14, стр. 53.

¹⁶ О. И. Латышева. Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции 1905—1907 гг. Канд. дисс. М., 1954, стр. 201.

¹⁷ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 38.

¹⁸ Там же, стр. 38—39; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 32, л. 36 об.

¹⁹ Д[ьяконов]. Указ. соч., стр. 21.

²⁰ Там же, стр. 22.

²¹ См. «Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г.

²² Там же.

В корреспонденции в газету «Пролетарий» автор письма делает любопытную приписку: «Первый раз студенческая сходка выражала желание выставить из зала освобожденца. На сходке велись жаркие споры между с.-р. и с.-д. — почти исключительно большевиками, да и сама резолюция определенно отвечает на вопрос, какая из фракций с.-д. была руководительницей» (там же).

²³ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
1905.IX.20

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148
1905.IX.22

²⁷ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 28, л. 2, 6—8, 16, 40.

²⁸ «Пролетарий» № 22, 24(11) октября 1905 г.

²⁹ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 39, л. 32; ч. 41, л. 19; ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 158, л. 1, 13, 52; д. 163, л. 3; «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 100—101; Л. К. Эрингсон. Тартуский университет в период русской революции 1905—1907 гг. Канд. дисс. Тарту, 1957, стр. 165.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 321.

³¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 381.

³² Там же, стр. 346.

³³ ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 36, л. 18.

³⁴ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 17—18.

³⁵ ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 36, л. 64, 66.

³⁶ «Правительственный вестник» № 210, 25 сентября 1905 г.

³⁷ См. «Русская газета» № 356, 27 сентября 1905 г.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 352.

³⁹ «Пролетарий» № 21, 17(4) октября 1905 г.

Трибуны народных революционных собраний

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 376—377.

² См. «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 57.

³ «Пролетарий» № 23, 31(18) октября 1905 г.

⁴ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 28, л. 2; ч. 29, л. 8; ч. 26,

л. 21, 21 об.; «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 37—41, 151—155, 157—161, 177—178.

⁵ Это воззвание было издано отдельной листовкой в 3 тысячах экземпляров Казанским комитетом РСДРП (ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.1.59) 1905.IX»

а также типографией Рижского комитета РСДРП.

⁶ См. «Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г.

⁷ См. «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.; *Н. Я. Иванов и др.* Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, стр. 53.

⁸ *М. Лядов.* Молодежь на заре жизни партии. — «Юный коммунист», 1933, № 14, стр. 47.

⁹ «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 29, л. 8.

¹¹ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 177.

¹² «Пролетарий» № 22, 24(11) октября 1905 г.

¹³ См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг., стр. 177.

¹⁴ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 3.

¹⁵ «Пролетарий» № 21, 17(4) октября 1905 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Красный архив», 1936, № 1(74), стр. 200.

¹⁸ «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

¹⁹ *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 47.

²⁰ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 25.

²¹ Там же, л. 25 об.

²² *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 48.

²³ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 24.

²⁴ *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 48.

²⁵ См. «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

²⁶ *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 51—52.

²⁷ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 29.

²⁸ *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 55.

²⁹ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 31.

³⁰ Там же.

³¹ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16323, л. 67.

³² «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

³³ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 33, 35 об.

³⁴ ЦГИА, ф. 1326, 1905 г., д. 353, л. 55.

³⁵ Там же, л. 46.

³⁶ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148

1905.X.15

³⁷ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 347.

³⁸ См. «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 351, 353—354, 355, 356—358, 361—363; «Русские ведомости» № 266, 11 октября 1905 г.; ЦГИА, ф. 733, оп. 152, д. 185, л. 1; ф. 1326, оп. 6, д. 35, л. 6; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 28, л. 9, 10; ч. 29, л. 2.

³⁹ «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1, стр. 438; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 36, л. 39, 88; ч. 37, л. 10, 47; ч. 49, л. 52, 54; ч. 45, л. 25, 26; ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 160, л. 26; д. 162, л. 10; д. 163, л. 35.

⁴² См. *А. Л. Мильштейн.* Указ. соч., стр. 23, 25.

⁴³ См. там же, стр. 23.

⁴⁴ См. там же, стр. 27, 29.

⁴⁵ См. «Пролетарий» № 25, 18(3) ноября 1905 г.

⁴⁶ См. *Н. К. Кольцов.* Памяти павших. М., 1906, стр. 17.

⁴⁷ См. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. LI. История. Юбилейная серия. М., 1940, стр. 19; «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965». М., 1966, стр. 70.

⁴⁸ См. *П. А. Зайченко.* Указ. соч., стр. 97.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 160, л. 55.

⁵⁰ См. *А. Брандт.* Положение высших учебных заведений в связи с вопросом о митингах. Доклад III делегатскому съезду академического союза. СПб., 1906, стр. 5.

⁵¹ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», стр. 262.

⁵² *Дьяконов.* Указ. соч., стр. 113.

⁵³ См. там же, стр. 121.

⁵⁴ «Новая жизнь» № 2, 28 октября 1905 г.

⁵⁵ «Новая жизнь» № 3, 30 октября 1905 г.

⁵⁶ «Новая жизнь» № 4, 2 ноября 1905 г.

⁵⁷ «Новая жизнь» № 2, 28 октября 1905 г.

⁵⁸ «Новая жизнь» № 13, 15 ноября 1905 г.

⁵⁹ См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 561; *А. Л. Мильштейн.* Указ. соч., стр. 32.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 71—72.

⁶¹ «Вперед» № 4, 6 декабря 1905 г.

⁶² ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 64.

⁶³ См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 346.

⁶⁴ См. там же, стр. 351; т. 12, стр. 13.

⁶⁵ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 351.

⁶⁶ «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

⁶⁷ См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 55.

⁶⁸ *М. М. Эссен.* Первый штурм. М., 1957, стр. 187.

⁶⁹ *А. Брандт.* Указ. соч., стр. 4.

⁷⁰ «Пролетарий» № 25, 16(3) ноября 1905 г.

⁷¹ Там же.

Революция зовет на баррикады

¹ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 336, 337.

² Там же, стр. 342.

³ «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.» Сборник документов и материалов. М., 1934, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 339.

⁵ «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года», ч. 1. М., 1955, стр. 577.

⁶ См. *В. Астахов, Ю. Кондуфор.* Революционные события в Харькове и губернии. Харьков, 1965, стр. 57, 58.

⁷ См. там же, стр. 60.

⁸ См. там же, стр. 63.

⁹ См. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. 1, ст. 716—717; «Красный архив», 1936, № 1(74), стр. 202.

¹⁰ «Красный архив», 1936, № 1(74), стр. 203.

¹¹ Из воспоминаний профессора МГУ И. Д. Удальцова, записанных автором в июле 1950 г.

¹² «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 577.

¹³ См. «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП». [Протоколы]. М., 1932, стр. 349; *А. Л. Мильштейн*. Указ. соч., стр. 36.

¹⁴ См. «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.», стр. 57.

¹⁵ См. «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», стр. 324.

¹⁶ См. *А. Л. Мильштейн*. Указ. соч., стр. 40.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1906 г., ч. 3, д. 1877, т. II, л. 91; *М. Н. Симонян*. Жизнь для революции, стр. 12.

¹⁸ *М. Мительман* и др. История Путиловского завода, стр. 243.

¹⁹ См. *Н. Е. Буренин*. Люди большевистского подполья, стр. 31, 69.

²⁰ См. *В. В. Куйбышев*. Эпизоды из моей жизни. М.—Л., 1937, стр. 5.

²¹ ЦГАОР, ф. 102, 1905 г., д. 3, ч. 30, т. 2, л. 41, 53, 77, 95, 120.

²² См. «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.», стр. 6, 32, 68; *Б. Л. Могилевский*. Никитич (Л. Б. Красин). М., 1963, стр. 61.

²³ См. *А. И. Гуляев*. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905—1907 гг. Л., 1935, стр. 114.

²⁴ См. «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.», стр. 233—234.

²⁵ См. «История Московского университета», т. 1, стр. 523.

²⁶ *Е. Н. Андриканис*. Хозяин «чертова гнезда». М., 1960, стр. 3, 5.

²⁷ См. *Ф. Драккина*. Московские боевые дружины в 1905 г. — «Борьба классов», 1935, № 12, стр. 91, 92; *Н. Н. Яковлев*. Вооруженное восстание в декабре 1905 г. М., 1957, стр. 115.

²⁸ *И. Васин, И. Угаров*. Первый штурм. М., 1965, стр. 121.

²⁹ См. «Высший подъем революции. 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 772, 781.

³⁰ См. «Московское декабрьское вооруженное восстание». Сборник материалов и документов. М., 1940, стр. 60; *Н. Д. Пахолков*. Дружина молодых. — «Юность», 1955, № 7, стр. 20.

³¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 664.

³² См. «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965», стр. 87.

³³ *Н. К. Кольцов*. Указ. соч., стр. 1—3; «Высший подъем революции. 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 684.

³⁴ «Новости дня», 19 декабря 1905 г.

³⁵ «Москва в декабре 1905 г.». Сборник статей. М., 1906, стр. 183.

³⁶ «Дело народа» № 8, декабрь 1906 г.

³⁷ См. *Х. Херсонский*. Вахтангов. М., 1963, стр. 44.

³⁸ См. «История Московского университета», т. I, стр. 524.

³⁹ См. «Высший подъем революции. 1905—1907 гг.», ч. II, стр. 478; «Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет», стр. 179; *П. А. Зайченко*. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁰ См. *Ю. Коробов*. Революционные восстания на Балтике 1905—1906 гг. Л., 1956, стр. 81, 98, 82, 103.

Студенческое движение в годы отступления революции (1906—1907 гг.)

¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 225.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 326.

³ ЦГАОР, ф. 733, 1906 г., оп. 152, д. 194, л. 136.

⁴ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.145.

1906.I

⁵ См. «Второй период революции. 1906—1907 гг.», ч. 1, кн. 1. М., 1957, стр. 324—325; ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.138.

1906.IV.7

⁶ «Второй период революции», ч. 1, кн. 1, стр. 339.

⁷ Там же.

⁸ См. «Ленинградский университет» № 9(359), 28 февраля 1939 г.

⁹ ЛГИА, ф. 14, оп. 9, д. 3901, л. 2, 6, 7, 9, 12—18, 24, 27.

¹⁰ «Молодая Россия» № 1, 4 января 1906 г.; *А. Ф. Бережной*. Большевицкая печать и студенчество университета. — «Вестник ЛГУ», вып. II. История, язык, литература, 1969, № 2, стр. 31.

¹¹ См. «История Ленинградского университета. 1819—1969», стр. 170.

¹² Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 585, оп. 1, д. 480, л. 14.

¹³ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 110, л. 48.

¹⁴ *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 96.

¹⁵ См. «Студенчество» № 1, 16 октября 1906 г., стр. 22.

¹⁶ См. «Студенчество» № 3, 20 ноября 1906 г.

¹⁷ См. «Студенчество» № 2, 30 октября 1906 г., стр. 22.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. «Студенчество» № 4, 6 декабря 1906 г., стр. 47.

²⁰ См. «Студенчество» № 2, 30 октября 1906 г., стр. 48.

²¹ ЦГАОР, фонд нелегальной революционной печати, № 28437.

²² См. «Студенчество» № 4, 6 декабря 1906 г., стр. 48.

²³ См. *О. И. Латышева*. Указ. соч., стр. 424.

²⁴ См. «Студенчество» № 3, 20 ноября 1906 г., стр. 49.

²⁵ См. там же, стр. 48—49.

²⁶ «Студенчество» № 4, 6 декабря 1906 г.

²⁷ См. там же.

²⁸ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 425, л. 14.

²⁹ «Пролетарий» № 4, 19 сентября 1906 г.

³⁰ Там же.

³¹ См. *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 76.

³² Там же.

³³ См. там же, стр. 77.

³⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 15.

³⁵ См. *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 78.

³⁶ См. там же, стр. 78—79.

³⁷ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 15.

³⁸ «Русские ведомости» № 228, 16 сентября 1906 г.

³⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 19, 54; д. 309, л. 7, 14; д. 318, л. 6; д. 320, л. 1, 2.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 320, л. 1, 2 об.

⁴¹ ИМЛ, ФАХ, ЦЛ.22.148.

1905.IX.9

- ⁴² ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 48, 49 об., 50, 52.
⁴³ См. там же, л. 46, 46 об.
⁴⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 312, л. 9; *П. А. Зайченко*. Указ. соч., стр. 98.
⁴⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 267, л. 83; д. 317, л. 1, 8, 9; *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 108—110.
⁴⁶ Цит. по: *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 111—112, 113.
⁴⁷ Там же, стр. 110. Приветствия Совету депутатов в те дни были направлены студентством других высших учебных заведений страны (см. «Студенчество» № 2, 30 октября 1906 г.).
⁴⁸ «Студенчество» № 2, 30 октября 1906 г., стр. 21.
⁴⁹ *Д[ьяконов]*. Указ. соч., стр. 121.
⁵⁰ Там же, стр. 123.
⁵¹ См. «Студенчество» № 2, 30 октября 1906 г., стр. 21, 22.
⁵² ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, ч. 26, л. 60, 64, 71—72, 77; ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 41—44.
⁵³ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 41.
⁵⁴ См. «История Ленинградского университета. 1819—1969», стр. 169, 172.
⁵⁵ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 213, л. 49 об., 52 об.
⁵⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 151, д. 653, л. 125. До этого поступить в университет могли лишь лица, окончившие гимназию.
⁵⁷ Там же, л. 133.
⁵⁸ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 3, т. 5, ч. 32, л. 138.
⁵⁹ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 330 (аресты, исключения студентов в. у. з. за 1907 г.), л. 7, 10—13, 18, 21—23, 28, 33—46, 49, 52—58, 61—70, 72—147 и др.
⁶⁰ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 330, л. 11, 12.
⁶¹ ЦГАОР, ф. 124, 1907 г., д. 298, л. 1.
⁶² «Новое время», 20 февраля 1907 г.
⁶³ См. *О. И. Латышева*. Указ. соч., стр. 454.
⁶⁴ ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 366, л. 43.
⁶⁵ См. *О. И. Латышева*. Указ. соч., стр. 467.
⁶⁶ ЛГИА, ф. 139, 1907 г., оп. 1, д. 10869, л. 1—4.
⁶⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 214.

Заключение

- ¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446; т. 11, стр. 283.
² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83.
³ См. там же, стр. 69.
⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 217.
⁵ Там же.
⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 346, 351—352, 384; т. 12, стр. 19.
⁷ См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 28.
⁸ Цит. по: «Второй съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, стр. 403.
⁹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 351—352.
¹⁰ Там же, стр. 384.
¹¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 328.
¹² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 312.
¹³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 374.

- ¹⁴ Там же, стр. 394.
¹⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 86.
¹⁶ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9045, л. 60.
¹⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 3.
¹⁸ Там же, стр. 154.
¹⁹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 399.
²⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза». В шести томах, т. 2. «Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904—февраль 1917 года». М., 1966, стр. 32.
²¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». М., 1970, стр. 44.
²² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 304.
²³ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 163.
²⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 65.
²⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 347.
²⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Собр. соч., т. 22, стр. 432.

Библиография

I. Произведения В. И. Ленина

- О чем думают наши министры. — Полн. собр. соч. (далее — ПСС), т. 2.
Проект и объяснение программы социал-демократической партии. — ПСС, т. 2.
Задачи русских социал-демократов. — ПСС, т. 2.
Отдача в солдаты 183-х студентов. — ПСС, т. 4.
Начало демонстраций. — ПСС, т. 5.
Внутреннее обозрение. — ПСС, т. 5.
Признаки банкротства. — ПСС, т. 6.
Что делать? — ПСС, т. 6.
Письмо к товарищу о наших организационных задачах. — ПСС, т. 7.
О демонстрациях. — ПСС, т. 7.
К учащимся средних школ. — ПСС, т. 7.
К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду. — ПСС, т. 7.
Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи. — ПСС, т. 7.
Пора кончить. — ПСС, т. 9.
Начало революции в России. — ПСС, т. 9.
Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву. — ПСС, т. 9.
О боевом соглашении для восстания. — ПСС, т. 9.
Новые задачи и новые силы. — ПСС, т. 9.
Две тактики социал-демократии в демократической революции. — ПСС, т. III.
Обострение положения в России. — ПСС, т. 12.
Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти. — ПСС, т. 11.
В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете. — ПСС, т. 11.
Политическая стачка и уличная борьба в Москве. — ПСС, т. 11.
Уроки московских событий. — ПСС, т. 11.
Ультиматум революционной Риги. — ПСС, т. 12.
Задачи отрядов революционной армии. — ПСС, т. 11.
Этапы, направление и перспективы революции. — ПСС, т. 12.
Студенческое движение и современное политическое положение. — ПСС, т. 17.
Вопрос о партийности среди демократического студенчества. — ПСС, т. 22.
Интернационал молодежи. — ПСС, т. 30.

Ленинский сборник XXVI, стр. 146.
В. И. Ленин. О молодежи. М., 1966.

II. Документы КПСС. Большевицкая пресса

- «Об отношении к учащейся молодежи». Резолюция Второго съезда РСДРП. — «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I, изд. 8. М., 1970.
«Второй съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959.
«Третий съезд РСДРП». Сборник документов и материалов. М., 1955.
«Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. I. М., 1956.
«Листовки петербургских большевиков 1902—1917», т. I. М., 1939.
«Искра», 1900—1903 гг.
«Вперед», 1905 (январь—апрель).
«Пролетарий», 1905 (май—ноябрь).
«Новая жизнь», 1905 (ноябрь—декабрь).
«Коммунист» за 1956—1970 гг.
«Проблемы мира и социализма» за 1961—1970 гг.

III. Архивные источники

1. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА), фонд «Искры» — ф. 24, оп. 3н, ед. хр. 1285, 1286; оп. 4н, ед. хр. 1362; 4у, ед. хр. 27710, 27711, 27714, 27715, 27744, 27840, 27844, 27896, 27897, 27904, 27905, 27909, 27914, 27916, 27922—29926, 27939, 27944; 5у, ед. хр. 27981, 27997, 37212; 6у, ед. хр. 41665; 8у, ед. хр. 28185; 12у, ед. хр. 28424; 13у, ед. хр. 28514; 14у, ед. хр. 39859; 15у, ед. хр. 21188, 21721; 16у, ед. хр. 21600, 21601, 21711, 21714, 21719—21722.
Фонды «Вперед» и «Пролетарий» — ф. 25—26, 5н, ед. хр. 37182, 37207, 37208, 37211, 37212; 36д, ед. хр. 19542.
Фонд ЦК РСДРП — ф. 385, оп. 1н, ед. хр. 37550.
Фонд архивного хранения библиотеки Института марксизма-ленинизма (ФАХ), листовки и бюллетени социал-демократических и других общественных студенческих организаций за 1899—1907 гг.
2. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), фонд департамента полиции (ф. 102), — ф. 102, ОО, 1898 г., д-во 2, ч. 1, лит. А, Б, В, Г, Д, Е; ч. 2, лит. А, Б, В, Г, Д, Ж, З, Е; ч. 3, д. 213, т. 2, 4, 4А; д. 5, ч. 6, лит. III, т. 1—2; лит. Ф, т. 2; ОО, 1904 г., д-во 3, ч. 10, т. 1—2; ч. 1, т. 3²; т. 4; д. 4, ч. 1, т. 3; д. 5, ч. 2, лит. Б, т. 1—2; ч. 10, т. 1; ОО, 1905 г., д-во 3, ч. 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 35, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 49; оп. 166, д. 16, 17, 34; оп. 168, д. 35, 59, 71; ОО, 1898 г., д-во 3, ч. 125, т. 1, лит. А; т. 2, лит. А; т. 3, 4, 4А, 5, 6, 7, 8, 8А, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18; ч. 150, т. 1, лит. А, Б, В; т. 2, лит. А; т. 3, 4, 4А, 5, 8, 9, 10, 12, 15; ОО, 1906 г., д-во 3, д. 1877, т. 21, оп. 152, д. 194;
Фонд министерства юстиции — ф. 124, оп. 8, д. 194, 196, 198, 199, 201—226; оп. 9, д. 256—258, 263—269; оп. 10, д. 430—467, 764—785;

оп. 11, д. 269, 279—283; 515—520, 1288, 1408, 1293—1296, 1304—1305; оп. 12, д. 395, 403, 430, 1785—1799; оп. 13, д. 1941, 2002, 2025, 1271, 1273, 1535, 2013, 1276, 1287; оп. 43, д. 190—197; 205—219; 225—227; 243, 251—253, 263, 264, 3323, 3339, 3343, 3369, 3370; 3376; оп. 44, д. 108, 111, 119; оп. 45, д. 1656, 1657; оп. 46, д. 897—898, 902; оп. 47, д. 945—948; оп. 48, д. 629, 631, 634; оп. 53, д. 310, 311; оп. 50, д. 315, 316; оп. 54, д. 223—225;

Коллекция нелегальных изданий (ф. 1741), № 8579, 28437, 29636.

3. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, фонд департамента министерства народного просвещения) — ф. 733, оп. 151, д. 46—49, 53, 62, 63—66, 176, 226, 241, 243, 244, 253, 272, 288—292, 299—294, 462, 537, 597, 638, 639, 642, 644—646; оп. 152, д. 43—45, 125, 126, 143, 168, 177, 184, 186, 188, 192, 194; оп. 153, д. 110, 153, 158, 160, 163, 164, 213, 317—320.

Фонд высочайших указов и всеподданнейших докладов по министерству народного просвещения — ф. 744, оп. 6, д. 68 и др.

Фонд промышленных учебных заведений министерства народного просвещения — ф. 741, оп. 2, д. 34; оп. 11, д. 31.

Фонд бывшего министра народного просвещения В. Г. Глазова — ф. 922, оп. 1, д. 222.

Фонд Г. Г. Савича — ф. 1045, оп. 1, д. 198.

Фонд канцелярии петербургского генерал-губернатора — ф. 1326, оп. 6, д. 7, ч. (II—III), 35, 54, 174, 331, 351, 353; оп. 8, д. 8.

4. Ленинградский государственный исторический архив, фонд канцелярии попечителя петербургского учебного округа — ф. 139, оп. 1, д. 8732, 8733, 8739, 8790, 8792, 9044, 9045, 9334, 9335, 9593, 9594—9596, 9921, 10198—10200, 10869;

Фонд С.-Петербургского университета — ф. 14, оп. 1, д. 9648а; оп. 1, д. 9703; оп. 2, д. 1355, 5520, 6166; оп. 3, д. 16323, 29928, 35426, 36763, 38860, 40610, 43281, 42912; оп. 9, д. 3901; ф. 14, оп. 25, д. 36; оп. 173, д. 7446.

В работе использованы также документы из фондов С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов (ф. 113), Института инженеров путей сообщения (ф. 381), С.-Петербургского технологического института (ф. 492), Политехнического института (ф. 478), Института гражданских инженеров (ф. 184), Женского медицинского института (ф. 436), Горного (ф. 963), Электротехнического (ф. 990) и Лесного (ф. 994) институтов.

5. Ленинградский партийный архив Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС — ф. 4000, оп. 5, д. 42, 217, 219, 359, 514.

6. Государственная библиотека имени В. И. Ленина, отдел рукописей, фонд профессора Ключевского В. О. — ф. 131, папка № 30, д. 4, 24, 27, 30; фонд профессора Герье — ф. 70, папка № 72, д. 1, 4, 5, 9, 15.

7. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, фонд профессора Платонова С. Ф. — ф. 585, оп. 1, д. 480.

IV. Опубликованные документы

«Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы». «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 года». Под ред. Н. С. Трусовой (отв. ред.) [и др.]. М., 1955; «Всероссийская

политическая стачка в октябре 1905 года», ч. 1—2. Под ред. Л. М. Иванова (отв. ред.) [и др.]. М.—Л., 1955; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года». Под ред. А. Л. Сидорова (отв. ред.) [и др.], ч. 1—II. М., 1955; «Второй период революции. 1906—1907 гг.». Под ред. Г. М. Деренковского (отв. ред.) [и др.], ч. 1, кн. 1. М., 1957; «Пролетарская революция», 1924, № 12(35); «Красная летопись», 1930, № 2(35); «Красный архив», 1936, № 1(74); 1938 № 89—90; «Полное собрание законов Российской империи...». Собр. 3, т. XXV, 1905. СПб., 1908.

V. Периодические издания

«Былое», 1907, № 9(21); «Вестник общества технологов», 1905, № 9; «Гражданин», 1901 (октябрь—декабрь); «Журнал министерства просвещения», 1901 (январь—декабрь); «Минувшие годы», 1908, № 12; «Молодая Россия», 1906; «Новости дня», 1905 (декабрь); «Освобождение», 1902 (июль—декабрь); «Правительственный вестник», 1901—1907 гг.; «Революционная Россия», 1902—1903 гг.; «Русская газета», 1905—1906 гг.; «Русская жизнь», 1905 г.; «Русь», 1907 г.; «Студент», 1903 (апрель—сентябрь); «Студенчество», 1906 (октябрь—декабрь).

VI. Исследования. Литература

Арутюнов Г. А., Тер-Мкртчян Л. Х. Жизнь и деятельность С. Спандаряна. М., 1958.

Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1901 г.—октябрь 1917 г.). М., 1965.

Баранский Н. Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза (Воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.). Новониколаевск, 1923.

Брандт А. Положение высших учебных заведений в связи с вопросом о митингах. Доклад III делегатскому съезду академического союза. СПб., 1906.

Бережной А. Ф. Большевицкая печать и студенчество [Петербургского] университета. — «Вестник Ленинградского университета», вып. 1. История, язык, литература, 1969, № 2.

Буренин Н. Е. Люди большевистского подполья. М., 1958.

Васильев-Южин М. Октябрьская забастовка и студенчество. — «Пролетарская революция», 1930, № 10.

Васина Э. Л. Студенчество Московского университета в революционном движении 1901—1902 годов. — «Вестник Московского университета», 1955, № 1.

Виноградов Ф. Г. Сибирское студенчество накануне революции 1905 г. — «Каторга и ссылка», 1931, кн. 8—9.

Воронков М. И. Из жизни дореволюционного студенчества [Записки]. М., 1947.

Выдрий Р. Основные моменты студенческого движения в России. Изд-во «Студенческий голос». М., 1908.

Головкин Г. М. К истории студенческого движения в Москве (1901—1902 гг.) — «Труды Московского историко-архивного института», т. 16. М., 1961.

Гуляев А. И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905—1907 гг. Л., 1935.

- Двойрис З. С.* Пламенное сердце (О коммунисте Ф. Н. Петрове). М., 1964.
- Демочкин Н. Н. и др.* Революция 1905—1907 гг. в России. Пособие для учителя. М., 1965.
- Дубинский-Мухадзе И. М.* Шаумян [1878—1918]. М., 1965.
- Дружинин П. Н.* Революционное движение учащейся молодежи в Ярославле (1900—1905). — «Краеведческие записки Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», вып. 4. Ярославль, 1960.
- Дорошенко Н. В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования. — «Красная летопись», 1931, № 2(41).
- Дьяконов*. 1905 и 1906 гг. в Петербургском университете. Сходки, митинги (Хроника). СПб., 1907.
- Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.
- Зайченко П. А.* Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880—1955). Томск, 1960.
- Ильющенко Т. А.* Общественно-политическая жизнь Лесного института в период 1900—1907 гг. — «Научные труды лесотехнической академии», вып. 95, 1961.
- «История Коммунистической партии Советского Союза». В шести томах, т. 1. М., 1964; т. 2. М., 1966.
- «История Ленинградского университета 1819—1969». Очерки. Л., 1969.
- «История Московского университета». В двух томах, т. I—II. М., 1955.
- Иорданский Н. И.* Миссия П. С. Ванновского. — «Былое», 1907, № 9 (21).
- Калиновский Г. А.* Участие студентов и преподавателей Петербургского электротехнического института в борьбе против царизма. — «Известия Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова», вып. 32, 1957.
- Кольцов Н. К.* Памяти павших. М., 1906.
- Кречет Л., Смидович С.* Славные большевички. Сборник рассказов. М., 1958.
- Куйбышев В. В.* Эпизоды из моей жизни. М.—Л., 1937.
- Лавров П.* «Временные правила» (Студенческое движение в Киевском университете в 1900—1901 гг.). — «Советское студенчество», 1936, № 1.
- Латышева О. И.* Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции. 1905—1907 гг. Канд. дисс. М., 1954.
- Левидова С. М., Салита Е. Г.* Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969.
- «Ленинградский Политехнический институт имени М. И. Калинина. История института». — «Труды ЛПИ», № 190. Л., 1957.
- Лядов М.* Молодежь на заре жизни партии. — «Юный коммунист», 1933, № 14.
- Мандель С., Калинин А.* Ленин и Петербургский университет. Л., 1969.
- Матвеев М. И.* Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966.
- Мильштейн А. Л.* Технологический институт в 1905 г. Л., 1959.

- Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. 1801—1917. М., 1961.
- Могилевский Б. Л.* Артем (Ф. Сергеев). М., 1960.
- «Москва в декабре 1905 г.». Сборник статей. М., 1906.
- «На пути к победе. Горный институт». Л., 1928.
- Некрасов П. А.* Одесский университет в 1905 г. — «Труды Одесского университета», т. 146, 1956.
- Нестеров Г.* К истории студенческого движения в России (1902—1903 гг.). — «Каторга и ссылка», 1926, кн. 28—29.
- Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в 19 столетии. М., 1934.
- «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг. Л., 1962.
- «Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг.». Сборник документов и материалов. М., 1934.
- Позмоглова Л. П.* Ольга Генкина. Горький, 1963.
- Рабочее движение в Харькове. Изд-во «Союза русских социал-демократов». Женева, 1900.
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902.
- «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы». Сборник статей и воспоминаний. Л., 1965.
- Сибирский.* Отправка студентов в Сибирь. Изд-во «Лиги русской социал-демократии». Женева, 1902.
- Сибиряк.* Студенческое движение в России. Изд-во «Союза русских социал-демократов». Женева, 1899.
- Симонян М. Н.* Жизнь для революции. М., 1962.
- Сладкевич Н. Г.* Петербургский университет в 1905 году [К истории революционного движения студенчества]. — «Вестник Ленинградского университета», 1955, № 3.
- Спешков С. Ф.* Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом Совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения. СПб., 1908.
- Степанов В. Н.* Ленин и русская организация «Искры». М., 1968.
- Струмилин С. Г.* Из пережитого. 1897—1917 гг. М., 1957.
- «Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве». Составитель М. Бенасик. Под ред. профессора В. В. Святковского. СПб., 1909.
- Тарасов Е. П. Н. И.* Подвойский. Ярославль, 1957.
- Титов А.* Воспоминания о студенческом движении. 1901. М., 1907.
- Ткаченко П. С.* Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958.
- «Ученые записки Московского государственного университета». История. Юбилейная серия, вып. 51. М., 1940.
- Федоров В. Ф.* Томское студенчество в революционном движении (1898—1905 гг.). — «Труды Томского медицинского института», т. XVI. Томск, 1949.
- «Харьковский государственный университет имени А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955.
- Чертков В.* Русские студенты в освободительном движении. М., 1908.
- Элерт А. А.* Очерк студенческого движения в Казани накануне революции 1905—1907 гг. Казань, 1961.

- Энгель Г. и Горохов В. Из истории студенческого движения. 1899—1906. М., 1908.
- Энгель Г. 1905 год и студенческое движение в Петербургском университете. — «Красная летопись», 1925, № 2 (13).
- Эрингсон Л. К. Тартуский университет в период первой русской революции 1905—1907 гг. Канд. дисс. Тарту, 1957.
- Эссен М. М. Первый штурм. М., 1957.
- Яковлев Н. И. Вооруженное восстание в декабре 1905 года.
- Янсен Э. О революционном движении среди тартуских студентов в конце XIX—начале XX в. — «Ученые записки Тартуского университета», 1954, № 35.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адикс 83
- Адоратский В. В. 61, 113, 224
- Азизбеков М. А. 28, 62, 113, 224
- Александр III 19
- Александров Л. П. 83
- Алексеев Н. А. 224
- Алексеевский В. А. 207
- Амбарцумян С. С. 83
- Андропов С. В. 35
- Аносов А. М. 130
- Антонов В. П. (Саратовский А.) 61, 224
- Аполлонов Н. В. 70, 123, 198
- Араратов П. С. 12, 117, 130, 167
- Артем см. Сергеев Ф. А.
- Архангельский А. А. 35
- Архангельский Н. Н. 83
- Атабеков Н. С. (Тумас) 61
- Афанасьев В. 124
- Баев И. М. 83
- Байков А. А. 224
- Баранова 116
- Баранский Н. Н. 61, 224
- Басальго Д. 185
- Батурин Н. Н. см. Замятин Н. Н.
- Батурин С. Н. 83
- Бархатова Л. Н. 117
- Бауман Н. Э. 27, 113, 224
- Бах Н. 28, 35
- Бекетов А. Н. 93
- Бекзаянц А. А. 61
- Беклемишева В. 35
- Белинский В. Г. 23
- Белякин Д. С. 70
- Беренс Я. К. 187
- Бибикова Н. 35
- Благоев Д. Н. 23, 27
- Блох Ю. 70
- Бобров А. В. 46
- Богданов А. А. 140
- Боголепов Н. П. 59
- Богомолов В. И. 61
- Богородский В. В. 70
- Богословский Е. В. 190
- Бокий Г. И. 35, 56, 77, 130, 198, 224
- Болтаненков И. 207
- Бонч-Бруевич В. Д. 38, 224
- Борткевич Я. П. 187—188.
- Бруснев М. И. 23, 27
- Брюханов Н. П. 38, 61, 224
- Бубнов А. С. 114, 136, 224
- Бубнов В. С. 187
- Буренин Н. Е. 224
- Быстрянский В. А. 114
- Вайнштейн С. П. 61
- Вакар В. В. 38
- Ванеев А. А. 224
- Ванновский П. С. 34, 59
- Варенцова О. А. 224
- Варыпаев С. А. 46
- Васильев А. В. 46
- Васильев-Южин М. И. 38, 176, 224
- Вахтангов Е. Б. 190
- Вегер В. И. 186, 199, 224
- Вейсброт Е. В. 186, 199
- Вельяминов-Зернов 73
- Венгеров С. А. 93
- Венедиктова А. 191, 205
- Вермишев А. А. 70
- Вертячих А. Н. 62

Веселовский А. В. 70
Ветрова М. Ф. 28, 30, 38
Виноградов 190
Виноградова О. И. 62
Винокуров А. Н. 38, 224
Винтер А. В. 38
Владимирский М. Ф. 27, 38, 114, 224
Водовозова М. И. 38
Воинов В. П. 224
Войков В. П. 35
Волгин В. П. 83, 224
Вологдин В. П. 56, 57, 77, 134, 224
Волосов С. С. 83
Волынская Н. 35
Воровский В. В. 27, 38, 114, 134, 196, 224
Воскобойников М. А. 70
Воскресенский Н. Н. 70
Выдрин Р. 8

Габунья А. 35
Гальперин Р. И. 70
Гамс А. 114
Гапеев А. 198
Гарин-Михайловский Н. Г. 93
Генкина О. М. 114, 116, 117, 130, 224
Говоров И. И. 116
Горбунов К. А. 35, 46, 70
Горев А. А. 114
Горохов В. А. 8, 70
Горький А. М. 23, 45, 64, 93, 190, 196
Гречихин П. 70
Губарев А. В. 70
Гусев С. И. 28, 29, 114, 140, 224

Д(Дьяконов А. А.) 8
Давыдов Л. Д. 141
Денисова 116
Десницкий В. А. 62, 70
Джапаридзе А. Л. 38, 224.
Джапаридзе П. А. 38.
Дмитриев Б. Н. 51
Дмитриевы (сестры) 116
Добров 83
Добровольский Д. В. 70
Добролюбов Н. А. 23, 26, 65
Добронравова О. 35
Доливо-Добровольский А. П. 70
Доливо-Добровольский Ф. П. 70

Домбровский К. А. 46
Дорошенко Н. В. 108, 111, 114, 123, 130, 146, 198
Доссер З. 187
Драбкин Я. 28
Драбкина Ф. И. 224
Драницын С. Н. 167
Дубасов Ф. В. 194
Дубровинский И. Ф. 206, 224
Дубровский Н. 35
Дубяго В. 35
Дударев Н. А. 190
Дулбин М. П. 116
Дюбуа А. П. 116

Елизаров М. Т. 55
Ельницкий А. Е. 116

Жарновецкий К. С. 130, 133, 134, 146, 187, 191

Заболотский А. И. 130
Загорский Е. 83
Загорский С. И. 44, 70
Задлер В. В. 46
Зайончковский Г. А. 51
Зайончковский К. А. 70
Залежский В. Н. 224
Зальсин Л. 83
Замятин А. Н. 108, 146
Замятин Н. Н. (Батурич) 35, 114, 224
Запорожец П. К. 27, 114, 224
Зарубин А. Н. 44
Землячка Р. С. 206
Зенгер 73, 74
Зиварт 188
Золя Э. 93
Зоммерфельд В. Я. 189

Игнатович К. 35
Иорданский Н. И. 35

Кабахидзе Л. Г. 190
Кавтарадзе С. И. 224
Калинин М. И. 206
Каляев И. П. 35
Каменский П. 70
Каплан А. Я. 123, 134, 198
Карпинский В. А. 38
Карпов Л. Я. 38, 224
Карпович П. 59
Карякин А. Е. 35
Квятковская В. Н. 134

Кедров М. С. 38, 61, 70, 86, 114, 224
Киров С. М. 144
Кирпичников С. 24
Классен В. Э. 70, 84
Клейгельс 31, 36, 57
Клейнборг Л. 77, 114
Клименков В. 35
Клот В. 114
Кнуянц Б. М. 28, 35, 56, 57, 62, 77, 114, 167, 224
Ковригин В. Ф. 46
Кожин М. В. 190
Колмогоров А. И. 70, 79, 80
Кольцо Н. И. 187
Кольцов 130
Кон Е. С. 51
Кононов И. 144
Корель И. И. 178, 195, 198
Косач 116
Костицын В. А. 190
Костылев М. А. 57
Косякина Н. 35
Котельников К. Г. 83
Красиков П. А. 27, 114, 224
Красин Л. Б. 24, 114, 224
Кржижановский Г. М. 27, 114, 224
Крупская Н. К. 206, 224
Кручинин С. К. 70
Крыленко Н. В. 114, 130, 131, 146, 167, 187, 204, 224
Крылов В. И. 83
Кузьмин Н. Н. см. Кузьминский
Кузьминский (Кузьмин Н. Н.) 108, 130, 198
Куйбышев В. В. 114, 187, 224
Куликов А. П. 114
Кулишер А. 35
Курнатовский В. К. 27, 224
Курский Д. И. 114, 224
Курский Н. И. 77
Кустов Б. С. 190, 191
Кучеровский А. 114, 178

Лагемарк 66
Лазо С. Г. 114
Ленин В. И. 3—7, 10, 13, 14, 17, 19, 25, 26, 47, 48, 62, 65, 67, 68, 88—92, 96, 97, 99—101, 103—107, 109—111, 119, 137—140, 151, 159, 162, 164, 183, 184, 192, 196, 206, 209, 210, 213—220, 222—226

Лесгафт П. Ф. 93
Лихачев И. 35
Лихачев С. А. 56, 58
Ломов Г. И. 224
Луначарский А. В. 55, 196, 224
Луначарская С. Н. 55
Лунц М. 190
Лядов М. Н. 166

Макаров В. Н. 108, 114, 116, 146
Максимов И. Н. 46
Малышев И. М. 114, 133
Мамаева А. 191, 205
Мамин-Сибиряк Д. Н. 93
Мануильский Д. З. 22, 114, 130, 148, 167, 187, 191, 224
Маркс К. 24, 103
Мартов Л. 110
Матвеев М. И. 9
Махарадзе Ф. М. 114, 224
Махов 110
Менжинский В. Р. 224
Мин 174
Мицкевич С. И. 38, 114, 224
Моисеев Д. 190
Мухин А. Я. 108
Мыязов М. 35
Мясников А. Ф. 114, 224

Нагурский 83
Нейман А. А. 130
Неустроева М. 35
Никитин 188
Николай II 19, 43, 45, 59, 68, 78, 86
Никон 175
Новицкий М. 51
Новодворский А. Н. 108

Овсянкин В. А. 9
Окулова Г. И. 114, 224
Окуньков А. А. 38
Ольминский М. С. 196
Орахелашвили М. Д. 61
Орлов В. И. 83
Орлов Н. 35
Осоков С. В. 116

Пальчевский Н. 185
Панчина С. Я. 188
Первухин Е. П. 35, 83
Петров А. А. 108
Петров Ф. Н. 22, 114, 224
Печуркин К. 70, 143

Плюснин Л. А. 85, 108
Подановский 117
Подвойский Н. И. 70, 86, 114, 224
Позерн Б. П. 70, 83, 114, 224
Познер А. В. 70
Познер В. 46
Познер Е. А. 51
Познер С. 35
Покотилов А. Д., 43, 50, 51
Полубояринова М. 35, 56
Полянский А. Л. 70
Полянская Н. 35
Попова О. Я. 188
Порай-Кошиц А. Е. 28, 77
Поссе 32
Потемкин А. А. 83
Потемкин В. П. 114
Пришвин М. М. 38
Пясковская Е. 35
Пятницкий К. П. 190

Радченко И. И. 114, 224
Радченко С. И. 27, 114, 224
Радус-Зенькович В. А. 12, 83, 114, 224
Райков Б. Е. 46, 70
Ракова Е. Д. 51, 56
Ревенко 116
Рерих К. Е. 51, 77, 114
Роллан Р. 93
Романов К. П. 190
Руднев Н. В. 38
Рыбак Х. И. 70

Савинкин Н. В. 141
Савков В. М. 189
Сагрето П. П. 187
Самойлов Д. А. 56, 77
Самойлова (Самойлова-Громова) К. Н. 28, 29, 38, 51, 56, 62, 114, 206, 224, 225
Саратовский А. см. Антонов В. П.
Сбитников 83
Сватиков С. Г. 70
Свешников 32
Святловский В. В. 147
Святополя-Мирский П. Д. 129
Семашко З. А. 188
Семашко Н. А. 27, 38, 114, 225
Семашко С. А. 188
Семенов 104
Семенов С. С. 35

Сенявин Л. А. 38
Сергеев Ф. А. (Артем) 83, 84, 114, 225
Сергеевич В. В. 31
Серебряков М. В. 38, 225
Сибирак 8
Сильвин М. А. 27
Сипягин Д. С. 78
Скворцов Н. И. 51
Скрипкин (Скрыпник) Н. А. 35, 56, 58, 62, 70, 84, 225
Скрыпник см. Скрипкин Н. А.
Славянов А. Н. 108
Сладкевич Н. Г. 9
Слуцкий Е. Е. 70
Смидович С. Н. 53
Смирнов В. 35, 114
Соболев Н. И. 46
Соболева 116
Соколов А. В. 38
Соколов Н. Н. 114
Сольц А. А. 70
Спандарян С. С. 114, 136, 190, 225
Сперанский В. Н. 147
Спешков 98
Спonti А. А. 56, 70
Стасов Д. В. 93
Стасова Е. Д. 12, 109, 114, 115, 123, 126, 225
Столыпин П. А. 193, 206, 209
Струве П. Б. 32, 103, 128
Струмилин С. Г. 29, 77, 225
Стучка П. И. 225
Суровцева Е. М. 116
Суслова Е. М. 134
Сухов А. С. 114
Сыромятников А. С. 70

Тадеуш Я. 35
Татарчуков А. Н. 114, 130
Терехов П. Г. 189
Тер-Мкртчянц А. 191
Тиме А. 70
Тихвинский М. М. 188
Токмачев П. 191
Толстой Л. Н. 210
Трайнин А. Н. 186, 199
Трдатянц 130
Троцкий Л. Д. 110
Труба И. М. 84
Туган-Барановский М. И. 32, 103

Удальцов И. Д. 12, 199, 225
Ульянов А. И. 26
Ульянов Д. И. 114, 225
Ульянова А. И. 225
Ульянова М. И. 38, 55, 225
Уриссон И. Г. 187
Успенский Г. И. 87
Ушаков Ф. 35

Федосеев Н. Е. 23
Филатов В. В. 51
Фортинский 73
Фотиева Л. А. 56
Фрид З. 114
Фридолин В. Ю. 46, 51
Фрунзе М. В. 114, 130, 189, 225

Хаинский А. И. 199
Херхеулидзе Л. А. 44
Хироли М. 190
Хмелевцев И. Ф. 114
Ховрин А. А. 70, 83
Хохлов Н. И. 116
Хундадзе Г. И. 70

Цехановский 190
Цивилев В. В. 116
Цинцадзе Н. К. 190
Цулукидзе А. Г. 114, 225
Цюрупа А. Д. 225
Цюрупа Л. Д. 56, 57

Черданцев В. 114
Чернышевский Н. Г. 23, 26
Чесский А. Ф. 188
Чечевицын Н. В. 56

Чехов А. П. 433
Чудновский Н. Н. 70

Шанцер В. Л. (Марат) 225
Шаумян С. Г. 24, 61, 66, 70, 75, 83, 114, 225
Шахматов А. А. 93
Шварц А. Н. 209
Швейцер М. Э. 70, 83
Шелгунов Н. В. 23, 26
Шепель А. А. 207
Шехтер Е. С. 46, 70
Шиманский В. Л. 58
Шишкин З. Н. 115, 117
Шлихтер А. Г. 225
Шмит Н. П. 189
Штейман В. 115, 116

Щеголев П. Е. 35
Щербаков С. А. 83

Эйхельман 43.
Элиава Ш. 114
Энгель В. А. 123, 130, 156, 167, 169, 178, 198
Энгель Г. А. 8, 101, 108
Энгельс Ф. 103
Эссен А. М., 114, 115, 167, 225
Эссен М. М. 12, 182
Эссен Э. Э. 114, 225

Явейн 188
Яновицкий В. И. 187
Ярославский Е. М. 206
Ярославцева Н. И. 116

Оглавление

Введение. Задачи исследования. Историография. Источники . . .	3
Студенческое движение в годы назревания революционного кризиса (1899—1904 гг.)	13
Предпосылки демократического движения российского студенчества	13
Первая всероссийская студенческая забастовка	25
От академических целей и средств борьбы к политическим, антиправительственным	41
Политическая дифференциация российского студенчества	94
В ногу с авангардом революции. Студенческое движение в 1903—1904 г.	119
Участие студенческой молодежи в революции 1905—1907 гг.	138
Барометр показывает бурю	138
Демократическое студенчество открывает университеты и институты в интересах революции	150
Трибуны народных революционных собраний	163
Революция зовет на баррикады	183
Студенческое движение в годы отступления революции	191
Заключение	212
Источники и литература	228
Библиография	252
Указатель имен	259

Гусятников, Павел Сергеевич

РЕВОЛЮЦИОННОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Редактор *Ю. В. Мочалова*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление художника *Е. А. Якубовича*
Художественный редактор *А. А. Брантман*
Технический редактор *К. С. Чистякова*
Корректор *Г. Д. Ефимова*

Сдано в набор 29 января 1971 г. Подписано в печать 7 июня 1971 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 3. Усл. печатных листов 13,86.
Учетно-издательских листов 15,08. Тираж 4000 экз.
А03678. Цена 1 р. 32 к. Заказ № 2066.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.
Типография изд-ва «Коммунист». Саратов Проспект Ленина, 94.